

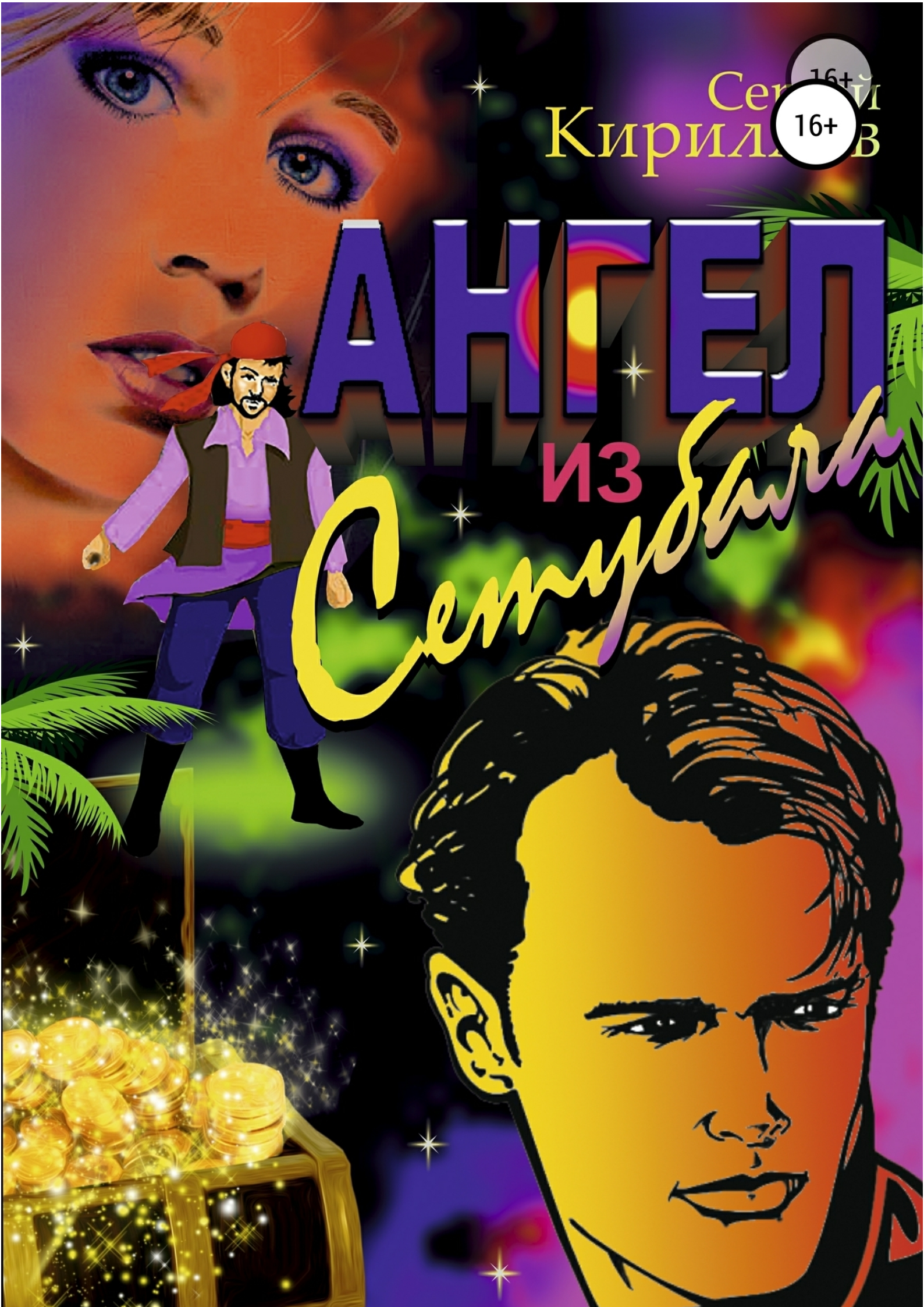
Серия
Кирилл В

16+
16+

АНГЕЛ

ИЗ

Семь барков

Сергей Кириллов
Ангел из Сетубала

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Кириллов С. Т.

Ангел из Сетубала / С. Т. Кириллов — «ЛитРес: Самиздат»,
2018

ISBN 978-5-532-12164-5

Начало 18 века. Команда пиратского судна попадает в засаду, в живых остаются двое. Они прячут сундук с награбленными сокровищами на необитаемом острове. Один из них погибает. Отбыв наказание в Чистилище, он стал ангелом-хранителем актера Андрея Дорохова, который после травмы головы приобретает возможность общаться с ним. Перейра рассказывает о своей жизни, о красавице жене, с которой мечтает встретиться, о кладе на острове. Андрей загорается завладеть кладом, но на пути у него стоит шайка наркодельцов, а на острове - банда террористов. Сумеет ли Андрей преодолеть эти препятствия? Состоится ли встреча влюбленных через триста лет?

ISBN 978-5-532-12164-5

© Кириллов С. Т., 2018
© ЛитРес: Самиздат, 2018

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	22
Глава 4	49
Глава 5	58
Глава 6	80
Конец ознакомительного фрагмента.	83

Глава 1

По пустынным и темным улицам столицы Российской Империи, зловеще поблескивая черным лаком, оставляя за собою клубы едкого синего дыма, мчится чудо американского автопрома новенький «Форд Модель А» 1907 года выпуска. Тусклый свет фар выхватывает из темноты бульжную мостовую, облупленные фасады домов, покосившиеся заборы. Центр города с его волшебной красотой и золотыми куполами уже закончился, и автомобиль летит по грязным улочкам рабочей окраины помпезной столицы.

За рулем авто – широкоплечий мужчина с квадратным, как у бульдога, лицом и плотно сжатыми тонкими губами. На коротко стриженных светлых волосах, словно приклеенная, сидит модная кепка английского покроя с длинным козырьком. На соседнем сиденье – парень лет двадцати пяти. Его длинные темные волосы развеваются от ветра, большие карие глаза сощурены и смотрят вдаль. Над верхней его губой красуются франтоватые усики, кончики которых закручены кверху. Мужчины молчат, напряженно вглядываясь в темноту. В своей сосредоточенной неподвижности они напоминают двух египетских сфинксов с набережной Невы.

– Вот он, – проговорил блондин.

Он сбросил скорость и нажал на тормоз. Автомобиль взвизгнул, недовольно заскрипел и остановился как вкопанный. От забора отделилась невзрачная личность в потрепанном сером костюме и измятой фетровой шляпе. Он подошел к автомобилю.

– Долго же вы ехали, – он кашлянул в кулак. – Я вам записку с мальчонкой два часа назад послал. Продрог, как цуцик, два часа тут торчамши.

– Не скули, Фомин, не за спасибо радеешь.

– Оно и понятно. Служба такая, – закивал головой филер.

– Расскажи, где ты его обнаружил?

– Значится, так. Срисовал я этого упыря в трактире купца Хрюнова на Сенной площади. Откушал он там ростбифом с кровью, расстегаями со стерлядью. Выпил, правда, немного, всего шкалик. Затем поднялся во второй этаж, в номера салона мадам Жози.

– В бордель, то есть, – усмехнулся блондин.

– Точно так, в бордель. Оттуда он вышел через полтора часа. Затем по Садовой улице направился в сторону Нарвской заставы. Ну и я, стало быть, за ним. Почти два часа он петлял по городу, пока не пришел сюда. Вон видите, двухэтажный флигель нежилой? Сносить его будут. Так вот он аккурат в нем и есть. Берлога у него тут.

– Понятно.

Блондин вышел из машины и потянулся, разминая застывшие чресла.

– Спасибо, дружище, за службу. Ступай домой. Поручик!

Он махнул рукой брютету. Тот мгновенно, как черт из ларца, выпрыгнул из машины и очутился рядом с блондином.

– Готов, поручик? Возможно, придется немного пострелять.

– Так точно, господин штабс-капитан! Два револьвера при мне.

Для пушей убедительности, он похлопал себя по карманам.

– Отлично, – мрачно проговорил сыщик. – Теперь Леший от меня не уйдет. Брать живым. В случае крайней необходимости, стрелять по ногам.

– Господин следователь, вы что же, вдвоем решили брать Лешукова? – растерянно спросил Фомин. – Это же не человек. Матерый бандюган! Вурдалак! Сорок ограблений, шестнадцать убийств. Вам надо бы десяток жандармов с собою взять.

– Где их сейчас, ночью, возьмешь? Это надо утра ждать, бумагу писать... Ты же знаешь, Фомин, нашу бюрократию. Это только к обеду, я бы получил подмогу.

– К тому времени его след здесь простынет, – проговорил поручик. – Этот подлец два раза на одном месте не ночует.

– А что, если он там не один? – не унимался Фомин. – Нет, входил-то в дом он один. А вдруг его там подельники дожидались?

– Типун тебе на язык, Фомин, – недовольно проговорил следователь. – Один он там. Точно. Дрыхнет собака без задних ног, так что возьмем его тепленького.

– Ну, вам видней, – пожал плечами филер. – Да, господа, чтобы вам через калитку не светиться. Мало ли что эта скотиньяка может придумать. Я в заборе лаз проделал, третья доска от угла на одном гвозде висит. Вход во флигель один, черного хода нет.

– Спасибо, братец. Возьмем Лешего, магарыч с меня.

Блондин похлопал Фомина по плечу.

– Ступай домой. Отдыхай.

Он махнул рукой поручику. Они пошли через дорогу, к высокому, с облезшей краской, забрызганному грязью и исписанному непристойностями, забору.

Фомин некоторое время смотрел им вслед. Затем он вздохнул и произнес вполголоса:

– Храни вас Господь.

Он осенил крестным знаменем уходящих в серую мглу сыщиков и поплелся в обратную сторону.

Сыщики остановились перед забором. Старший осторожно отодвинул третью от угла доску, согнулся вопросительным знаком и просунул в образовавшуюся дыру голову. Через минуту, изучив обстановку, он вернулся в исходное положение, аккуратно возвратив доску на место.

– Значит, так... – глубокомысленно произнес сыщик.

Он достал из внутреннего кармана пиджака пачку редких папирос «Флора» и предложил младшему. Они закурили.

– Значит, так... – повторил он, сладко затягиваясь дорогим дымом. – Вот что мы имеем, поручик. Длинный деревянный барак на высоком каменном фундаменте. Окна первого этажа заколочены досками. Между дальним торцом флигеля и забором расположен дровяной сарай, крыша которого доходит до второго этажа. С торца флигеля нет окон, так что, в неудачном для нас случае, Лешему придется прыгать на крышу сарая с крыши барака.

– А что ему мешает спрыгнуть со второго этажа на землю?

– Второй этаж это метров шесть с гаком и твердая земля. А с крыши на крышу и трех метров не будет. И забор рядом, перемахнул его и ищи ветра в поле. Это его единственный вариант отхода. Но это вариант «Б». А мы возьмем его по варианту «А», спящим. Светает, – сыщик посмотрел на небо. – Так рано.

– А что ж вы хотите? Май месяц. Скоро сезон белых ночей.

Пару минут они курили молча.

– За мною, – негромко скомандовал штабс-капитан.

Он отодвинул доску и бесшумно скрылся за забором. За ним последовал и поручик. Сыщики оказались во дворе, среди высохшего бурьяна, доходившего им до пояса. Прямо перед ними располагалось длинное двухэтажное здание барачного типа, выкрашенное в коричневый цвет. Окна первого этажа плотно закрыты ставнями и сверху заколочены досками. Несколько стекол в окнах второго этажа разбиты.

Дом был деревянным, но построен мастеровито, солидно, с толком. Но все имеет свой срок, и сейчас он напоминал умирающего богатыря. Вероятно, его хотели вернуть к жизни, поскольку у стены дома лежала стопка строительных досок, пара мешков окаменевшего цемента, куча песка, рядом стояли козлы для маляров. Но потом решили, что дом отжил свой век, что не имеет смысла его реанимировать.

Еще недавно здесь жили люди, любили, мечтали, строили планы. Старики сидели по вечерам на лавочке у крыльца. Во дворе звучал детский гвалт и звонкий смех. Теперь покосившиеся качели слегка раскачиваются от ветра, рядом валяется сломанная колыбель, чуть дальше тряпичная кукла с оторванной рукой. Рядом с крыльцом – колченогая табуретка и дырявая кастрюля. Все проходит и никогда не возвращается.

– Вперед, – чуть слышно сказал штабс-капитан.

Прячась за деревьями и неслышно ступая, сыщики подошли к высокому крыльцу дома. Осторожно наступая на деревянные ступеньки крыльца, словно на первый осенний лед, они поднялись наверх и оказались перед входной дверью, обитой серым дермантином. Старший взялся за ручку двери и потянул ее на себя. Дверь оказалась закрытой. Сыщик присел на корточки и заглянул в замочную скважину. Он встал, запустил руку в карман пиджака и вынул оттуда связку отмычек. Подобрал нужную, он вставил ее в скважину, покрутил внутри механизма, как бы ища точку опоры, и повернул отмычку влево. Раздался негромкий щелчок, и дверь слегка подалась на него.

Поручик вынул из кармана револьвер и взвел курок. То же проделал и штабс-капитан. Два ствола грозно смотрели в черную щель. Блондин резко дернул на себя дверь. Та, жалобно скрипнув, отворилась во всю свою ширь. В нос сыщикам ударил затхлый запах нежилого помещения.

Первым вошел поручик, за ним последовал и штабс-капитан. Они оказались в небольшом тамбуре. Сквозь крохотное оконце над входной дверью пробивался тусклый свет раннего утра. Прямо перед ними еще одна дверь, ведущая в некогда жилую зону флигеля.

Старший осторожно толкнул ее вперед. Но дверь была заперта изнутри.

– Щеколда, – знаками показал сыщик.

– Что делать? Ломать дверь? – так же знаками спросил младший.

– Погоди. Есть идея.

Сыщик сунул руку в карман пиджака и извлек оттуда изогнутый в виде латинской буквы «U» и раскрашенный в синий и красный цвета магнит. Приложив его к двери в том месте, где была щеколда, он медленно стал двигать магнит влево. Раздался слабый скрежет. Щеколда поддалась и медленно двигалась вслед за магнитом. Прodelав положенный ей путь, щеколда остановилась. Поручик в восхищении показал большой палец.

Старший сделал знак «приготовиться». Он взялся за ручку и осторожно начал приоткрывать дверь. В ту же секунду в доме раздался страшный грохот. С верха двери на пол шмякнулось пустое ведро, в котором находился дырявый чайник. Бандитская страховка сработала. Сыщики инстинктивно подались назад.

– Кто там шастает, мать твою, – раздался заспанный голос.

– Полиция Российской Империи! – громко произнес штабс-капитан. – Лешуков, вы арестованы. Выходить с поднятыми руками!

Из одной из комнат прогремел выстрел в сторону сыщиков. Через секунду из комнаты напротив еще два выстрела. Старший выглянул из-за дверного косяка и выстрелил. В ответ раздалась беспорядочная пальба.

– Их четверо, – вполголоса сказал сыщик.

– Получается вариант «Ц», на который мы не рассчитывали.

Произнес младший и, высунувшись из-за косяка, выстрелил в сторону бандитов.

– Не дрейфь, поручик, придумаем что-нибудь.

– Что тут думать, нас двое, а их четверо, – проворчал сыщик.

Старший опять выглянул из-за косяка и два раза выстрелил. Раздался крик и стук падающего тела.

– Уже трое, поручик. Лешуков и остальные господа бандиты! Приказываю вам выходить в центр коридора с высоко поднятыми руками, иначе вы все будете уничтожены!

В ответ понеслась нецензурная брань, посыпался град выстрелов. Сыщики стреляли в ответ. Среди гвалта и треска выстрелов до ушей сыщиков донеслась негромко брошенная фраза:

– Леший, беги! Мы пока придержим легавых!

В тот же момент из двери одной из комнат выбежал человек и, пригибаясь, побежал к лестнице, ведущей во второй этаж.

– Уйдет гад! Опять уйдет! – проговорил, скрипя зубами, штабс-капитан.

– Не уйдет! Живьем возьмем!

Поручик бросил старшему свой второй револьвер. Тот ловко поймал его за рукоятку.

– Я за Лешим. Прикрой меня!

– Понял.

Штабс-капитан вышел в дверной проем и стрельбой из двух револьверов заставил спрятаться в своих комнатах бандитов. В ту же секунду поручик выбежал из-за спины старшего и стремглав бросился по коридору. Поравнявшись с комнатами, где находились бандиты, он упал на колени и кубарем прокатился по полу, проходя простреливаемый участок. Пули бандитов просвистели мимо.

В дверях третьей комнаты стоял бандит и старательно целился в катящегося по полу сыщика. Он не успел выстрелить. Сыщик, кувыркаясь, выстрелил в него два раза. Бандит охнул, выронил пистолет и стал медленно оседать на пол, скользя спиной по дверному косяку, оставляя кровавый след на нем.

Поручик вскочил на ноги и бросился вслед за Лешим. Добежав до лестницы, он кинул взгляд вверх и увидел, что бандит карабкается по стремянке на чердак. Сыщиком овладел азарт погони. Он с удвоенной энергией устремился за ним, перескакивая через несколько ступенек. Мухой он взлетел по стремянке и оказался в темном и пыльном чердачном помещении. Он заметил стоящую в углу сломанную этажерку, валявшиеся коробки, на веревке забытую кем-то простыню.

Через открытое слуховое окно струился неяркий свет утренней зари. Топот ног по крыше гулко разносился по чердаку, напоминая грохот африканских барабанов. Поручик ринулся к окну и через секунду был уже на крыше. В нескольких метрах от себя он увидел широкую спину убегающего преступника.

– Стоять, Лешуков! – крикнул сыщик. – Еще шаг, стреляю на поражение!

Леший, не останавливаясь, выстрелил в сторону брютета.

– Ладно, – ледяным голосом проговорил поручик. – Ты сам этого хотел.

Он старательно прицелился ему в ногу и нажал спусковой крючок. Вместо выстрела раздался щелчок, затем еще один щелчок, патроны в револьвере закончились.

Лешуков вдруг остановился, согнутая его спина расправилась. Он, не спеша, повернулся к поручику. Это был здоровенный, кряжистый мужик. На его широкоскулом лице, покрытом оспинами, играла торжествующая улыбка, не сулившая ничего хорошего сыщику. Его маленькие, глубоко посаженные, стального цвета глаза буравили брютета.

– Что, легавый, отпрыгался? – прохрипел бандит.

Он приближался к поручику, держа его на мушке револьвера.

– Молись, молокосос! Еще не родился тот легавый...

Но бандит не успел договорить. Сыщик резким движением метнул свой револьвер в Лешего. Тот взревел словно разъяренный бык, револьвер попал ему в голову. Он закачался, но не упал. Пошатываясь, Леший выстрелил, но пуля прошла намного выше головы сыщика. Брютет с быстротой кошки бросился в ноги бандита и, ухватив его за лодыжки, с силой рванул на себя. Со страшным грохотом массивная туша бандита рухнула на крышу. Падая, он выстрелил еще раз, но уже куда-то в небо.

Одним прыжком поручик оказался на Лешукове. Он схватил за кисть руку с револьвером и с силой ударил ею о металлическое покрытие. Револьвер вылетел из руки бандита, упал на покрытую оцинкованной жестью крышу, подпрыгивая и кувыркаясь, улетел на землю.

Борьба продолжалась, но силы были не равны. Леший резко рванул корпус вперед и, словно котенка, сбросил с себя брюнета. Оба быстро вскочили на ноги. Они, тяжело дыша, стояли друг перед другом. Со лба бандита из раны тонкой струйкой на лицо стекала кровь. Рука его скользнула по бедру, и через секунду он выхватил из-за голенища нож.

– Ну все, сопляк, живой ты мне уже надоел!

Он нанес удар сбоку, целясь в живот, но сыщик быстро сделал шаг назад, и нож пролетел мимо, аккуратно разрезав его пиджак на животе. Бандит, наступая, нанес еще один такой удар. Брюнет снова увернулся.

– Ловкий, засранец, – процедил сквозь зубы Леший. – А если так!

Он сделал выпад и нанес прямой удар, целясь в грудь сопернику. Сыщик развернул корпус влево, пропуская нож мимо себя и, перехватив руку за запястье, резко крутанул ее по кругу. Леший взвыл словно раненный зверь и, совершив кульбит, грохнулся на крышу. Нож вылетел из его руки и, бешено вращаясь пропеллером, улетел на землю.

Но тут произошло непредвиденное. Проводя прием, брюнет не удержался на ногах, упал на спину и заскользил вниз, по мокрой от майской росы, наклонной крыше. Он пытался за что-нибудь уцепиться, перевернуться на живот, но тщетно, какая-то неведомая сила тащила его к краю. Через секунду раздался глухой стук упавшего тела на землю.

– А-а-а-а-а!

В ту же секунду раздался женский визг и, как по команде, загалдели другие голоса.

– Человек разбился!

– Как разбился?! Этого нет в сценарии!

– Да иди ты со своим сценарием!

– Он живой! Он дышит!

– Врача! Скорее врача!

– Какого врача? Скорую помощь!

– Да вызовет кто-нибудь скорую помощь?!

– Не ори! Уже вызвали!

– Стоп! Прекратить съемку!

Брюнет неподвижно лежал на куче песка, а вокруг него толпились люди. По земле черными змеями вились кабели. Поодаль стояли огромные прожекторы, кинокамеры на штативах и тележках, киносъемочный кран и прочая аппаратура.

Глава 2

– Боже мой, как болит голова! Как болит голова! Она сейчас лопнет. Лопнет словно перезрелый арбуз. За что же мне такое наказание? Может быть, я перебрал вчера? Нет, я же не алкоголик, чтобы так напиваться. И потом, говорят, что у алкоголиков не болит голова. Привычка. Вот опять накатило, сейчас башка моя взорвется. А может быть, я все-таки надрызгался вчера? Так. Что было со мною вчера? Напрягись. Вспоминай. Что было вчера? Вчера. Что за черт! Не помню. А было ли оно, это вчера? Что за бред? Если есть сегодня, стало быть было и вчера.

Боль немного утихла. Я открыл глаза. Надо мною – белый потолок, по которому ползут розовые, фиолетовые, синие круги.

– Этого еще не хватало. Что за цветомузыка?

Я закрыл глаза и снова открыл их. Пятна постепенно исчезли. Потолок снова сиял своею белизной.

– Что за ерунда, куда девалась трещина в углу потолка? И где моя трехрожковая люстра? Ей, правда, сто лет в обед, но все же, куда она девалась? Вместо нее какой-то дебильный шар завис над моей кроватью. Стоп, кровать тоже не моя, моя жестче. А, все ясно. Я не у себя дома. В гостях у какой-то милашки. Хоть, маловероятно, у меня сейчас роман с Леночкой, и у нас все хорошо.

Обычно я укладываю девушек слева от себя, мне так удобнее, старая привычка. Я повернул голову налево, и вдруг острая боль словно электрический разряд пронзила мою шею, позвоночник до самого копчика и, вернувшись, острым копьем вонзилась в мой мозг.

– Ай! Мать твою! Что за хрень? – воскликнул я.

Меня охватил страх, я даже на секунду забыл о боли.

– Что происходит? Со мною никогда такого не было.

Дверь отворилась, и в комнату вошла женщина средних лет в белом застиранном халате и белой шапочке. В руках ее был небольшой лоток со шприцами и препаратами. Ее темные волосы были аккуратно собраны в кичку на затылке. От ее глаз к вискам бежали веселые морщинки.

– Ну наконец-то, пришел в себя. Мы уже заждались тебя.

Она широко улыбалась, а голос ее был добрым и приветливым, как у ведущей телепередачи «Спокойной ночи, малыши».

– Мы тебя завтра ждали. А ты, видишь как, сегодня оклемался. И Георгий Иванович сказал, что ты только завтра, а в среду уж точно. Георгий Иванович – наш главврач.

– Я что, в больнице? – с ужасом спросил я.

– А то где же? В больнице, касатик.

Она поставила лоток на тумбочку у изголовья моей кровати и достала из него шприц.

– Высунь ногу из-под одеяла, я тебе укольчик поставлю.

Я подчинился.

Она потеряла место укола ваткой, и в палате повис сладковатый запах спирта.

– погоди, не убирай ногу, еще один укольчик. Так, молодец. А теперь проглоти вот эти таблеточки.

Она протянула мне блюдце, на котором лежало несколько разноцветных таблеток.

– Запей.

Она протянула мне стакан с водой.

Я, как загипнотизированный, послушно выполнял все ее приказания.

– Сейчас ты поспишь пару-тройку часиков, а проснешься, я тебе завтрак принесу. А то ты очнулся ни свет ни заря. Сейчас пять утра. Поспи. Как проснешься, к тому времени и повара

наши придут. А часиков в восемь дружкам твоим позвоню, что доставили тебя сюда четвертого дня. Они номера телефонов свои оставили. Родителям твоим брякну, пусть порадуются.

– Извините, – сказал я. – Как мне вас называть?

– А очень просто, Любовь Васильевна я.

– Любовь Васильевна...

Собрался я с духом.

– А что я здесь делаю?

– Как что? Лежишь. А мы тебя лечим.

– Это я понял. Как я сюда попал? Что со мною?

– А ты что же, ничего не помнишь?

Я энергично помотал головой и тут же скривился от боли в позвоночнике.

– Дак с крыши ты брякнулся и прямо об землю. Хорошо, что на кучу песка упал, а то бы сейчас был мешок с костями. А так сотрясение мозга, ушибы, гематомы. Пустяки, в общем. Через две недели порхать будешь как бабочка.

– А чего меня на крышу занесло?

– Как чего? Кино вы там снимали.

– Точно! Кино снимали.

Память постепенно возвращалась ко мне в виде неясных, размытых картин, которые становились все четче и резче, как появляется изображение на фотобумаге, опущенной в проявитель.

– Повезло тебе, Андрей...

Продолжала медсестра, собирая на свой лоток шприцы и использованные ампулы.

– Точно. Андрей! Это же мое имя. Андрей Николаевич Дорохов. Актер.

– Так вот я и говорю, повезло тебе. С такой высоты шмякнулся, а хоть бы хны. Глупости в виде сотрясения и ушибов. А вот в прошлом году к нам привозили мужчину. В командировке он у нас в Питере был. Так вот. Вышел он утречком из гостиницы, сел на лавочку покурить. А тут машина поливальная идет. Он ноги-то поднял, чтобы брюки не замочило, да не удержался и упал. А сзади него клумба с цветочками была, бордюром из булыжников обнесенная. Он головой о булыжник, бедолага, и шандарахнулся. И все, нет человека. А тебе повезло, в рубашке родился. Ладно, пойду я, тебе спать надо. Если чего нужно будет, на стене кнопка, руку протяни, нажми ее, и я нарисуюсь. Как джинн из бутылки.

– Из лампы, – улыбнулся я.

– А неважно, я тут рядом. Отдыхай, Выздоровливай.

Любовь Васильевна поправила одеяло, улыбнулась своею доброй и немного грустной улыбкой и, подхватив свой лоток, неслышно ступая, вышла из палаты.

Видимо, лекарство начинало действовать, веки мои потяжелели, по всему телу растекалась теплая волна сладкой неги и безмятежной расслабленности. Я закрыл глаза и погрузился в тихое спокойное море сновидений.

И снилось мне, что я – строитель. На мне – красивый комбинезон небесного цвета со множеством карманов, блестящих застёжек, пряжек. На голове – роскошная оранжевая пластиковая каска. На зеленой поляне, среди деревьев, я строю дом. Удивительно красивый, бежевого цвета, с ослепительно-белыми колоннами, с мраморными статуями в фасадных нишах и богатой лепниной по фронтому.

Светит ласковое солнце, щебечут птицы, вокруг порхают разноцветные бабочки. Я легко спрыгиваю с высоты строительных лесов на землю. словно пушинку, подхватываю ведро с белой краской и легкокрылой птицей взлетаю на рабочее место. Одухотворенно я крашу оконные рамы в белый цвет. Мне хорошо, радостно и спокойно. Через оконное стекло я вижу людей внутри дома. Они тоже работают. Кто стелет полы, кто красит потолок, другие клеят обои. У всех радостные, просветленные лица.

Вот кто-то поворачивается ко мне. Это пожилая женщина. Она мне знакома. Любовь Васильевна. Ее губы шевелятся, она что-то говорит мне. Но звук не проходит сквозь стекло. Я читаю по ее губам:

– Отдохни, Андрюша. Отдохни.

Я качаю головой.

– Нет. Нет.

И снова спрыгиваю с лесов на землю, теперь уже за оранжевой краской. Я приземляюсь рядом с великолепной клумбой, на которой растут удивительной красоты цветы. Прямо на клумбе дремлет человек в сером костюме с седыми волосами.

Я подхожу к нему:

– Уважаемый, клумба – не лучшее место для отдыха. Не хотите ли присоединиться к нам? Я делаю широкий жест в сторону дома.

Он поднимается и смотрит на меня водянистыми серыми безжизненными глазами.

– Нет, не хочу.

Голос его глухой, с металлическими нотками, словно идет из пустой железной бочки.

– Все это суета, прах и тлен. Вечна только пустота и мрак.

Он повернулся и, тяжело ступая, пошел прочь.

Я посмотрел ему вслед, и внутри меня похолодело. На серебристых волосах его злое-щим темно-красным цветком застыло кровавое пятно. Я повернулся назад и пошел к дому, но на полушаге застыл словно вкопанный. Дом исчез, пропали птицы, бабочки. Солнца тоже не видно, оно было скрыто свинцовыми тучами. Остались лишь углые шаткие строительные леса, которые раскачивались, жалобно поскрипывая, под порывами свистящего в уши ветра. Все – тягучий мрак. Пустота.

– Проснись! Э-ге-гей! Але, гараж! Андрюха, проснись!

Я открыл глаза. Надо мною склонился парень. Его темно-серые смеющиеся глаза, рыжие, слегка вьющиеся, волосы, мясистый нос и редкие рыжеватые усы были мне знакомы до боли.

– Ну конечно, Календарь!

Память снова не подвела меня. Календарь – это кличка, так звали его друзья, в их числе и я. Он был сирота, подкидыш. Его нашла нянечка Дома малютки, куда его подкинула кукушка-мать, а по традиции, нашедший подкидыша дает ему имя, фамилию и отчество. Фамилия нянечки была Сентябрева. Найден он был в марте, получите имя Мартьян. Накануне у дедушки нянечки случился юбилей, а дед ее был из поволжских немцев и звали его Август, получите, пожалуйста, отчество – Августович. Так что звали моего другана – Мартьян Августович Сентябрев, ни дать ни взять Календарь.

– Привет, Март! – сонным голосом проговорил я.

– О, он еще говорить не разучился. Привет, Андрюха!

Март стиснул мою руку в своей ладони.

– Как ты?

– Спасибо, хреново.

– Ну, это временно. Давай, рассказывай.

– Что рассказывать? – спросил я.

– Как что? Из моих знакомых никто с крыши не падал.

– Что тут рассказывать? Поскользнулся, упал – здравствуй, земля.

– И все?

Март разочарованно смотрел на меня.

– А что же ты хочешь? Чтобы я поделился с тобой незабываемыми впечатлениями от свободного полета?

– Типа того.

– Отвали, Март. Это интимные воспоминания.

– Ладно, Андрюха. Чувствую, что воспоминания не из приятных. Ну ничего, скоро оклемаешься и тогда, за рюмочкой чайку, ты поделишься со мною впечатлениями. О, кстати, я тут тебе кое-что принес.

Март открыл свой щегольский кейс и достал оттуда бутылку коньяка, палку «салями», нарезку красной рыбы и шоколадку.

– Хлебнешь, Андрюха?

– Ты, что, сбрендил, Календарь? Я, вообще-то, в больнице лежу, можно сказать, при смерти. Пей сам за мое здоровье.

– Нет, я не могу, мне сейчас на работу, да и за рулем я. Ну, потом выпьешь за мое здоровье. Слушай, я сейчас заходил к твоему эскулапу.

– К кому ты заходил? – не понял я.

– К эскулапу. К твоему лечащему врачу. Так вот, он говорит, что ты очень легко отделался, везунчик. Он показывал фотки твоей башки на пленке, знаешь? Мозг, говорит эскулап, не поврежден, только небольшая гематома. А я смотрел на эту пленку и что-то мозга твоего так и не увидел. У тебя там кость, Андрюха, сплошная кость!

Март радостно заржал.

Дверь в палату отворилась, и на пороге показалась медсестра с подносом в руках.

– Завтрак, больной!

Она подошла к моей койке, поставила поднос передо мною и, покрутив какую-то ручку, приподняла спинку моей кровати.

– Да, неважно здесь болезных потчуют.

Март брезгливо сморщился.

Любовь Васильевна обиженно поджала губы и проговорила:

– Согласно диетологической раскладке, на завтрак больному положено: каша рисовая с маслом, бутерброд с сыром и какао. В обед будут мясные блюда. Закончите завтрак, нажмите кнопку над головой, и я заберу посуду. Приятного аппетита, Андрей!

Она неслышно удалилась.

Март посмотрел на часы.

– И я пойду, пожалуй. На работу опаздываю. Выздоровливай, старик. До встречи!

Он махнул рукой и стремительно покинул палату.

Я взглянул на стоящий передо мною поднос с едой и вдруг почувствовал приступ зверского голода. До меня дошло, что уже несколько дней я ничего не ел. В мгновение ока я смел кашу вместе с бутербродом. Немного подумав, я отломал пол палки «салями» и отправил ее вслед за кашей. Та же участь постигла и плитку шоколада, ее я уничтожил, запивая какао. Ощувив в животе приятную тяжесть, я расслабился. Все было хорошо, спокойно, умиротворенно, если не шевелиться. Но шевелиться нужно было, я протянул руку к кнопке на стене и нажал ее. Боль снова прострелила мой позвоночник, но, к моему удивлению, уже не так остро. Либо я выздоравливаю, либо начинаю привыкать к боли.

Отворилась дверь, и мягкой кошачьей походкой в палату вошла Любовь Васильевна.

– Покушал? Молодец, Андрюша. Отдохни пока, поспи или так полежи, помечтай. В два часа у нас обед. Я тебе перед ним еще два укольчика поставлю и повезу тебя на процедуры. Вот, друг мой, такие у нас с тобой планы на ближайшие дни.

– Принимается, тем более, что от меня ничего не зависит.

– Вот и хорошо. Отдыхай, Андрей.

Она ушла.

Я смотрел в потолок, в голове не было ни одной мысли, ну конечно, я вспомнил Марта, там же у меня «сплошная кость». Веки мои тяжелели, глаза закрывались, и я постепенно погружался в сладкую дрему. Через приоткрытую форточку я слышал шелест листвы за окном, шум проезжающих вдали автомобилей, громкие голоса мальчишек, гонящих на пустыре мяч.

Не знаю, сколько я еще проспал, только меня разбудили громкие голоса в коридоре.

Дверь в палату отворилась, и в проеме показался человек в темно-синем костюме, плотно облегающем его бочкообразную фигуру. Увидев меня, его круглое, словно масленичный блин, лицо расплылось в улыбке, превратившись в овал.

– Вот он, здесь. Заходите!

Воскликнуло лицо и широко распахнуло дверь. Вслед за ним в палату ввалилось еще человек пять или шесть. Он быстро подошел ко мне, плюхнулся на стул рядом с кроватью, и тут же моя правая рука оказалась в его пухленьких, как бабушкины оладьи, ладонях.

– Здравствуйте, Андрей! Здравствуйте! Как вы? Как здоровье?

– Все хорошо, Ефим Семенович! Спина, правда, побаливает.

Странно, почему-то я сразу вспомнил этого добродушного толстячка. Это был продюсер нашего фильма.

– Просто Ефим. Для друзей я Ефим.

– Хорошо, Ефим, – улыбнулся я.

– Ну здорово, Андрей!

Это подошел ко мне Хохлов. В группе к нему все относятся с уважением. Шутка ли. За его плечами около сорока кинокартин. Он – звезда нашего фильма. В группе все почтительно называют его «Михалыч». В нашем боевике он играет штабс-капитана.

Михалыч по-хозяйски взял стул, поставил его твердо рядом с кроватью, словно постамент. Уселся на него, положив свои пудовые кулаки на колени, и превратился в памятник то ли Петру I, то ли Александру III.

– А мы к тебе, Андрюха, прямо со съемок. В костюмах, в гриме.

Голос у него был низкий, рокошущий.

– Мы ненадолго к вам, Андрей, – засуетился Ефим Семенович. – Пока декорации меняют, свет переустанавливают. Мы вот решили заехать к вам. Ненадолго. Сами знаете, сколько стоит час простоя.

Я понимающе закивал головой.

– Мы вот вам привезли. Фрукты, овощи, соки. Леша, где пакет?

Тотчас из-за спины продюсера высунулась рука актера Гришко, игравшего в фильме филера Фомина, с полным пакетом провизии.

– А где цветы, Леночка? – руководил процессом продюсер.

– Здесь я, – раздался звонкий мелодичный голосок, от которого у меня сладко заныло в груди. – Вы, мужики, сгрудились у кровати, не даете мне подойти. Это дискриминация.

– Проходите сюда, Леночка. Садитесь, – пророкотал Михалыч, галантно уступая ей стул.

– Спасибо.

Леночка присела на край стула, аккуратно оправив платье. До меня донесся сладковатый запах ее французских духов.

– Привет, Андрей! Ну как ты?

– Да все с ним нормально, Леночка. Видишь, как живой лежит, – пробасил Коля Супрун, актер, игравший главного злодея Лешего.

– Нет, не все нормально. Видите, как он похудел, небритый и глаза грустные. Здесь плохой уход! Вот и стульев не хватает. Я тебе, Андрюша, цветы принесла.

Она положила мне на грудь огромный букет цветов.

– Спасибо, – сказал я, не сводя глаз с ее пухлых пунцовых губ.

– Лена, что же вы его, как покойника в гробу украшаете. Рано ему еще, – прыснул Супрун.

– Ой, правда! Надо их в вазу поставить.

Она оглядела палату.

– Слушайте, это безобразие, здесь нет даже вазы для цветов!

– Самое главное, у него есть ваза ночная. Может быть, туда... – не унимался Супрун.

– Фи на вас, Николай. Пойду к дежурной, у нее должна быть ваза.

Леночка быстро вышла из палаты.

– Послушайте, Андрей. Ваш гонорар мы перевели вам на счет.

Продюсер снова тискал мою руку в своих ладошках.

– Страховку мы вам оплатим, как только вы выпишитесь из больницы. За лечение в этой клинике мы уже оплатили.

– Спасибо, Ефим Семенович, – поблагодарил я его. – Но мы не успели снять со мною последний эпизод в фильме?

– Не переживайте, Андрей. Эпизод не очень важный, проходной, дублера вместо вас снимем. В вашем костюме, как-нибудь со спины. Пусть режиссер об этом думает. Кстати, о режиссере. Он настаивает, чтобы кадры с вашим падением с крыши вошли в фильм. Несчастный случай, произошедший с вами, снимали четыре камеры. Я сам смотрел эти кадры. То, что надо. Динамика, экспрессия, а, главное, без монтажа.

– Да, Андрюха, классно у тебя получилось. Голливуд отдыхает, – пророкотал Хохлов.

– Признавайся, сколько раз ты репетировал свой полет? – поинтересовался Супрун.

– Да погодите вы!

Продюсер нервно взмахнул рукой.

– Тут сугубо этический вопрос, Андрей. Если вы не хотите, то мы не будем вставлять эти кадры, чтобы не ранить вам душу?

– Если вы считаете, что кадры о моем свободном полете украсят наш фильм, то я согласен, – ответил я.

– Вот и хорошо, Андрей. Конечно, мы вам оплатим это как каскадерский трюк высшей категории сложности. Вы не будете в обиде.

Лицо Ефима Семеновича снова превратилось в овал.

В палату впорхнула Леночка с букетом цветов, помещенным в простенькую стеклянную вазу.

– Ну все. Поправляйтесь, Андрей. Мы вас ждем. За мною, ребята.

В последний раз продюсер стиснул мою руку своими «оладьями». Он встал со стула и направился к двери. Все потянулись за ним. Вдруг он остановился и взглянул на Лену.

– А вы, Леночка, можете остаться с Андреем наедине. Недолго. Мы вас подождем в машине.

– С чего вы взяли, что нам нужно остаться наедине?

– Да ладно, Лена. Уже вся группа знает, что у вас роман. А вы все в шпионов играете, – пробасил Михалыч.

– Скажите, Андрей, белый «Пежо 308» ваша машина? – спросил слащавым голосом Ефим Семенович.

– Моя – ответил я.

– А то на прошлой неделе я выезжаю со стоянки у студии. А в белом «Пежо» Лена с кем-то целуется. Я со спины вас не узнал. Тогда все в порядке.

– А я вам вот что скажу, – подал голос Супрун. – Захожу я как-то в костюмерную, а там Андрюха и Леночка...

– Да идите же вы отсюда! – повысила голос Леночка. – В машине досплетничаете!

Мужчины послушно удалились. Мы остались вдвоем. Лена положила руки мне на плечи и, глядя мне в глаза, прошептала:

– Здравствуй, любимый.

Я ничего не успел ответить, как в ту же секунду мой рот был запечатан долгим и страстным поцелуем. Волосы Лены щекотали мои щеки, нос. Я прижимал ее к себе, жадно вдыхая пьянящий аромат ее духов. От вздымающейся груди ее исходил жар, сводивший меня с ума. Наконец она оторвалась от меня, переводя дух.

– Колючка моя.

Она провела рукой по моей щетине недельной давности. Щеки ее покраснелись, взгляд затуманился.

– Я чуть не умерла от страха, когда ты с крыши свалился. Больше так никогда не делай.

– Не буду. Честное пионерское.

– Я скучала без тебя, Андрейка. А ты?

Вместо ответа я обнял ее за шею и притянул к себе. Наши губы снова слились в долгом, головокружительном поцелуе.

– Ну все, Андрейка. Мне пора.

Она отстранилась от меня.

– Всю прическу разлохматил и помаду съел. Надо привести себя в порядок.

Леночка достала из сумки расческу, зеркальце, губную помаду и принялась восстанавливать свой слегка помятый антураж.

– Что нового на студии? – спросил я, с интересом следя за процессом восстановления красоты.

– Ничего особенного. Послезавтра съемки заканчиваются, затем монтаж, озвучка, все по плану. Да, третьего числа инвестор приезжает из Москвы. Говорят, он олигарх или что-то в этом роде. Он денег дал нашему Ефиму на фильм.

– Что же, в Питере своих олигархов нет?

– А я откуда знаю. Посмотрит рабочий материал, если понравится, еще один фильм спонсирует. Ну все, я полетела. Люди ждут. На прощанье можешь меня поцеловать.

– Это я с превеликим удовольствием.

Я широко распахнул свои объятия.

– Только, чур, помаду не размазывать и прическу руками не трогать.

– Есть, товарищ генерал.

Она наклонилась ко мне, и я снова ощутил клубничный вкус ее помады на своих губах.

– Я люблю тебя, Андрейка.

– И я тебя люблю, Леночка.

– Все, меня здесь уже нет.

Леночка быстро встала и стремительно, не оглядываясь, пошла к двери, едва не сбив на ходу медсестру, вносящую в палату поднос с моим обедом.

– Какая она у вас стремительная, чуть не стоптала меня, – покачала головой Любовь Васильевна.

Она поставила поднос с едой на стул у кровати.

– Обед, Андрей. Салат витаминный, щи уральские, котлета с гречей, компот из сухофруктов и булочка с изюмом. Кушайте, Андрей, набирайтесь сил. Приятного аппетита!

– Спасибо, Любовь Васильевна. Кормилица и поилица вы моя.

Медсестра ушла.

Я потянулся к стулу, на котором стоял мой обед, и вдруг заметил человека, стоявшего рядом с ним. От неожиданности я даже вскрикнул:

– Эй! Вы кто?

Незнакомец улыбнулся грустной и немного виноватой улыбкой.

– Кто вы, черт возьми?

Он протянул руки ко мне, как бы успокаивая меня, и приложил палец к своим губам.

Я во все глаза таращился на незнакомца, в то время как он излучал приветливость и добродушие.

Странного вида был этот тип. Лет ему было в районе тридцати, не больше. Ростом он был примерно на полголовы ниже меня. Волосы были черные, длинные, собраны на затылке в хвост, перевязанный лентой. Высокий чистый лоб заканчивался темными кустистыми бро-

вями, почти смыкавшимися на переносице. Глаза темно-карие с едва различимыми зрачками. Кожа была почти бронзового цвета, как будто он только что вернулся с турецкого курорта. Лицо обрамляла узкая борода с усами в стиле «а ля Рошфор». В правом ухе его болталась огромная серьга. Одет он был уж очень странно. Белая рубаша с широкими рукавами и высокими манжетами была расстегнута на груди, а на шее повязан красный шелковый платок. Поверх рубашки надет жилет из черной тонкой кожи. Темно-синие шаровары были заправлены в полосатые гетры. На ногах его – темно-коричневые башмаки с тупыми носами на толстой подошве и большими медными пряжками. Из-под жилета был виден широкий кожаный пояс бежевого цвета с двумя рядами отверстий и большой бронзовой бляхой.

Вдруг меня осенила здравая мысль.

– Послушайте, вы актер? Да? Вы приехали вместе с Ефимом, Леночкой, Михалычем? Просто я вас сразу не заметил. Хотя вы точно не из нашей группы. Я вас не узнаю. Кто вы?

Незнакомец потупился и кротко произнес:

– Я – Ангел.

Я рассмеялся.

– Я тоже ангел. Во всяком случае, так утверждают мои родители. И все же, как ваше имя?

– При жизни меня звали Диего Гарсия Перейра.

– Слушайте, хватит дурака валять! Не хотите говорить свое имя и не надо. Проваливайте отсюда. Мне обедать пора.

– Пожалуйста, пообедайте. Я вам не буду мешать, – кротко ответил незнакомец.

– Вы, что, так и будете там торчать? – раздраженно спросил я.

– Я могу стать в другое место, – покорно ответил он. – Хотите, я перейду к окну?

– А уйти вы не можете? – язвительно поинтересовался я.

Он начинал меня бесить.

– Уйти я не могу, – грустно проговорил он, разглядывая пряжки на своих башмаках.

– Тогда я помогу вам. Сейчас встану и вышвырну вас вон!

– Нет, что вы, – испугался незнакомец. – Вам сегодня еще нельзя вставать, вот завтра ненадолго можно. Вы лучше кушайте ваш обед, а то щи простынут.

– Заботливый, мать твою... – проворчал я и, подтянув к себе стул, взял с подноса тарелку с салатом.

Вскоре тарелка опустела, и я принялся за щи.

– Имейте в виду. Как вас там... Орейра?

– Перейра, – вежливо подсказал он.

– Перейра. Сейчас войдет медсестра, увидит вас, вызовет охрану, и вас вытурят отсюда вразней!

– Сомневаюсь, – тихо проговорил Перейра и грустно вздохнул.

– И не сомневайся, друг мой любезный Орейра, – уверил его я, хлебая щи.

– Перейра, – терпеливо поправил он меня.

Некоторое время я ел молча.

– Как-то неловко получается, я ем, а вы нет? Вон там, на тумбочке, колбаса, семга, фрукты. Съешьте чего-нибудь, пока вас не выперли отсюда.

– Благодарю вас, но я не ем, – вежливо отказался он.

– Брезгуешь, Перейра?

– Отнюдь. Я уже более трехсот лет ничего не ем.

Я застонал словно от зубной боли.

– Как ты мне надоел, Перейра! Сейчас нажму кнопку, и пусть медсестра с тобой разбирается!

– Прошу вас, Андрей. Не нужно говорить медсестре обо мне.

– Ага, испугался, аферист! Вали отсюда, самозванец! – торжествующе произнес я и картинно указал ему ложкой на дверь.

Перейра обиженно отвернулся от меня. Он молча подошел к окну и застыл, глядя на улицу.

Покончив с обедом, я решил часик-другой вздремнуть. Но присутствие странного типа мешало мне осуществить это желание. Сон не шел ко мне. Я скосил глаза и взглянул на Перейру. Он стоял неподвижно, словно памятник.

– А может быть, он сумасшедший? – пришла мне в голову неожиданная мысль. – Точно, сумасшедший. Больница же все-таки. Сбежал из психушки и у меня в палате прячется.

Я еще раз посмотрел на Перейру.

– Да нет, на психа вроде бы не похож. Хоть, кто его знает, как они выглядят. Я в жизни ни одного не видел. Ну, во всяком случае, этот не буйный. Так, тихопомешанный.

Скрипнула дверь, и в палату неслышно вошла медсестра.

– Покушал, Андрей?

– Спасибо, Любовь Васильевна.

– Молодец, Андрюша. Аппетит хороший, значит, пошел на поправку.

Она собрала пустые тарелки на поднос и направилась к выходу.

Я был в полном недоумении:

– Неужели медсестра не заметила постороннего в моей палате?

– Любовь Васильевна...

– Что, Андрей?

Она остановилась и взглянула на меня.

– Не могли бы вы попросить покинуть мою палату вот этого молодого человека?

– Какого молодого человека?

– Вон того. У окна.

Я ткнул пальцем в сторону Перейры.

– Шутите, Андрей? – спросила она, с беспокойством глядя на меня.

– Нисколько. Вон он стоит.

Я снова указал на Перейру.

Он уже стоял ближе ко мне и нахально улыбался.

– Может быть, вам что-нибудь за окном показалось? Хоть здесь третий этаж...

Она поставила поднос на столик у дверей и направилась к окну.

И тут произошло совершенно необъяснимое, от чего я даже на какое-то время потерял дар речи. Любовь Васильевна, идя к окну, прошла сквозь Перейру, стоявшего у нее на пути, как сквозь облачко табачного дыма. Она посмотрела в окно, задернула шторы и подошла ко мне. Потрогала мой лоб, проверила пульс.

– Может быть, вам приснилось это, Андрей?

Я молчал, не в силах вымолвить ни слова.

– Ладно, отдыхайте. А о ваших галлюцинациях я доложу лечащему врачу. Может быть, придется психиатра приглашать.

Медсестра покачала головой и, как всегда, бесшумно, вышла из палаты.

Я лежал на кровати, тупо уставившись в потолок. Мой мозг отказывался понимать увиденное и уж тем более дать этому сколько-нибудь внятное объяснение. Не знаю, сколько я пробыл в состоянии умственного нокаута, но к реальности меня вернул вкрадчивый голос Перейры.

– Андрей, с вами все в порядке?

Я зыркнул на него испепеляющим взглядом.

– Да, я в полном порядке. Я вижу мужика, который называет себя ангелом! Его никто не видит, а я вижу! Медсестра спокойно проходит сквозь него, как будто его и нет вовсе. А завтра

придет психиатр, и меня упекут в дурдом! Так что у меня все в полном порядке! Спасибо тебе за это, друг Перейра!

– Меня зовут Диего.

– Спасибо тебе, друг Диего!

– Не надо так расстраиваться, Андрей.

– Да? Легко сказать! Вот объясни, Перейра. Почему я тебя вижу и слышу, а для медсестры ты – ноль, вообще не существуешь?

– Я думаю, Андрей, это последствия травмы головы, полученной вами. Вы же слышали, что иногда, вследствие несчастного случая, люди приобретали сверхъестественные способности. Кто души людей видит, кто внутренние органы человека, а кто дар предвидения получает. А вы вот меня видите.

– Великая радость! – съязвил я.

– Ну, я тоже не в восторге от этого, – ответил Перейра.

– И что же, я теперь до конца жизни буду тебя видеть?

– Трудно сказать. Тут есть три варианта. Либо это навсегда. Либо это пройдет, когда полностью заживет гематома. Либо нужно получить еще одну травму, как говорится, вышибить клин клином.

– Меня бы больше устроил второй вариант.

– Не помешал? – раздался незнакомый мне голос.

Я повернул голову и увидел входящего в палату коренастого человека в белом халате и белой шапочке.

Он энергично подошел к кровати и сел на стул.

– Вы с кем-то разговаривали?

Человек в белом халате пристально смотрел на меня.

– Я? Нет, что вы! С кем тут разговаривать? Просто роль репетировал, – нашел, что ответить, я.

– Понятно. Здравствуйте, Андрей Николаевич. Помните меня?

– А должен помнить?

Я внимательно посмотрел на него.

– Я вас первым осматривал, когда вас привезли к нам со съемочной площадки.

– Я же без памяти был, – растерянно ответил я.

– Понятно. Шутка не прошла.

– Вспомнил. Вы – Георгий Иванович, мой лечащий врач, – догадался я.

– Ваша фамилия, случайно, не Штирлиц? – с иронией в голосе поинтересовался доктор.

– Дорохов, – отчеканил я.

– Ну, господин Дорохов, как самочувствие?

– Очень хорошее, как у человека, упавшего с крыши двухэтажного дома.

– Понятно. Простыню сбросьте с себя, мне нужно произвести осмотр.

Я подчинился.

Минут пять эскулап прощупывал, простукивал, прослушивал мой торс, тискал мои конечности. Закончив осмотр, он снова уселся на стул и посмотрел на меня.

– Так. Все понятно...

– Доктор, я буду жить?

– Жить будете. А вот с кем жить и насколько хорошо, зависит от вас. Внутренности у вас не повреждены. Печень, почки в порядке. Гематома головы, ну, это не опасно. Ушиб позвоночника, тоже не смертельно. Пара-тройка синяков и царапин. Вот и все ваши трофеи. Через две недели мы вас выпишем. В течение месяца будете приезжать к нам на процедуры.

– А как же работа?

– Больничный лист мы вам дадим.

– Понял, не дурак.

– Перед выпиской я напишу вам, что вы должны делать. Да, чуть не забыл. Андрей Николаевич, медсестра говорит, что у вас возникают галлюцинации? Якобы вы здесь постороннего человека видите?

Я бросил взгляд на Перейру, стоявшего перед окном и с явным интересом ожидавшего моего ответа.

– Так категорически нельзя утверждать. Мне, вероятно, что-то снилось, когда вошла медсестра. Я открыл глаза, но сон еще продолжался, наверное, в этот момент я кого-то из своего сна и увидел.

– Понятно, что ничего не понятно. Специалиста мы к вам пригласим.

– Какого специалиста? – упавшим голосом спросил я.

– Психиатра.

– А может, не надо психиатра, а?

– Пусть будет психиатр. Ему тоже нужно за что-то зарплату получать. Не беспокойтесь, Андрей Николаевич, он просто поговорит с вами. Это не больно.

– Вы меня успокоили.

– Сегодня вас ожидают лечебные процедуры, а пока отдыхайте. Пожелания или просьбы имеются?

Доктор встал со стула.

– Нет. А хоть, есть.

– Слушаю вас.

– Доктор, не могли бы вы раздвинуть шторы на окне, а то что-то темноватое здесь.

– И все?

– Все.

– Легко.

Доктор подошел к окну, по пути пройдя сквозь Перейру, и раздвинул шторы.

– Так нормально? – спросил он.

– Отлично, – упавшим голосом ответил я.

Он так же, как и медсестра, не видел Перейру. Доктор вышел из палаты.

Я посмотрел на Диего.

Он прогуливался вдоль стены взад-вперед, как ни в чем не бывало, будто никто не проходил сквозь него.

– Слушай, Перейра, если ты ангел, то где твои крылья и белые одежды? – спросил я.

Перейра остановился и посмотрел на меня.

– Понимаешь, Андрей. Я – твой ангел-хранитель, это самый низший лик из Сонма ангелов. Всего их девять. Вот перейду на следующий лик, и стану Херувимом в белых одеждах и с крыльями.

– А почему ты оказался именно моим ангелом-хранителем? Судя по имени, ты был португальцем?

– Происхождение не имеет никакого значения. Ты родился двадцать восемь лет назад тридцатого июля в восемь часов четырнадцать минут и тридцать семь секунд. Именно в это время закончился срок моего пребывания в Чистилище. Именно в эту секунду ты появился на свет, а я был направлен к тебе. Родился бы ты на секунду раньше или позже, я был бы у другого человека ангелом-хранителем.

– И долго ты был в Чистилище?

Я с интересом разглядывал своего необычного Ангела.

– Почти триста лет, – грустно произнес Диего.

– Фигассе! Значит, при жизни ты был отъявленным грешником?

Перейра немного замялся, подыскивая нужные слова.

– Ну, не так, чтобы отъявленным. Души таких грешников просто отправляются в Небытие навсегда. А души, которые можно спасти, отправляются в Чистилище на разные сроки в зависимости от содеянного.

– Судя по сроку, который тебе впаляли, при жизни ты был отъявленным негодяем, Перейра?

– Я был пиратом.

– Да ладно! Что, правда, пиратом?

Я пристально смотрел на Перейру.

– Конечно пиратом.

– Вот это да! Круто! Мой ангел-хранитель – бывший пират. Хотя... Ведь ты же людей грабил, убивал, а это совсем не круто. Вы, каналья, сеньор Перейра!

– Крови на мне нет, я никого не убивал, иначе Высший Суд бы отправил мою душу в Небытие. Грехи были, но я за них уже ответил.

Перейра отошел в сторону, стал лицом к стене и опустил голову. Возникла неловкая пауза.

– Ты, что, обиделся, Диего? Прости меня, подлеца. Брякнул, не подумавши.

Перейра, не поворачиваясь, сделал рукой какой-то неопределенный жест и остался стоять лицом к стене.

– Слушай, Диего, расскажи мне о себе. Где жил, что в жизни с тобой происходило, как пиратом стал.

Перейра повернулся. Он недоуменно смотрел на меня своими темно-карими, грустными, как у быка на бойне, глазами.

– Зачем?

– Как зачем?! – воскликнул я. – Мне же интересно узнать о жизни моего ангела-хранителя! А потом, если хочешь, я расскажу тебе о своей.

– Вот этого не надо, – поморщился Перейра. – Я твою жизнь с рождения, день за днем наблюдаю. Мое место – за правым твоим плечом.

– Да, блин, точно, я забыл совсем. Ну расскажи, Диего, о себе.

– Зануда, ты, Андрей, заладил одно и то же, – притворно проворчал Перейра.

Ему был приятен мой интерес к его жизни. Он подошел к кровати и остановился.

– Откуда начинать? – спросил он.

– А с самого начала и начинай. С самого детства.

– Это же долго? – удивленно проговорил Перейра.

– А ты на поезд опаздываешь?

– Никуда я не опаздываю.

– Ну тогда, начинай. Телевизора у нас в палате нет, радио тоже. Даже книги или какой-нибудь газеты никто мне не принес. Еды натаскали, а для души ничего. Давай, друг Диего, начинай. Я очень хороший слушатель. Только ты с чувством, с толком, с расстановкой, с картинками и подробностями.

– Ладно, – Перейра пожал плечами. – Слушай. Если надоест, останови меня. Итак...

Глава 3

– Родился я двадцать третьего мая тысяча шестьсот восемьдесят четвертого года от Рождества Христова в маленькой рыбацкой деревушке близ города Сетубал в Португалии. Деревушка наша Сан-Домингес стояла на скалистом берегу Атлантического океана. Уже само место рождения предопределяло мое будущее.

Отец мой был рыбак. Мама занималась хозяйством и иногда выходила в море вместе с отцом, помогала ему ловить рыбу. У отца был большой баркас и отличная рыбацкая снасть. Часть улова оставалась в семье, а часть отец возил на рынок в Сетубал и сдавал оптовику, получая вполне приличные по тем временам деньги.

Домик наш был небольшой, с белыми стенами и красной черепичной крышей. В палисаднике росли розы, магнолии, астры и другие цветы. За домом – огород и небольшой садик с апельсиновыми и оливковыми деревьями. Так что жили мы в то время совсем неплохо.

Когда мне исполнилось восемь лет, отец стал брать меня с собою в море. Он обучал меня навигации, управлению баркасом, рыбацкому делу. Показывал, как следует обращаться с морскими картами, компасом, астролябией, квадрантом, секстантом. Мне было очень интересно, и я как губка впитывал в себя все эти знания. Я ставил сети, работал с тралом и вентерями. Отец научил меня находить в океане косяки рыбы да много еще чему. Так что, годам к двенадцати, я был довольно опытным мореходом и рыбаком.

А когда мне исполнилось тринадцать лет, от оспы умерла мама. Мы остались с отцом вдвоем. Когда вместе выходили в море, а когда один из нас оставался дома работать на огороде. Так мы и жили.

И вот в один прекрасный день, это был один из ласковых весенних деньков апреля месяца, повез я часть утреннего улова на рынок в Сетубал. Подвозил меня, как всегда, мой сосед Жозе. Сдав оптовику улов и получив свои деньги, я отправился по своему обычаю побродить по рынку. Затем погулять по городу. Купить что-нибудь вкусенькое домой. Выпить стаканчик вина в таверне Мендосы на берегу живописной речки Саду. Поглазеть на девушек, с чем черт не шутит, может быть, удастся с кем-нибудь из них познакомиться. Мне тогда шел уже двадцать первый год, пора бы и о семье задуматься.

Не пройдя и десятка шагов по рынку, я нос к носу столкнулся с тетей Марисой. Она была дальней родственницей моей мамы и работала в доме Карлуша Сампайо, богатого виноторговца. Рядом с Марисой стояла удивительная девушка, у меня даже дух захватило от ее неземной красоты. Длинные, цвета спелого каштана волосы непослушными волнами струились по ее плечам и доходили почти до ее осиной талии. Огромные карие глаза в обрамлении пушистых черных ресниц смотрели на меня с осторожным любопытством. Кожа ее молочно-розового цвета сияла чистотой и здоровьем, вызывая во мне непреодолимое желание прикоснуться к ее щеке. Розовые губы, сочные, как дольки апельсина, были приоткрыты, обнажая ровные ослепительно-белые зубы. Мой взгляд скользнул вниз по ее длинной шее и остановился на скромном декольте, открывавшем начало ее высокой, полной груди. Я с трудом отвел взгляд от выреза на ее платье. Такие девушки рождаются раз в сто лет, а может быть, и реже.

– Здравствуй, Диего. Давно с тобой не виделись. Как дела? Как здоровье? Еще не женился? Как здоровье отца? Что ты молчишь? Язык проглотил? – затараторила Мариса.

– Все хорошо, тетя Мариса. Здоровье отличное. Рыба ловится. Вот отец сдал сильно, особенно когда мама умерла. И я еще не женился.

– А что так, Диего? Парень ты видный, работающий?

– Я в поиске, тетя Мариса.

– Ой, чуть не забыла. Познакомьтесь. Это Исабель, моя воспитанница и дочь моего хозяина. Исабель, это мой племянник Диего.

– Исабель, – певучим голосом проговорила девушка.

– Диего. Очень приятно.

– И мне очень приятно, – сказала она, и щеки ее залил румянец.

– Мы с Исабель вышли прогуляться. Составишь нам компанию? – спросила Мариса, весело поглядывая то на меня, то на Исабель.

– С удовольствием, если Исабель не будет против.

– Я не против, – очень поспешно ответила Исабель, и щеки ее опять порозовели.

С этого дня мы регулярно стали встречаться с нею. В условленное время она с Марисой приходила на рынок, где их уже поджидал я. Исабель не могла приходить одна, так как считалось, что незамужней девушке из хорошей семьи неприлично появляться на людях без дуэньи. Мариса нам не мешала. Она тактично шла на приличном расстоянии либо впереди нас, либо сзади.

Но скоро нам стало не хватать наших дневных прогулок «под конвоем» Марисы. Исабель предложила встречаться ночью в их саду. Дом отца ее был недавно выстроен в центре Сетубала одним заезжим итальянским архитектором. Это был двухэтажный особняк в модном стиле барокко, с большим садом, с фонтанами, садовыми скульптурами и шикарными парадными воротами. Исабель показала мне незаметную калитку с задней стороны высокого забора.

Как только солнце уходило за горизонт, и темная ночь опускалась на землю, я выходил из своего дома и отправлялся в Сетубал. До дома, где жила Исабель, было примерно километров пять, но они пролетали, словно я мчался на лихом коне. Когда я подходил к заветной калитке, Исабель уже ждала меня. Я негромко стучал в калитку условным стуком, и она открывала мне. Я входил в сад, и тут же попадал в ее жаркие объятия. Это были волшебные ночи.

Но вскоре нам и этого стало мало. Мы вообще не хотели расставаться. И в одну прекрасную ночь Исабель предложила пожениться. Я был в смятении, поскольку понимал, что я для нее не пара, и вряд ли отец ее согласится выдать свою дочь за скромного рыбака. Но Исабель была уверена, что все будет хорошо.

Выбрав удобное время, мы пришли к ее отцу. Выслушав нас, он пришел в неопишемую ярость. Оказывается, он уже пообещал одному богатому купцу из Лиссабона, что отдаст свою дочь замуж за его сына. Он приказал вытолкать меня взащей на улицу, а Исабель запереть во флигеле и не выпускать ее до самой свадьбы.

Прошло долгих мучительных пять дней. Я каждую ночь приходил к заветной калитке, но тщетно. Исабель не было. На шестой день разлуки, ранним утром, когда мы с отцом собирались выходить в море, в нашу дверь тихонько постучали. Я открыл и обомлел. За порогом стояла Исабель. Она бросилась мне на шею и зарыдала. Я тоже не смог сдержать слез. Оказывается, добрая и верная Мариса похитила у отца ключ от флигеля, изготовила дубликат, ключ вернула на место, а дубликат отдала Исабель, когда приносила ей еду. Она же и рассказала ей, как найти наш с отцом дом.

На следующий день мы обвенчались в местной церквушке. Отец Исабель не стал ее разыскивать, просто вычеркнул из своей памяти, тем более, что, кроме нее, у него было еще четыре дочери, которым тоже нужно подыскивать женихов.

Началась моя новая прекрасная и удивительная жизнь, каждый день которой был наполнен безмятежной радостью, искренней нежностью и всепоглощающей любовью. Через год у нас с Исабель родился сын Игнасио, и жизнь расцвела новыми красками.

Так прошло три самых счастливых года, отпущенных мне судьбой. Но все хорошее когда-нибудь заканчивается. Закончилось оно и для меня.

Я помню то холодное мартовское утро, когда отец вышел в море один. Меня «свалила» жестокая простуда, и я лежал в кровати под несколькими одеялами, стараясь избавиться от сильного жара и лихорадки. Исабель готовила мне отвары из лекарственных трав, делала ком-

прессы. Она знала в этом толк. Маленький Игнасио крутился под ногами своей мамы, помогая ей, чем мог.

Рано утром, перед тем как отправиться в океан, ко мне в комнату зашел отец, справиться о моем здоровье. Он потрогал мой лоб, покачал головой и пошел к выходу. У дверей он остановился, посмотрел на меня и сказал: «К вечеру вернусь». Он не вернулся к вечеру, он не вернулся к утру. Он больше не вернулся. И напрасно весь следующий день мы с моим соседом Жозе на его баркасе бороздили бескрайние воды океана в поисках моего отца. Все тщетно. Что произошло с отцом, мне неизвестно. Океан умеет хранить свои тайны.

К ночи мы вернулись в деревню. Заканчивался один из самых черных дней моей жизни. В тот день я остался круглым сиротой, и вдобавок перед моей семьей замаячила костлявой старухой нищета. Вместе с отцом я лишился единственного источника существования, баркаса и всех рыбацких снастей. А ничего другого как ходить по океану и ловить рыбу мне было неведомо.

Я был в отчаянии, на моих руках жена и ребенок, как жить дальше? Жозе был намного старше меня, и жизнь его изрядно потрепала. Он посоветовал мне отправиться в Лиссабон и в порту завербоваться на какое-нибудь торговое судно. Десять лет назад он так и сделал, нанялся на испанский корабль и почти год на нем бороздил океан, перевозя различные грузы. Заработав денег, он купил себе новый баркас, снасти и теперь живет на барскую ногу. Я решил посоветоваться с Исабель. Полночи мы проговорили об этом и решили, что иного выхода у нас нет.

И вот настал день отъезда. Я поцеловал спящего сына и вышел из дома. Исабель шла рядом со мною, крепко держа меня под руку. Мы остановились на высоком скалистом берегу. Внизу покачивался баркас. Увидев нас, Жозе помахал нам рукой и принялся разворачивать парус. Океан был беспокойным. Он с неукротимой силой гнал свои крутые волны, безжалостно разбивая их о прибрежные камни в миллионы брызг. Волны бесчисленными фонтанами вздымались и тут же безвольно опускались. Между валунами клочкотала и кипела морская пена. Ветер быстро гнал к горизонту серые утренние тучи.

Исабель, обвив мою шею руками, тихо плакала у меня на груди. Я нежно гладил ее по мягким шелковистым волосам, пытаюсь успокоить. Она кивала головой, соглашаясь со мною, а я целовал ее губы, щеки, глаза, ощущая у себя на губах соль ее слез. Она отвечала мне с таким пылом и такой страстью, что у меня перехватывало дух. Я еле сдерживал себя, чтобы тоже не зарыдать. Душа моя сжималась от предстоящей разлуки, а к горлу подкатывался предательский комок.

– Пора, Исабель, лодка ждет, – тихо сказал я.

Исабель еще крепче стиснула мою шею.

Я осторожно освободился из ее объятий.

– Прощай, любимая!

Голос мой предательски дрогнул. Я повернулся и быстро зашагал к лодке.

– До свиданья, Диего! Возвращайся скорей!

Я оглянулся и в последний раз взглянул на Исабель. Она стояла на каменной холодной глыбе, тонкая, хрупкая и такая родная, словно часть меня. Внизу свирепствовал океан, ветер развевал ее волосы. Она махала мне рукой.

– Я буду ждать тебя, Диего!

Я вскочил в лодку, и мы отчалили.

– Я буду ждать тебя!

Сквозь вой ветра и рев океана донеслось до меня.

– Буду ждать!

Баркас все дальше и дальше уносил меня от родного берега. Фигурка Исабель становилась все меньше и меньше, затем превратилась в точку, а вскоре и вовсе исчезла с горизонта. А в ушах моих все звучало как молитва, как заклятие:

– Я буду ждать тебя, Диего!

В порт Лиссабона мы прибыли к полудню. Порт жил своей обычной жизнью. Несколько кораблей стояли у причала. Еще примерно с десятков судов стояли на рейде, ожидая своей очереди. Между ними сновали небольшие лодки. Работа на судах у причала кипела. По трапам, сброшенным с борта на берег, двигались согнутые, словно вопросительные знаки, матросы, переносившие на плечах тяжелые мешки. На соседнем судне с гиканьем скатывали по специальным желобам огромные бочки. В обоих направлениях, гремя колесами по брусчатке, двигались длинные, груженные повозки, запряженные лошадьми. По причалу прогуливались свободные от вахты матросы, некоторые из них в обнимку с женщинами соответствующего поведения. Слышалась разноязыкая речь, громкие возгласы, раздавался смех.

Мне повезло сразу. Я получил место матроса на борту английского торгового судна «Диана», шедшего из Ливерпуля в Бомбей, а затем в Макао. В порт Лиссабона они зашли, чтобы пополнить запасы воды и продовольствия. Они списали на берег заболевшего матроса, а тут подвернулся я.

Поговорив с боцманом и помощником капитана судна, я подписал с ними договор и, сияя от радости, спустился по трапу на причал, где меня ожидал мой друг Жозе. И было от чего радоваться. Через восемь месяцев я вернусь из рейса, у меня будет новый баркас, и заживем мы с Исабель еще лучше, чем прежде.

Проходя вместе с Жозе вдоль борта «Дианы», я заметил группу матросов, о чем-то говоривших с высоким худошавым парнем. Он привлек мое внимание своей необычной внешностью. У него были светлые длинные волосы, слипшимися сосульками свисавшие до плеч. Водянистые, почти бесцветные, глаза навывкате, длинный крючковатый нос, большой безгубый, словно прорезанный бритвой, рот делали его похожим на хищную птицу. Мы с Жозе прошли мимо и направились в город. Без какой-либо цели, погулять, посмотреть на столицу. Когда еще мы здесь окажемся?

Вдоволь нагулявшись, мы двинулись назад в порт. Жозе нужно было засветло отправиться домой, а мне – на мое новое место службы. «Диана» утром отправлялась в рейс.

Недалеко от порта мы зашли в один кабачок, коих в округе было великое множество. Все столы были заняты. Мы выбрали стол, за которым сидел один человек. К моему удивлению, этим человеком оказался тот самый длинноволосый с «птичьим» лицом. Он лениво жевал жаркое из баранины, запивая его темным пивом из огромной кружки. Мы с Жозе заказали полтора фунта овечьего сыра с маслинами и большой кувшин вина. Во время трапезы мы познакомились.

Длинноволосый оказался голландцем. Звали его Питер Ван Хайден. Он вполне сносно говорил по-португальски. Мы разговорились. Вернее, говорил только я, а Ван Хайден больше слушал и лишь изредка, для поддержания разговора, задавал ничего не значащие вопросы. Лишь когда я начал говорить о том, что очень хорошо знаю лоцию, отлично владею морскими приборами и картами, запросто могу рассчитать курс корабля и то, что мне обидно идти простым матросом на торговое судно, голландец вдруг оживился. Взгляд его стал пристальным, и он стал задавать мне вопросы по морскому делу и большей частью по управлению судном. Я исправно отвечал, не понимая его интереса. Это было похоже на экзамен. Наконец вопросы его закончились. Он удовлетворенно откинулся на спинку стула и несколько секунд внимательно изучал меня.

– Вот что, Диего, у меня есть для тебя хорошая новость. Я уже говорил, что служу помощником капитана на испанском судне?

Мы с Жозе закивали головами.

Голландец продолжил говорить:

– Так вот. Я хочу тебе предложить, Диего, на моем корабле должность навигатора.

Наши лица вытянулись, челюсти отвисли. Мы в четыре глаза таращились на Ван Хайдена. Наверное, у нас были очень глупые лица, поскольку голландец усмехнулся, отвел от меня взгляд и отхлебнул глоток пива из своей кружки.

– Ну, что скажешь, Диего?

– Навигатором?

В один голос спросили мы с Жозе.

– Навигатором. Будешь составлять курс корабля и стоять за штурвалом, – ответил голландец.

– Но я никогда не плавал на больших кораблях! – воскликнул я.

– Я раньше тоже никогда не был помощником капитана. Все когда-то начинают. Лоцию ты знаешь, приборы и карты тоже, штурвал крутить умеешь, а чего не знаешь, я тебе подскажу. Самое главное, ты молодой и толковый моряк, все у тебя получится. Ну что, согласен?

Я взглянул на Жозе, как бы спрашивая его совета.

– И думать нечего. Соглашайся, Диего.

В знак поддержки Жозе потрепал меня за плечо.

– А сколько Диего будет получать на вашем судне в год? – поинтересовался он у Ван Хайдена.

Голландец, не задумываясь, назвал сумму в пять раз большую, чем мне было предложено на английском судне. Он опять расхохотался, потому что наши с Жозе лица, как по команде, снова превратились в маски удивленных дебилов.

– Неудобно как-то получается, ведь я уже подписал договор с помощником капитана «Дианы», – промямлил я.

– Выбрось его в помойку, – твердо посоветовал Жозе.

– Дело говорит твой товарищ. Я сейчас схожу к хозяину кабачка за бумагой и чернилами, и мы с тобой составим новый договор.

Голландец встал из-за стола. Секунду подумав, он запустил руку в свой карман, и тут же на стол прямо передо мною с металлическим стуком упал туго набитый кошелек из тонкой, искусно выделанной кожи.

– Компания у нас серьезная. Это тебе аванс.

Ван Хайден ушел.

Я потянул за шнурок, кошелек раскрылся, и показалось содержимое. Это были реалы, самые настоящие. Их было так много, что на них, наверное, можно было купить баркас, ну, или большую лодку с парусом.

– Повезло тебе, Диего! Испанцы, они богатые. Представляешь, сколько ты огребешь через год, – мечтательно произнес Жозе. – И зачем тебе рыбу ловить? Служи у них навигатором. Сходил с ними в рейс, заработал мешок денег и отдыхай до следующего рейса.

– Скажешь тоже, мешок.

Я налил из кувшина в кружки вино.

– Вот это правильно. Давай отметим твою удачу.

Мы чокнулись и выпили.

Подошел Ван Хайден с бумагой, пером и чернильницей. Сев за стол, он принялся писать договор. Мы с Жозе, как заипнотизированные, следили за тем, как на бумаге появлялись ровные синие строчки, от которых зависело мое благосостояние. Закончив писать, голландец подвинул ко мне лист.

– Прочти и распишись.

Я прочитал и поставил свою роспись. Если бы я тогда знал, что этот мой росчерк пера перечеркнет всю мою жизнь!

– Пора, Диего. Через час уходит судно до Азорских Островов.

Ван Хайден допил пиво и встал.

– А зачем нам Азорские Острова? – удивился я.

– Там на ремонте стоит наше судно. Потрепало нас немного на прошлой неделе. Ничего особенного. Уже, наверное, закончили ремонт.

– Питер, можно я письмо домой напишу? Жозе его отвезет.

– Пиши, только быстро. Я тебя на улице подожду. Покурю на свежем воздухе.

Голландец достал трубку, кисет и, не торопясь, пошел к выходу.

Я подвинул к себе лист бумаги, чернильницу и на секунду задумался.

– *Здравствуй, моя единственная, любимая Исабель!*

Я не видел тебя целый день и уже соскучился. Как я буду без тебя и Игнасио целый год? У меня все хорошо, даже отлично. В порту Лиссабона я познакомился с очень порядочным человеком, помощником капитана на испанском судне. Он берет меня на свой корабль навигатором. Представляешь? Я об этом даже мечтать не мог. Навигатором! Буду прокладывать курс кораблю и стоять за штурвалом, ведя судно к новым берегам. Они предложили мне большое жалованье и даже выплатили аванс. Невероятно! Деньги и это письмо тебе передаст наш сосед Жозе. Я вернусь примерно через год, и проживем мы с тобой так хорошо и чудесно, как никто до нас не жил.

Ну все, любимая, мне нужно торопиться на корабль. При случае напишу еще.

До свидания, дорогая моя Исабель.

Я очень люблю тебя и нашего маленького Игнасио.

Поцелуй его за меня. Храни вас Господь.

Я люблю тебя, Исабель! И буду вечно любить тебя.

Твой Диего.

Окончив писать, я сложил вчетверо письмо и протянул его Жозе.

– Передай это моей жене. И деньги тоже передай.

Я отдал письмо и кошелек своему другу, и мы встали из-за стола.

На улице нас ждал Ван Хайден. Он стоял, прислонившись к дереву, и задумчиво смотрел вдаль. Жозе на прощанье пожал руку голландцу, крепко обнял меня и быстро пошел к причалу, где стояла его лодка. А мы с голландцем отправились в порт.

Вскоре мы с Питером были на борту старенькой португальской шхуны, следующей в Южную Америку через Азорские Острова. Я стоял на корме судна и смотрел, как исчезает, растворяясь в дымке, ставший родным мне Лиссабон, как превращается в узкую темную полосу берег Пиренейского полуострова, на котором раскинулась моя родина, прекрасная Португалия, и где есть маленькая деревушка близ города Сетубал, где навеки осталось мое сердце.

На пятый день эта старая посудина вошла в порт Понта-Делгада. Я и Ван Хайден сошли на берег Острова Сан-Мигел, самого крупного из Азорских Островов. Понта-Делгада – маленький, пыльный городок, располагался на нескольких холмах. Окружен он был невысокой, местами полуразрушенной, крепостной стеной.

Мы шли по грунтовой дороге, ведущей от порта в город. Пройдя через ворота, мы оказались на широкой площади. По обе стороны стояли одно- и двухэтажные дома. Вдали – обшарпанный католический храм и небольшая часовня. Слева от нас располагались торговые ряды, но сейчас они были пусты. Солнце, желтым масляным блином повисшее у нас над головой, палило нещадно. В полдень у местных жителей начинается сиеста – отдых и спасение от раскаленного добела солнца.

От площади начинались три улицы. Ван Хайден уверенно свернул на левую, я пошел за ним. На улице не было ни одного человека. Город словно вымер. Вдруг я услышал стук

копыт и скрип колес, это из переулка, поднимая пыль с дороги, выезжала телега, груженная сеном. В этой дремотной тишине шум, производимый этой колымагой, был похож на канонаду. Бродячая собака, дремавшая в тени забора, лениво подняла голову, для порядка твякнула на повозку и снова опустила голову на землю.

Управлял повозкой старик с худым, морщинистым, высушенным зноем и ветрами, лицом. Ван Хайден взмахом руки поприветствовал старика, тот в ответ приподнял свою соломенную шляпу. Голландец подошел к повозке и, коротко поговорив со стариком, махнул мне рукой. Я подошел к телеге.

– Располагайся, что ноги зря бить.

Он запрыгнул в телегу и растянулся на душистом сене. За ним последовал и я. Мы долго ехали по узким петляющим улочкам Понта-Делгада. Мимо лениво проплывали разноцветные обшарпанные дома. Я обратил внимание, что дома островитян стоят плотно друг к другу и имеют прочные ворота, двери и ставни. Я спросил у старика, почему так у них устроено.

– Пираты пошаливают, – скрипучим голосом произнес он.

Мы продолжали путь среди унылых в своем однообразии домов. Лишь церкви да часовни как-то разнообразили вид города. Их было много, во время пути я насчитал их больше десятка. Наконец мы выехали из Понта-Делгада и поехали по укатанной колее, терявшейся среди высокой душистой травы. Сколько мы ехали, не знаю, потому что от неспешной, валкой езды меня укачало, как младенца в колыбели, и я задремал.

– Приехали, – раздался скрипучий, как и его телега, голос возницы.

Я открыл глаза.

Мы остановились в сотне метров от берега. А дальше, насколько хватало взгляда, простирался бесконечный океан. Поодаль от нас прилипли к скалам четыре маленьких домика. На песке лежала перевернутая вверх дном лодка, на специальных шестах сушились сети. Ван Хайден спрыгнул с телеги на землю, дал несколько монеток старику и зашагал широкими шагами к ближайшему дому. Я поспешил за ним.

Из дома вышел человек, приветственно замахал руками и почти побежал к нам навстречу. Он быстро перебирал короткими и кривыми ножками, при этом туловище его раскачивалось из стороны в сторону, так что создавалось впечатление, что он не идет, а перекачивается, словно мяч. Это был маленький, кругленький человечек в зеленой рубашке навыпуск и серых, закатанных до колен, штанах. Лицо его было круглое, рябое, глаза маленькие, свинячьи. Грязные волосы его торчали в разные стороны, как будто его только что чем-то напугали.

– Здравствуйте, сеньор Ван Хайден. С прибытием вас! – елеиным голосом пропел «мячик».

– Все готово? – коротко спросил Ван Хайден, не обращая внимания на протянутую ему для приветствия руку.

– Точно так, сеньор Ван Хайден. Все готово. Только мне бы хотелось получить деньги сейчас, – осторожно проговорил «мячик» и на всякий случай сделал шаг назад.

– Хорошо, хорошо.

Ван Хайден поморщился и полез в карман.

Дважды звякнули монеты, один раз – в руках высокого голландца, а другой раз – в кармане маленького португальца.

– Спасибо, сеньор Ван Хайден, – радостно пропел «мячик». – Прощу вас, за мною.

Мы пошли к берегу, где у деревянных мостков стояла большая лодка. Погрузившись в нее, мы с голландцем заняли удобные места, а маленький португалец отвязал лодку, оттолкнул ее от мостков и начал разворачивать парус.

– Отдыхайте, сеньоры. Сейчас выйдем в открытый океан и перекусим. У меня там есть ветчина, сыр, помидоры, свежий балычок из марлина и, конечно же, найдется пара-тройка

бутылочек вина с острова Мадейра. Как говорится, чем Бог послал, – суетился «мячик». – А к утру будем на месте.

Наконец парус взвился над лодкой, наполнился ветром, и маленькое суденышко плавно заскользило по слегка вздымавшейся поверхности океана, унося меня в туманно-синюю даль.

Утром, когда солнце уже поднялось на пару ладоней над горизонтом, впереди нас замаячил каменистый остров, сиротливо торчащий посреди океана, словно последний зуб во рту древнего старца. Наша лодка, управляемая толстым коротышкой, резво неслась к этому острову. Я пристально смотрел на этот участок суши в океане, пытаюсь обнаружить хоть какие-то признаки жизни. Но было совершенно очевидно, что остров необитаем.

Тем временем коротышка, приспустив паруса, направил лодку вдоль острова. Обогнув его с востока, мы уже входили в тихую лагуну. Через несколько минут лодка, ткнувшись носом в песчаный берег, остановилась. Ван Хайден спрыгнул на сушу, я последовал за ним.

Впереди нас на берегу были разбиты два больших шатра из серой парусины. Вокруг валялось несколько ящиков, доски, брусья. Рядом с шатрами стояли две бочки. На земле чернело пятно от костра. Чуть поодаль стояла пирамида из ружей, что повергло меня в некоторое смещение.

Но самое большое мое удивление вызвал корабль, стоявший в лагуне. Это было вовсе не торговое судно, как я ожидал увидеть. На рейде стоял двухмачтовый красавец, быстроходный шестнадцатипушечный бриг. Военный корабль, используемый на флоте для разведки. На левом борту его поблескивала начищенной бронзой надпись: «Санта-Круз».

На берегу и на борту брига деловито сновали люди. Завидев Питера, некоторые приветствовали его взмахом руки, другие, находившиеся неподалеку, подходили к нему, пожимали руку, перекидывались парой-тройкой фраз и все с интересом рассматривали меня. К Ван Хайдону тяжелой походкой неторопливо шел грузный человек, при приближении которого все почтительно замолкали.

Это был мужчина лет сорока крепкого телосложения, хоть возраст начинал сказываться на его внешности, у него уже обозначилось брюшко, лицо слегка оплыло. Сквозь черный смоль его волос пробивались серебристые пряди. Одет он был очень прилично, даже богато. Синяя треугольная шляпа с бриллиантовой кокардой, красная куртка с серебряными пуговицами, отделанная золотым шитьем, белая рубаха из тонкого китайского шелка с жабо, черные широкие штаны с карманами, покрытыми вышивкой, и сафьяновые красные сапоги с загнутыми вверх носами.

Он поздоровался с Ван Хайденом, слегка обняв его за плечи.

– Как съездил, Питер?

– Отлично. Есть один англичанин. Если сегодня выйдем, то сможем догнать через пару недель.

– Стоящее дело?

– Даже очень. Особенно пассажиры.

– Ладно, пойдем в шатер, все подробно обсудим.

Он повернулся и пристально посмотрел на меня. От этого взгляда я внутренне содрогнулся. Ничего подобного я никогда не видел. Один глаз его был ниже другого на пару сантиметров, причем нижний глаз был навыкате, и казалось, что вот-вот он вывалится из глазницы. Оба глаза так сильно косили, что невозможно было понять, куда сейчас смотрит их хозяин.

– А это, надо полагать, замена бедняге Пересу?

Он кивнул он в мою сторону. Один глаз его смотрел поверх моей головы, а второй – мимо моего левого плеча.

– Да. Толковый малый. С семи лет в море. Немного подучу его, будет «морским волком».

– Это точно, поможем, обучим, главное, чтобы талант был, – добродушно проговорил мужчина. – Как зовут тебя, сынок?

Я ответил.

– А меня зовут Хорхе Родригес. Я – капитан этой посудыны.

Он протянул мне руку. И тут же моя рука попала в стальные тиски его рукопожатия.

– Хорхе Родригес? Знакомое имя.

Я напряг свою память, вспоминая, где я мог слышать эту фамилию.

– Некоторые нехорошие люди еще зовут меня Циклоп, имея в виду мои глаза. Но я не всегда был такой. Это после ранения, полученного мною в одном из боев. Но я на них не обижаюсь. Циклоп так Циклоп.

Я сразу же вспомнил.

– Точно! Циклоп! Знаменитый, безжалостный и удачливый пират! Истории о его злодейских нападениях на торговые корабли я не раз слышал на Сетубальском рынке. Вот значит, куда я попал!

– Ладно, сынок. Отправляйся пока к кораблю, познакомься с ребятами, отдыхай. Завтра мы снимаемся с якоря. Скоро ты станешь богатым человеком.

– Спасибо, конечно, сеньор Родригес, но это не совсем то, что я ожидал, – нерешительно проговорил я. – Вернее, совсем не то.

Циклоп и голландец уставились на меня.

– Ты, что, отказываешься? – нахмурился Родригес.

– Пожалуй, что да. Извините, сеньор Родригес...

Пролепетал я, чувствуя, как неприятный холодок вызывает спазмы в моем желудке.

– Какой из меня пират? Я и пистолета никогда не видел, и саблю в руках никогда не держал, разве что в детстве, деревянную.

– Тебе не придется ходить в атаку. Для этого у меня есть отличная абордажная команда, профессионалы – бывшие солдаты, военные моряки. Твое дело – стоять за штурвалом. Ты – специалист, сынок, а специалисты на абордаж не ходят, но долю имеют равную со всеми. Вместе с тобой на корабле будут оставаться корабельный врач, плотник, повар, главный канонир.

– Это, конечно, несколько меняет дело, но все-таки нет, сеньор Родригес.

– Ты, что, сбрендил, Перейра? Ты договор со мною подписал! – возмутился Ван Хайден.

– Но ты же не говорил, что мне придется служить на пиратском судне! – воскликнул я.

– А ты и не спрашивал! – бросил в лицо мне голландец.

– Да, я не спрашивал, но я думал, это торговое судно. Потом, ты совсем не похож на пирата.

– Что ты мямлишь, как младенец? Отвечай, ты будешь выполнять наш договор?

Глаза Ван Хайдена сузились и смотрели на меня с откровенной злобой.

– Пожалуй, что нет, – еле выдавил я из себя эти слова.

– Все! Проваливай отсюда! – резко крикнул голландец и махнул рукой в сторону, куда, вероятно, мне нужно было проваливать.

Я оглянулся назад, где ступил на берег этого чертова острова, и увидел, что лодка маленького португальца уже далеко и сворачивает за каменистый выступ, а через секунду она и вовсе скрылась из виду. Надежда на возвращение исчезла вместе с нею.

– Проваливай! И верни мне аванс!

Голос Ван Хайдена звучал резко, хлестко, словно пощечины.

– Черт! Аванс! Совсем вылетело из головы. Я же его передал через Жозе Исабель.

Пулей пронеслась эта мысль у меня в голове.

– Что же делать? Лодка, моя слабая надежда на спасение, уже ушла, и денег у меня нет.

Что делать?

Видя мое замешательство, голландец сказал уже мягче:

– У тебя, Перейра, два пути. Либо – вплавь до Острова Сан-Мигел. Либо – на корабль, в нашу славную команду.

– Почему два пути, Питер? Сейчас я предложу этому сопляку третий путь.

С этими словами Родригес выхватил из-за пояса пистолет и приставил его к моему лбу.

– Вот он, третий вариант. Бац! Мозги на песок, – и проблем нет. Ничего нет.

Циклоп радостно заржал и медленно взвел курок. Голландец криво усмехнулся.

Внутри меня похолодело, все тело покрылось мерзким липким потом.

– Неужели это все? Моя жизнь на этом закончилась? Я больше никогда не увижу Исабель, своего сынишку Игнасио? Для чего вообще я родился? Чтобы погибнуть в двадцать с небольшим лет на этом Богом забытом острове? И почему я не пошел моряком на английскую «Диану»? Вот дурак!

Мысли мои, словно рой пчел в банке, настойчиво роились в моей голове, грозя взорвать ее немедленно. Сердце колотилось так, что казалось, вот-вот разорвет мою грудь. Было трудно дышать, я почти задохнулся.

– Что же делать? Что делать? Нужно что-то делать, а иначе конец!

– Считаю до трех, – донесся до меня зловещий голос Родригеса. – Раз!

– Нужно помолиться, – мелькнуло у меня в голове. – А кому нужно молиться в таких случаях? Спасителю или Богородице? Наверное, все равно. Иже еси на Небесах! Да святится имя Твое...

– Два! – бесстрастно отсчитывал пират.

– Подождите, сеньор Родригес, – сдавленным и каким-то чужим голосом проговорил я. – Я пойду к вам на корабль.

А про себя подумал, что сбегу от них при первом же удобном случае.

– Так-то лучше будет, – проговорил голландец, усмехаясь.

Я тоже попытался улыбнуться в знак согласия, а в голове у меня твердо засела мысль о побеге в ближайшем же порту.

– Сеньор Родригес, не могли бы вы убрать свой пистолет от моей головы? – набравшись храбрости, вежливо поинтересовался я.

Глаза пирата, налитые кровью, как у быка на корриде, смотрели мимо меня, но у меня было полное ощущение, что он видит меня насквозь.

– И не вздумай бежать! – вдруг рявкнул Родригес, как будто прочитав мои мысли. – Из-под земли достану!

С этими словами он отнял от моей головы пистолет и вдруг, подняв дуло вверх, выстрелил. Через секунду, рассекая воздух, что-то пролетело передо мною и со стуком шлепнулось у моих ног.

– Намек понял? – прорычал Родригес и быстрыми шагами направился к шатру.

Ван Хайден последовал за ним.

Я посмотрел на землю. У моих ног лежал большой белый альбатрос. Птица лежала на спине, крылья ее были раскинуты в стороны, лапы прижаты к туловищу, голова была снесена выстрелом, а из шеи небольшими толчками вытекала кровь.

Так началась моя пиратская жизнь. По злой иронии судьбы первым захватом, в котором я участвовал, стала та самая английская «Диана», куда меня брали простым матросом.

Ван Хайден тогда не зря крутился в порту Лиссабона и больше всего вокруг «Дианы». Такова была тактика Родригеса. Его «Санта-Круз» никогда не заходил в порты. Он вставал на якорь где-нибудь в укромном месте, недалеко от крупного порта. Затем посылал туда Ван Хайдена на разведку. Голландец знал несколько языков, легко входил в контакт с моряками, угощал их вином или ромом. А заодно выспрашивал: что везут, куда, есть ли на борту купцы или богатые пассажиры? После полученных сведений, он выбирал наиболее подходящий вариант и отправлялся к месту стоянки «Санта-Круз». С Родригесом они подробно прорабатывали маршрут и определяли место, где произойдет захват отмеченного судна.

Циклоп со своей бандой также практиковал нападения на маленькие прибрежные или островные городки. Как всегда, высылался сначала Ван Хайден, он отыскивал дома купцов, чиновников и прочих богатых горожан, а также определял, какие церкви следует ограбить. Всего назначалось несколько адресов. Он чертил карту города с интересующими пиратов объектами и путями подхода к ним. Родригес делил свою абордажную команду на несколько групп, равных по количеству объектов, определенных для захвата. Пираты одновременно несколькими группами стремительно совершали нападения, забирали все ценное и так же стремительно исчезали. Тактика Родригеса работала безотказно.

Через десять дней у западного побережья Африки наш бриг «Санта-Круз» настиг английскую «Диану». Схема Родригеса и в этом случае была проста. Я как рулевой должен был держать свой корабль точно в хвосте «купца», так пираты называли торговые суда. Таким образом мы, незамеченные никем, подбирались к кораблю, потому что, как правило, на судах есть впередсмотрящий матрос, а назадсмотрящего нет.

Подойдя на близкое расстояние, наш главный канонир из носовых орудий производил несколько прицельных выстрелов, стремясь попасть в капитанский кубрик или снести выстрелом одну из мачт, но, главное, посеять панику на корабле.

Дальше начиналась моя работа. Мне нужно было с первого раза подвести «Санта-Круз» к борту «купца» как можно ближе, чтобы абордажная команда успела перебросить с борта на борт штурмовые площадки с крюками на концах. По ним эта дикая банда головорезов, с истошными воплями и оглушительным свистом, устремлялась в атаку. Если команда атакованного корабля не сопротивлялась, то пираты никого не убивали. Они забирали самое ценное и отпускали их восвояси. Чаще всего так и происходило.

Но в случае с «Дианой» произошло иначе. Команда этого судна оказала отчаянное сопротивление пиратам, убив четверых и ранив девять морских разбойников, в том числе и Родригеса. Но устоять против банды свирепых, вооруженных до зубов, и отлично обученных головорезов, они не могли. Циклоп был в бешенстве. После того, как судно было ограблено, он приказал согнать оставшихся в живых в трюм, и «Диана» была затоплена вместе с командой. Так что, если бы я пошел матросом на этот корабль, то участь моя была решена уже тогда. Вот такая злая гримаса судьбы.

Больше трех лет меня носила по морям и океанам моя пиратская судьба. Крутила, вертела, вздымала вверх и бросала вниз, словно щепку, но все же щадила меня, я был жив, здоров и даже не был ранен. И все эти три года меня не покидала мысль о побеге. Но возможности такой не было. Сбежать можно было только в большом порту, но в них мы никогда не заходили. Исключением был порт Нассау на Багамских Островах. Там пополняли запасы воды и пищи, латали, подкрашивали корабль и просто отдыхали. После долгих месяцев скитаний по океану, так было приятно походить босиком по траве, ступать по твердой земле, а не по вечно уходящей из-под ног палубе.

Сейчас Багамы – престижный мировой курорт, а тогда, триста лет тому назад, это была самая настоящая клоака, – пристанище пиратов, разбойников, беглых каторжников, проституток, дезертиров, авантюристов всех мастей и прочей нечисти со всего мира.

А также Нассау тогда являлся одним из центров работорговли. Конвейер по продаже людей людьми работал исправно. Регулярно приходили суда из Африки, набитые живым чернокожим товаром. Плаванье длилось несколько месяцев, и до тридцати процентов негров умирало от болезней, их просто выбрасывали за борт, как мусор. Оставшиеся в живых попадали на невольничий рынок. Мужчины, женщины, дети, целые семьи, – бесконечная река человеческих слез и страданий. Здесь же навсегда рушились семьи: отца увозили в Северную Америку, мать – в Бразилию, а ребенка – в Европу.

На одном из таких кораблей я и решил бежать, других здесь просто не было. В то время, как вся наша команда «отрывалась» в бесчисленных кабаках и притонах, я проводил время в

порту, подыскивая попутный корабль. И наконец нашел. Это был голландский галеон, переоборудованный для перевозки рабов. Направлялся он, правда, в Англию, но мне было все равно, главное, сбежать от Родригеса. А уж из Англии в Португалию добраться не составит большого труда.

Я поговорил с капитаном галеона, и он меня взял, но не матросом, а надсмотрщиком за товаром. Капитан позвал старшего надсмотрщика. Пришел молодой парень с красным обветренным лицом и кривыми, гнилыми зубами. От него за версту разило перегаром. Парень вручил мне стек, сказав, что это мой рабочий инструмент, и повел меня на мое новое место работы.

По деревянной лестнице мы спустились в трюм галеона. В нос тут же ударил тошнотворный запах человеческой плоти, испражнений, пота. В трюме был полумрак. Глаза быстро привыкли к темноте, и то, что я увидел, повергло меня в шок. Все пространство трюма, от пола и до потолка, было застроено нарами в пять ярусов. Расстояние между ярусами было не более пятидесяти сантиметров, так что на них можно было только лежать. В небольшом трюме находилось не менее трехсот рабов. Они практически лежали друг на друге, составляя единую, живую человеческую массу. Вдобавок бедолаги попарно были прикованы ножными кандалами друг к другу.

Несколько негров, спустившись со своих нар, сидели в узеньком проходе. Вероятно, это было запрещено, поэтому главный надсмотрщик заорал на них и стал их нещадно хлестать плеткой, оставляя на их телах рваные, кровоточащие раны. Он крикнул мне, чтобы я помогал ему загонять негров на нары. Я был в ужасе. У меня не укладывалось в голове, что людей можно перевозить в таких диких условиях, что к ним можно относиться хуже, чем к животным. Внутри меня вскипело, и, вместо того чтобы бить негров, я всю свою ярость обрушил на надсмотрщика. Тут пригодился стек, который был у меня в руках. Несколько раз я ударил его тростью. Он упал на пол, завизжал словно резаный поросенок, извиваясь под ударами моего стека. На крик прибежали несколько человек из судовой команды. Они скрутили мне руки, выволокли на палубу и начали меня избивать. Особенно старался кривоzubый. Хорошенько «размявшись», они вышвырнули меня на причал. Я лежал в пыли, не в силах подняться, и думал, что есть профессии еще хуже, чем пират.

Через три дня мы снялись с якоря и вышли в открытое море. Наш курс лежал в Атлантику, поближе к оживленным торговым путям. Родригес приказал сделать небольшой крюк, чтобы зайти на Каймановы Острова. Эти были пристанище черепах, и было их там великое множество, а мы очень любили черепаховый суп. Это вносило разнообразие в наш скудный рацион, так как солонина быстро приедалась. Пойманные черепахи долго жили у нас в трюме, не портились, не пропадали, это были своего рода живые консервы. После удачной охоты продолжили свой путь. Обогнув с севера Кубу, мы вышли из Карибского моря в Атлантический океан.

Несколько дней мы плыли без всяких происшествий. Встречных кораблей не было, и создавалось впечатление, что мы одни в океане, да и вообще, в мире. Солнце уже скрылось за горизонтом. Вечерело. Я выполнял свою обычную работу, но в мыслях был далеко, в Португалии, в своей родной деревушке.

Мое внимание привлек шум и возня у правого борта, где несколько человек из команды какой-то хитрой снастью ловили крупную рыбу. По их возгласам я понял, что клюнул огромный трехметровый марлин, весом никак не менее трехсот килограммов. Пираты старались подтянуть его вплотную к борту и при помощи петли и багра зацепить и затащить рыбину на корабль. Но марлина такая перспектива никак не устраивала, и он сопротивлялся во всю свою недюжинную рыбью силу.

Корабельный кок и канонир Бенито с трудом удерживали трос с бьющимся за свою жизнь марлином. Старик Карло пытался зацепить его багром, а наш эскулап Доменико старался набросить петлю на непокорную рыбу. Родригес, естественно, руководил этой охотой.

Уже больше часа продолжалась эта возня у борта. Меня это уже не увлекало, и я опять в мыслях вернулся на свою родину.

Но тут мое внимание привлекло какое-то движение слева от меня. Я повернул голову и обмер. Параллельно нашему курсу, буквально в нескольких метрах от нашего борта, двигался большой, странного вида корабль. Это была шхуна. Она как будто бы только что вышла из ожесточенного боя. На бортах зияли дыры от ядер и пуль. Паруса, пробитые и порванные во многих местах, безжизненно болтались на реях, словно лохмотья на арабском дервише. С такими повреждениями не плавают, а лежат на дне.

На судне были зажжены масляные фонари. В их мерцающем свете я видел команду жуткого корабля. Все они были вооружены до зубов. Жерла их пушек, обращенные в нашу сторону, готовы были разнести в щепки наш «Санта-Круз». Над пушками застыли канониры с подпаленными фитилями, готовые по первой команде поднести огонь к запалу. Впереди абордажной команды стоял капитан в треугольной шляпе. Рука его, поднятая вверх, сжимала саблю. Он готов был дать отмашку.

От вида этой команды меня бросило в дрожь, и я весь покрылся холодным потом. Это были не люди. Это были скелеты! Пустые глазницы их черепов были обращены на наш корабль. Я не мог пошевелиться от ужаса. Страшная шхуна с жуткой командой поравнялась с нашим кораблем. Я увидел их рулевого. Он невозмутимо стоял за штурвалом, слегка корректируя курс. Вдруг скелет-рулевой повернул свой череп в мою сторону и уставил свои пустые черные глазницы на меня. Из них исходил могильный холод. Он снял правую руку со штурвала и помахал ею мне. От страха все члены мои онемели. И тут нижняя челюсть рулевого опустилась, открывая беззубый рот. Это была улыбка. Улыбка смерти.

Мною овладел дикий животный ужас, я заорал, что было силы. Родригес, кок, Бенито и Карло резко повернулись ко мне. Увидев адский корабль, они замерли от страшной картины, открывшейся им. Лица пиратов мгновенно превратились в застывшие гримасы ужаса. Леденящая кровь шхуна несколько минут, показавшихся нам вечностью, двигалась вровень с нами, а затем медленно проследовала вперед и скоро растворилась в темноте.

Первым в себя пришел кок.

– Что это было? – сдавленным голосом спросил он.

Все молчали, не в силах отойти от шока. Карло дрожащими руками достал трубку и стал набивать ее табаком. Он был старым и самым опытным пиратом на судне, плававшим на многих пиратских кораблях.

– Летучий Голландец, – хрипло ответил он, раскуривая трубку. – Плохая примета. Скоро всем нам каюк.

– Что ты бабкины сказки рассказываешь! – перебил его Родригес. – Летучий Голландец! Ерунда все это! Мираж. Фата-Моргана. Давайте лучше марлина тащить.

– А тащить-то нечего, – виновато проговорил Бенито. – Мы с коком, как увидели этот страх господний, так веревка сама из рук выпала.

На следующий день я снова заступил на вахту. Океан был тих и спокоен, как спящий лев. На его гладкой поверхности играли солнечные блики. По небу грациозно, словно лебеди, плыли белые облака. Солнце припекало, разливая по телу сладкую истому. Дул легкий теплый ласковый ветерок. Бриг наш плавно скользил по водной глади, слегка поднимаясь и опускаясь, проходя небольшие волны. Тихий плеск воды и мерное поскрипывание мачт умиротворяюще действовали на душу. Я стоял за штурвалом и смотрел, как резвится беззаботная стайка дельфинов, сопровождавшая наш корабль.

Команда отдыхала после обеда в своих кубриках. Наверху было два матроса, они полулежали на палубе в тени парусов и, лениво переругиваясь между собою, играли в кости. Еще один, впередсмотрящий, сидел в корзине, укрепленной на грот-мачте, и дремал. Периодически

он встряхивался, прогоняя сон, бросал взгляд вдаль через подзорную трубу и снова отдавался сладкой дреме.

Я задумчиво смотрел вперед, в сине-голубую небесно-океанскую даль. А видел там добрые и усталые глаза мамы, в которых навеки поселилась тревога и боль за сына. Худошавую и немного сутулую фигуру отца, уходившего в свое последнее плавание. Маленького сынишку Игнасио, тянущего ко мне свои ручонки. До боли в сердце любимое лицо милой Исабель, в глазах которой жила вселенская любовь и безграничная нежность ко мне.

– Я буду ждать тебя, Диего!

Эхом звучал ее голос.

– Буду ждать!

– Справа по борту корабль! – донеслось до меня.

Голос вернул меня в реальность. Я взглянул наверх. Впередсмотрящий стоял в корзине и подзорной трубой указывал правее нашего курса. Я посмотрел туда и вдали, почти у самого горизонта, разглядел едва заметную точку.

– Эй, Бенито! Сгоняй к капитану, доложи о корабле! – прокричал впередсмотрящий одному из матросов.

– Вот я сейчас все брошу и побегу за капитаном. Делать мне больше нечего, – лениво отозвался канонир.

Однако, доиграв кон, он все же встал, надел рубаху и неторопливо, вразвалочку направился к лестнице.

Тем временем ветер усиливался. Волны становились круче, небо затягивалось серыми тучами, солнце лишь иногда проглядывало сквозь плотно идущие облака. Погода портилась.

На палубе появились Родригес и Ван Хайден. В руках Циклопа была подзорная труба. Он приложил ее к глазу, вглядываясь в даль. На несколько секунд он застыл словно кобра перед броском.

– Право руля, – скомандовал он.

Я повернул штурвал. Бриг послушно изменил направление движения.

– Так держать.

«Санта-Круз» лег точно на курс этого бедолаги, которому предстояло стать очередной добычей Родригеса и его банды. Циклоп сложил подзорную трубу.

– Порядок. Наша посудина. Купец! Питер, иди поднимай команду. Пусть готовятся к штурму.

– Будет сделано, капитан.

Ван Хайден бросился исполнять приказ.

Уже через пару минут, бряцая оружием, галдя и подталкивая друг друга, на палубе появились головорезы Родригеса. Они столпились у борта, стараясь лучше разглядеть свою добычу. Пираты громко переговаривались, хлопали друг друга по плечам, отпускали непристойные шутки, гогоча во всю глотку.

Расстояние между бригом и торговым судном быстро сокращалось. От «Санта-Круз» еще никто не уходил. «Купец» шел медленно. По низкой посадке его было видно, что он перегружен. Десятка два винных бочек были расставлены на палубе вдоль бортов, видимо, им не хватило места в трюме. На мачте развевался английский флаг. Мы уже были на расстоянии пушечного выстрела.

– Поднять флаг! – зычно приказал Родригес.

И уже через секунду над грот-мачтой взвился черный флаг с белым черепом и двумя скрещенными костями.

– Бенито! – позвал Родригес.

– Я здесь, капитан!

Главный канонир стоял перед Циклопом.

– Поприветствуй господ англичан!

– Есть, капитан!

Бенито бросился на нос корабля, где была установлена одна из пушек. Поправив прицел, он поднес горящий фитиль к запалу, раздался оглушительный выстрел. В ту же секунду верхушка мачты с английским флагом свалилась набок, словно ее срезали косой. Она повисла над палубой, запутавшись в шкотах бегучего такелажа. Пираты одобрительно зааплодировали, а Бенито картинно раскланялся. На торговом судне забегали, засуетились и стали опускать паруса.

– Ага, намек поняли английские собаки. Молодец, Бенито. Глаз – алмаз! – похвалил канонира Родригес.

Затем он подошел ко мне.

– Значит, так, Диего. Подходишь к ним правым бортом, аккуратно. Правда, волны большие, но постарайся с первого раза подойти. Сможешь, сынок?

– Смогу. Не в первый раз, – ответил я.

– Молодец.

Родригес подошел к абордажной команде.

– Все к правому борту! Занять свои места!

Пираты быстро рассредоточились вдоль борта, в руках у них появились абордажные крюки. Каждый из них знал свое дело, свой маневр. Это была опытная, хорошо обученная команда, так что английская посуда не представляла для них особой трудности.

Между кораблями оставалось уже небольшое расстояние.

– Убрать паруса! – скомандовал Родригес.

Приказ был выполнен моментально. Команда действовала как единый механизм. И вот он настал, этот, волнующий душу каждого пирата, момент штурма. Я плавно подвел «Санта-Круз» к левому боку англичанина. Борта наших кораблей коснулись друг друга. В ту же секунду полетели абордажные крюки, впиваясь в борт «купца», соединяя оба судна. И сразу же, с дикими воплями, гиканьем, свистом, перескакивая через оба борта на английскую палубу, хлынула пиратская ватага. Все было как всегда.

Но то, что произошло в следующий миг, повергло меня шок. Крышки винных бочек вдруг откинулись, и оттуда, как черти из своих табакерок, высунулось десятка два военных моряков с ружьями. Грянул залп, и добрая половина наших товарищей рухнула на палубу, истекая кровью. В руках матросов появились пистолеты, и снова загрели выстрелы. В это время из отсеков корабля высыпало еще два десятка моряков с саблями и пистолетами. Они отсекали пиратов от борта, исключив возможность их отступления. Команда пиратов попала в кольцо и таяла на глазах. Оставшиеся в живых бешено сопротивлялись, но было уже ясно, что через несколько минут команда Родригеса прекратит свое существование.

Холодный липкий страх сковал все мои члены. Судорожно вцепившись в штурвал, я с ужасом наблюдал за этой кровавой бойней и ждал, когда придет и мой час.

На «Санта-Крузе» нас было четверо. Кроме меня, Бенито, врач Доменико и Ван Хайден за капитана. Мы смотрели на эту резню, буквально оцепенев от ужаса. Первым пришел в себя голландец. Он выхватил из-за пояса саблю и стал рубить канаты, к которым были привязаны абордажные крюки, державшие наши корабли вместе.

– Поднять паруса! – диким голосом заорал Ван Хайден.

Бенито и Доменико, поняв замысел голландца, стремглав бросились к мачтам.

– Лево руля! – заорал мне Ван Хайден.

Он уже перерубил последний канат, и наш бриг был свободен. Я крутанул влево штурвал, в это время взвилась вверх часть парусов, и наш корабль потихоньку стал отваливаться от роковой шхуны.

Оцепенение мое прошло, у нас появился шанс остаться в живых, и нужно было его использовать. Часть англичан, видя, что мы пытаемся удрать, открыли беспорядочный огонь из ружей. Мы попадали на палубу. Пули свистели где-то сверху, оставляли дыры в парусах, впивались в борта и мачты, не причиняя нам никакого вреда.

Но вскоре стрельба прекратилась, вероятно, англичане поняли, что палить из ружей по кораблю все равно, что стрелять из рогатки по слону. Мы еще лежали на палубе, еще слышались крики англичан, а в душе моей билась и порхала слабая и трепещущая, словно мотылек, мысль о счастливом спасении. Я был уверен, что догнать нас они не смогут, ибо эта старая посудина была хороша для приманки пиратов, но не для погони.

Немного успокоившись от этой мысли, я приподнялся и выглянул из-за борта. Лучше бы я этого не делал, ибо то, что я увидел, снова вернуло ужас в мою душу. Английские военные моряки спокойно и деловито выбрасывали трупы наших товарищей в океан. Но самое страшное было не это. Часть моряков открывали люки в бортах своей шхуны и выдвигали в них пушки, которые раньше стояли прикрытые парусиной. Двенадцать орудий со зловещим спокойствием палача взирали на наш бриг. Вокруг них сутились канониры.

– Все по местам! – услышал я голос Ван Хайдена. – Ставить полные паруса!

Бенито и Доменико бросились исполнять приказ.

– Перейра! К штурвалу!

В мгновение ока я был на своем месте.

– Ничего. Мы еще покувыркаемся! – кричал голландец.

Он стоял на корме и в подзорную трубу внимательно наблюдал за шхуной.

– Приготовься, Диего!

Я мельком бросил взгляд на «англичанина». Двенадцать пушек тупо глядело нам вслед, не предвещая ничего хорошего. Возле них сновали канониры. Чуть в стороне стоял офицер с поднятой вверх рукой. В ту же секунду рука его резко опустилась, а над каждой пушкой появился дымок от запалов.

– Право руля! – заорал Ван Хайден.

Раздался грохот канонады, и английская шхуна скрылась за пеленой дыма. Я резко крутанул штурвал вправо, и бриг, накренившись, ушел в сторону. И в тот же миг с левого борта по линии нашего прежнего курса взвились двенадцать фонтанов, обдавая нас миллионами брызг. Я перевел дух и вернул «Санта-Круз» на прежний курс.

– Ага! Мимо! Мимо!

Орал Ван Хайден, вывернув фигу в сторону шхуны.

– Мимо! Мимо!

Радостно кричали Бенито и Доменико, прыгая по палубе.

Тем временем англичане деловито перезаряжали орудия.

– Так! Все по местам. Перейра, будь готов! – напряженным голосом произнес голландец.

Он прильнул к подзорной трубе, пристально наблюдая за противником.

Я кивнул головой и перекрестился.

– Лево руля!

Услышал я крик Питера и резко повернул штурвал налево. Корабль, скрипнув мачтами и такелажем, юркнул влево. А двенадцать смертоносных фонтанов взметнулись с правой стороны. Новый всплеск радости на нашем судне.

– Молодец, Перейра! – кричал мне Ван Хайден.

– Эй, Диего! – закричал мне Бенито. – Если в нас не попадут, я, пожалуй, поставлю тебе кувшинчик вина в ближайшем порту!

– Ох и скряга же ты, Бенито! – вопил Доменико. – Диего, бочонок с меня и еще баранья нога!

– Готовься, Перейра! – закричал голландец.

– Всегда готов, как карп на сковородке! – прокричал я в ответ.

После двух удачно проведенных маневров мною овладел азарт игрока. Страх отошел на второй план, его место заняла бесшабашная удаль кандидата в покойники.

Игра со смертью продолжалась.

– Право руля! – донесся до меня крик Ван Хайдена.

Я повторил маневр, и третий залп англичан угодил в воду, вызвав новый приступ ликования нашей малочисленной команды. Ставки мои росли. Жадный Бенито уже сулил мне боценок отменного тосканского вина. Доменико обещал меня поить до самой смерти.

– Еще немного осталось! – прокричал мне Ван Хайден. – Еще пару-тройку залпов, и мы выйдем из зоны обстрела.

Но залпов больше не было. Англичане прекратили вести залповую стрельбу и открыли по нам беглый огонь. Орудия стреляли поочередно. Заканчивали стрелять последние, а первые уже были перезаряжены и снова открывали огонь. Стрельба велась без перерыва, и предугадать, куда ляжет очередное ядро, было невозможно. Оставалась надежда на мое мастерство рулевого и на удачу. Я отчаянно крутил штурвал влево, вправо, опять вправо, влево. Бриг вилял, кренился из стороны в сторону, выписывал немислимые зигзаги, словно заяц, удирающий от погони.

Расстояние между нами и шхуной увеличивалось. Мои товарищи по несчастью, как могли, подбадривали меня.

– Давай, Перейра! Давай, Диего! Еще немного осталось!

Ядра сыпались градом, поднимая тучи брызг. Вода вздымалась, пузырилась и пенилась, казалось, что еще немного, и она закипит.

Одно из ядер пролетело над моей головой, обдав меня смертельным холодком. Оно пробило косой парус на грот-мачте и плюхнулось впереди корабля, взметнув очередной фонтан. А еще через мгновение раздался треск, и фок-мачта, перебитая другим ядром, переломилась, словно срезанная бритвой, и стала падать в сторону левого борта.

– Берегись, Бенито! – что было силы, заорал я.

Но в этом шуме и грохоте он не услышал меня. И тут же громадное тридцатиметровое бревно, бывшее когда-то мачтой, всем своим весом обрушилось на него. Бедняга не успел даже вскрикнуть. Удар был настолько сильным, что голова его треснула, как перезрелый арбуз. Кровь брызнула в разные стороны, окрашивая светлые доски палубы в алый цвет. Из трещин в голове на палубу медленно и тягуче вытекали серые мозги. Корабль еще раз трянуло, и к моим ногам подкатился какой-то шарик, ткнувшись в мой сапог, он остановился. Это был глаз Бенито. Своим черным зрачком он вопросительно уставился на меня. Я содрогнулся и поежился. Вспомнилась недавняя похвала Родригеса, отпущенная Бенито: «Глаз – алмаз». А теперь этот «алмаз» лежал у моих ног, а сам Родригес уже кормил рыб в океане. Как все зыбко в этой жизни.

Упавшая мачта разрушила часть бортового ограждения и накренила наш бриг набок. Она была больше, чем наполовину в воде и замедляла ход судна, очень мешая мне маневрировать. Доменико и Ван Хайден, вооружившись топорами, уже рубили канаты, державшие мачту. Освободившись от крепежа, тяжелая мачта медленно стала сползать в воду, увлекая за собою изуродованное тело бедняги Бенито.

Вдруг раздался сильный взрыв, треск обшивки, корма подлетела вверх, а судно клюнуло носом, едва не зачерпнув океанской воды. Не удержавшись на ногах, я перелетел через штурвал и грохнулся на палубу. Недалеко от меня лежал Ван Хайден, а чуть поодаль Доменико. Первым опомнился голландец.

– Что это было, Перейра? – закричал он мне.

– Похоже, что эти гады в нас попали, – ответил я, поднимаясь на ноги.

Ван Хайден выругался, вскочил и, прихрамывая, побежал к корме. За ним последовал и Доменико. Они, перегнувшись через ограждение, что-то рассматривали внизу, при этом быстро жестикулировали.

Англичане еще продолжали стрелять, но ядра уже падали позади нашего судна. Мы вышли из зоны поражения их пушек. Через несколько минут голландец и испанец подошли ко мне.

– Что там? – спросил я.

– Ерунда. Пробоина в борту выше ватерлинии. Мы с Питером ее быстро залатаем. Там работы на час.

– Так-то оно так, – задумчиво проговорил Питер. – Но там еще руль пострадал. Его практически нет. Огрызок какой-то остался.

– Не может быть! – воскликнул я и крутанул штурвал из стороны в сторону.

Корабль слабо реагировал на мои команды.

– Да... – я почесал затылок. – Плохи наши дела. По спокойной воде доползем до берега. Сейчас посмотрю карту и составлю маршрут до ближайшей земли. Только бы шторма не было.

Мы втроем с тревогой посмотрели на темнеющее небо.

– Да что там шторм! Из такой передряги выбрались, врагу не пожелаешь. И ничего, живые и здоровые. Плевать на шторм. Один только Перейра пострадал.

– Ты, что, несешь, Доменико? Я в полном порядке.

– Ты в материальном смысле пострадал, Диего. Не получишь ты теперь бочонок вина от Бенито, – врач радостно захохотал. – Бенито – жадюга. Он лучше на дно пойдет, чем хорошему человеку вина поставит.

Шутка была плоской, как доска, но он так заразительно смеялся, что мы с Ван Хайденом не выдержали и захохотали вместе с ним.

– Ага, жадюга он! – кричал сквозь смех Ван Хайден. – Это он специально башкой об мачту треснулся, чтобы денег на вино не тратить!

– Так это он мачту сломал?

– Он! Он! – сквозь хохот, вместе закричали мне Питер и Доменико.

– А я думал, ядро!

Меня корежило от смеха, и я по штурвалу сполз на палубу, давась от хохота.

– А руль от корабля тоже он?

– Это он! Бенито! Он! Жадюга! – кричали мне мои товарищи, катаясь по палубе и дико хохоча.

Это было похоже на коллективное помешательство. Мы валялись по палубе, держась за животы. Вместо хохота из наших глоток вылетали какие-то стоны, хрюканья, бульканье и прочая дичь. Эта оргия продолжалась минут пять. Вероятно, нам требовалась эмоциональная разрядка после всех наших смертельно опасных злоключений. И мы получали ее.

Смех прекратился так же внезапно, как и начался. Мы лежали на палубе, глядя, как по небу быстро бегут облака, словно боясь опоздать куда-то. На душе было пусто и холодно.

Ван Хайден встал с палубы и будничным голосом произнес:

– Пойдем, Доменико, заделаем пробоину в корме. Диего, за штурвал и смотри в оба.

Я кивнул и поднялся на ноги. Голландец помог встать нашему эскулапу.

– Ты, Перейра, не переживай, я свое слово держу, – весело проговорил испанец. – До самой твоей смерти буду тебя вином поить!

– Погоди, Доменико, а если Перейра дольше тебя проживет? – спросил Ван Хайден.

– Исключено. У меня хорошая наследственность. В моем роду все долгожители.

– Ладно, долгожитель. Пошли немного поработаем.

И они ушли в трюм.

А через два часа начался шторм. Внезапно задул резкий северо-восточный ветер. Небо затянулось тяжелыми свинцовыми тучами. Сумрак черной вуалью покрыл океан. Редкие всполохи на мгновение освещали мертвенным светом контуры туч и верхушки волн. Приближалась гроза. Волны становились все выше, круче и злее. Они словно свора бешеных псов налетали на наш бриг, стремясь растерзать свою добычу. Наша крошечная команда отчаянно билась с этой стихией, стремясь во что бы то ни стало сохранить свой корабль, а, стало быть, и свои жизни.

Я изо всех сил крутил штурвал, стараясь удержать бриг носом к волне, ни в коем случае не встать к ней боком, иначе мощная волна перевернет наш корабль. Только носом, а иначе конец!

Стало совсем темно, поскольку наступил отнюдь не добрый вечер, суливший совсем не спокойную ночь. Ван Хайден и Доменико зажгли масляные фонари, освещавшие дрожащим светом небольшое пространство вокруг себя.

Началась гроза. Прямо над нашими головами вспыхнула ослепительным зигзагом молния, на миг осветив все вокруг холодным, зловещим светом. И тут же оглушительно, словно залп из тысячи орудий, грянул гром. Я инстинктивно перекрестился. На нас сверху обрушились потоки воды. Начался свирепый ливень, больше похожий на водопад. Сказать, что было страшно, это ничего не сказать. Обстрел англичан, по сравнению с этим разгулом стихии, был детский лепет, щекотание пяток. Я мертвой хваткой вцепился в штурвал и во всю глотку орал все молитвы, которые знал.

Огромные водные горы с неумолимой методичностью обрушивались на наш бриг. Легко, словно ореховую скорлупку, вздымали его на свою вершину и тут же безжалостно бросали вниз. Такие полеты вызывали спазмы у меня в желудке, тошнота подкатывала к горлу, а сердце зависало где-то над головой. Казалось, что следующая волна это последняя в моей жизни. Шторм бушевал всю ночь. Мне представлялось, что этому кошмару не будет конца.

Уже слабо забрезжил рассвет, но стихия продолжала свирепствовать. И вдруг, сквозь рев и грохот, я услышал отчаянный крик. Я напряг свой слух и зрение и увидел фигуру Доменико. Он стоял на самом носу корабля и энергично размахивал руками. Ван Хайден находился у мачты. Как я не напрягался, не мог расслышать, что кричит испанец. Но этого и не понадобилось. В очередной раз вспыхнула молния, и на секунду стало светло как днем. И я увидел то, о чем хотел предупредить меня Доменико. Ничего страшнее я не видел в своей жизни. В нескольких десятках метров прямо по курсу тянулась вереница острых, как акульи зубы, рифов. Неумолимая сила тащила нас на них. Ничего сделать уже было нельзя. Поздно! Я крепче ухватился за штурвал, широко расставил ноги, внутренне собрался, приготовившись к неизбежному столкновению. Оно не заставило себя долго ждать.

Страшный удар сотряс наш многострадальный бриг. Раздался оглушительный треск, грохот, скрежет. Невероятная сила подбросила меня вверх и вперед. Пролетев пару метров, я грохнулся на палубу, сверху на меня свалился выломанный штурвал. Бриг резко остановился и застыл словно вкопанный. Я лежал на палубе несколько секунд, отходя от шока. Затем откинул от себя штурвал и осторожно ощупал себя. Все в порядке, кости целы. Я встал на ноги и огляделся. Ни Ван Хайдена, ни Доменико не было видно. Сверкнула молния, и в ее свете я увидел у левого борта лежащего голландца.

Я бросился к нему.

– Питер! Питер, ты в порядке?

Я тряс его за плечо. Голландец открыл глаза и какое-то время ошалело смотрел на меня.

– Ты в порядке, Питер?

– Да вроде бы. Голова болит. Наверное, я башкой хорошенько треснулся и отключился.

Он сел на палубу, прислонившись к ограждению.

– А где доктор? – спросил он.

– Не знаю. Наверное, на носу судна. Я там его видел.

Я помог голландцу встать, и мы побежали на нос корабля. Но Доменико там не было.
– Наверное, он за борт свалился. Надо его вытаскивать!

Я схватил валявшийся под ногами канат и подбежал к ограждению. За бортом ничего не было видно, лишь темнота и сплошная стена дождя.

– Доменико! – закричал я.

– Доменико! – вторил мне Ван Хайден.

В ответ рев океана, свист ветра и грохот дождя. Раздался новый раскат грома, сверкнула молния, и в ее призрачном свете мы увидели бедного доктора. Он неподвижно лежал, точнее сказать, висел, на коралловом рифе. Белое как мел лицо его было обращено в нашу сторону. В широко открытых глазах навсегда застыло выражение удивления и боли. Из груди испанца торчал огромный острый конусообразный отросток рифа, а из рваной раны обильно вытекала кровь, которую тут же смывали потоки дождя.

– Бедный Доменико. Повис как бабочка на игле в гербарии, – дрогнувшим голосом проговорил Ван Хайден. – Не приведи господь!

Он истово перекрестился.

– Вот тебе и долгожитель, – грустно произнес я и тоже перекрестился. – Прощай, Доменико!

В это время наш бриг, выброшенный на рифы, под напором мощных волн дрогнул и сдвинулся на полметра назад. Вода стала заполнять трюм.

– Бежим, Питер! Иначе утонем!

Я бросился на корму к спасательной шлюпке.

– Давай, Перейра, спускай лодку на воду и жди меня! Я сейчас!

Голландец метнулся к лестнице, ведущей вниз, и скрылся в люке. Я отвязал канаты, удерживающие шлюпку, спустил ее на воду и стал ждать Ван Хайдена. Потянулись томительные секунды ожидания. Наш бриг дернулся еще раз, постепенно сползая с рифов, и просел в воду еще больше.

– Питер! – заорал я отчаянно. – Питер!

Наконец голландец появился на палубе. Он бежал, что-то волоча за собою. Дождь не прекращался, волны с неистовством бились о рифы, грозя сию минуту столкнуть наш корабль в океанскую пучину.

– Прыгай в лодку! – крикнул он мне.

Перемахнув через ограждение, я спрыгнул вниз и оказался в лодке.

– Принимай, Диего!

Он стал спускать на веревке кованный сундук.

Это были сокровища Родригеса, награбленные им и его бандой! Они, согласно пиратскому кодексу, должны были быть разделены между всеми членами команды в соответствии с их долями. А теперь все эти богатства принадлежат мне и Ван Хайдену. Я подхватил сундук и установил его в лодке. Голландец отвязал шлюпку и бросил канат мне. Он перелез через ограждение и прыгнул в лодку. Но в это время волной лодку чуть-чуть отодвинуло от брига, и голландец, не рассчитав, плюхнулся в воду между шлюпкой и кораблем. Через секунду он вынырнул, но второй волной шлюпку бросило назад к бригу и голландца припечатало к борту. Он вскрикнул и, взмахнув руками, исчез под водой. От такого удара он мог потерять сознание, и я бросился в воду за ним. Погрузившись на несколько метров, я буквально наощупь обшаривал темное пространство вокруг себя, напрягая зрение, вглядываясь в черную толщу воды. Но тщетно, Питера не было.

Я вынырнул, жадно схватил порцию воздуха и снова ушел под воду. И опять безрезультатно. Я сделал третью попытку. И вдруг боковым зрением я увидел светлое пятно справа от себя под килем корабля. Сначала я подумал, что это большая медуза, но, подплыв ближе, увидел, что это была белокурая голова голландца. Течением его унесло немного в сторону, и своею

одеждой он зацепился за острые обломки руля. Я быстро освободил одежду и, ухватив его за ворот рубахи, потянул за собою наверх.

Мы вынырнули. Признаков жизни Ван Хайден не подавал. Я перевернул его на спину и поплыл к лодке. Одной рукой я греб, а другой тащил за собою товарища по несчастью. Лодку уже отнесло метров на двадцать, но в темноте я хорошо видел ее, выкрашенный белой краской, борт. Я плыл из последних сил, ибо понимал, что лодка – последний шанс остаться в живых, и это придавало мне силы. Наконец я достиг цели. Ухватившись одной рукой за борт шлюпки, я перевел дух и немного отдышался. Собравшись с силами, я втолкнул в лодку Ван Хайдена, а затем влез в нее сам. Быстро вставив весла в ключины, я приготовился грести куда-нибудь, куда глаза глядят, лишь бы подальше от этого проклятого места.

В последний раз я взглянул на ставший мне родным бриг «Санта-Круз». Он стоял израненный, беспомощный, покорно снося оплеухи и тумачи от расшвырянутой стихии. Корабль тихо умирал. Он почти до самой палубы погрузился в воду и терпеливо, как баран на бойне, ждал своего конца.

И вдруг меня пронзила какая-то непонятная жалость к этому кораблю, на котором я провел не самые лучшие годы своей жизни. Я всегда считал его своею тюрьмой. И вот сейчас, когда «Санта-Круз» погибает, мне до слез его жалко, ведь это была часть моей жизни и сейчас она вместе с бригам уходит на дно.

Корабль сдвинулся на несколько метров, освобождаясь от державших его рифов, и медленно пошел вниз. Скрылась под водой палуба, пушки, палубные надстройки. Над поверхностью оставалась единственная уцелевшая мачта, медленно исчезающая в черной клокочущей пучине. На верхушке ее бился и метался, словно в предсмертной агонии, черный флаг с белым черепом и скрещенными костями. Но и он вскоре исчез в темной беснующейся бездне. Я стоял в раскачивающейся лодке и смотрел, как умирает корабль. К горлу подкатывался комок. Прощай, «Санта-Круз»!

Шторм бушевал всю ночь. Но к утру все успокоилось, тучи исчезли, небо стало чистым и свежим, словно его только что вымыли. Солнце неторопливо и размеренно двигалось к зениту. Дул легкий южный ветер. Океан был тих и кроток. После безумной ночи он спал. Дыхание его было ровным и спокойным. Вдох, и наша лодка плавно поднималась вверх, выдох, так же плавно опускалась вниз. По глади океана, словно бриллианты, рассыпанные по голубому шелку, сверкали и переливались всеми цветами радуги солнечные зайчики. Царило спокойствие и безмятежность.

В кормовом отсеке шлюпки было самое необходимое: бочонок пресной воды, мешочек с сухарями, коробка с солониной, две головки чеснока, два пистолета и два мешочка с пулями и порохом, большой нож, несколько рыболовных крючков, кулек с солью, кресало, фитиль и карта в кожаном тубусе.

Обозначив на карте наше местоположение, мы стали думать, что делать дальше. Либо плыть в направлении, где проходят морские торговые пути, либо направиться к одному из Багамских Островов?

Первый вариант Ван Хайден отмел сразу. Во-первых, неизвестно, сколько нам придется ждать проходящее судно, а вода в бочонке имеет свойство заканчиваться. Во-вторых, наши спасители станут нашими убийцами, когда увидят груды золота и драгоценных камней в нашем сундуке. Говорил Питер убедительно, и я с ним согласился. Мы решили плыть к Багамским Островам.

Примерно через неделю плюс-минус один-два дня, мы будем у восточной части архипелага. Высаживаемся на ближайшем острове, набиваем полные карманы золотыми монетами, сам сундук надежно прячем и, набрав бочонок воды, отправляемся в Нассау или во Фрипорт.

Оттуда на попутном корабле плывем в Португалию. Там мы покупаем или арендуем корабль, спокойно возвращаемся на остров и забираем сундук.

Арендовать корабль или купить его во Фрипорте или Нассау было невозможно, да и опасно. В то время это было пристанище пиратов и прочего сброда. Плыть в Португалию за кораблем, конечно, дольше, но зато надежнее и безопаснее. Как только мы вернемся в Лиссабон, мы разделим содержимое сундука поровну, я отправляюсь к себе домой, а Ван Хайден на этом корабле поплывет к себе в Голландию. Ну и конечно, будем часто приезжать друг к другу в гости и, естественно, дружить до самой смерти.

Договорившись обо всем, я отправился отдыхать, а голландец сел за весла. Особенно трудно было грести днем. Был конец июня, разгар лета. Установился полный штиль. На небе ни облачка, солнце палило нещадно. И некуда было скрыться от этого пекла. Нас постоянно мучила жажда. Запасы пресной воды катастрофически уменьшались. Потянулись длинные, изнуряющие дни унылого скитания по пустынному океану.

А на шестой день нашего плаванья произошел случай, едва не стоивший нам жизни. Я проснулся после полудня и еще лежал на дне лодки, глядя в раскаленное добела небо. Ван Хайден был за веслами. Я уже собирался встать, чтобы сменить его, как вдруг услышал недовольный голос голландца.

– Вот черт! Только этого не хватало!

Я встал и посмотрел на товарища. Он перегнулся через борт, а из его носа обильно текла кровь. Питер получил тепловой удар и теперь смывал кровь океанской водой. Лодка остановилась, и вода у правого борта окрасилась в розовый цвет.

– Черт! Черт! Холера тебя забори! – ругался он.

Кровотечение не прекращалось. Я смочил носовой платок в воде и приложил его к затылку Ван Хайдена.

– Держи платок у затылка и запрокинь голову. А лучше пересядь сюда, к сундуку. И держи нос кверху. Через пару минут все пройдет.

Я помог Питеру перебраться к сундуку. Налил нам по глотку воды. Через пару минут кровотечение прекратилось. Я сел за весла, нужно было продолжать наш путь. И вдруг мое внимание привлекла какая-то тень, проскользнувшая у лодки. Я огляделся. Ничего не было. Показалось.

Через несколько секунд мы ощутили легкий толчок в днище лодки. Шлюпка качнулась из стороны в сторону. Ван Хайден подскочил, как ужаленный.

– Что это было, Диего?

– Откуда я знаю.

– Может быть, мель?

– С ума сошел, Питер? В центре Атлантического океана? Под нами сейчас километра три воды.

– Может быть, риф? – обеспокоенно спросил он.

– А если и риф, то мы его уже благополучно проскочили. Отдыхай, Питер.

Он хотел уже прилечь на дно лодки, но вдруг застыл, как парализованный. Лицо его вытянулось, в округлившись глазах появился ужас.

– Вон твои рифы! – побелевшими губами прошептал Питер.

Он указывал рукой куда-то за мою спину. Я повернулся, и от увиденного у меня похолодело внутри. Три акульих плавника, рассекая спокойную гладь океана, двигались за нашей лодкой.

– Ты видишь, видишь? Три акулы! – закричал Ван Хайден.

– Четыре, – мрачно сказал я и указал на тень в воде рядом с нашей лодкой.

– Пять! – заорал Ван Хайден, указывая на появившийся у правого борта акулый треугольник.

В это время сильный толчок сотряс нашу лодку.

– Шесть! – еще мрачнее произнес я и ткнул пальцем в днище.

– Да их тут целая прорва! Откуда они взялись? – кричал Ван Хайден.

– Кровь! – ответил я.

– Что? Какая кровь? – не понял голландец.

– Твоя кровь, Питер. Из носа. Эти твари чуют кровь за километр.

– И что же теперь делать, Диего?

– Молиться.

– Ну нет, меня так просто не сожрешь! Крови вам моей захотелось? – распалился голландец.

– И мяса тоже, – мрачно произнес я.

– Сейчас я вам устрою веселую жизнь!

Он бросился на корму. Из ящика он вынул пистолеты, порох и пули.

– Из этого их не убьешь, Питер.

– Ничего, отгоним их от лодки!

Голландец вошел в раж.

– Диего, ты заряжай. А я буду стрелять!

В это время сильный удар вновь сотряс нашу шлюпку. Она подлетела на полметра и шлепнулась о воду. Ван Хайден не удержался на ногах и, нелепо замахав руками, свалился за борт и скрылся под водой. Сразу несколько голодных тварей устремились к барахтающемуся в воде Питеру. Через пару секунд он вынырнул и ухватился за борт. Вслед за ним на поверхности воды появилась огромная голова хищницы. Широко раскрытая пасть ее со множеством острых зубов была нацелена на Питера. Я бросился к нему и, ухватив его за плечи, с силой рванул на себя. Он как пробка из бутылки вылетел из воды и грохнулся на дно лодки. В ту же секунду за ним со зловещим лязгом захлопнулись челюсти голодного хищника. Глотнув раскаленного воздуха вместо человеческой плоти, акула ушла под воду.

Голландец сидел на дне лодки, его бил озноб, лицо было белым как простыня, а зубы выстукивали какой-то сложный ритмический рисунок.

– Все в порядке, Питер?

Он молчал, тупо уставившись в одну точку. Я слегка встряхнул его за плечи.

– Ничего тебе эта тварь не откусила?

– Пусть бы только попробовала, – сквозь зубную дробь проговорил Ван Хайден.

Он потихоньку приходил в себя. Опять наша лодка содрогнулась от мощного удара.

– Похоже, они хотят попробовать тебя, – сказал я, усмехнувшись.

– А вот хрена им! Свинца они у меня сейчас попробуют! Перейра, заряжай!

– Да без толку это, Питер. Только разозлим этих тварей, – проворчал я, заряжая пистолеты.

– А по-твоему, нужно ждать, пока они вытряхнут нас из лодки и сожрут как какую-нибудь селедку?

– Ты прав, Питер. Возьми пистолеты и доставь этим тварям удовольствие.

Я протянул оружие голландцу.

Ван Хайден прицелился и выстрелил в акулу, проплывавшую рядом со шлюпкой. Она резко дернулась и, ударив хвостом, поднимая фонтан брызг, скрылась в глубине.

– Ага! Не нравится, дрянь ненасытная! – ликовал Питер.

Он протянул мне пистолет для зарядки.

– Питер! Слева! – закричал я.

– Вижу!

Снова грохнул выстрел.

Ван Хайден стрелял быстро и метко. Я едва успевал заряжать пистолеты. Минут десять длилось наше сражение с акулами, но мне эти минуты показались вечностью. Самое странное и неприятное состояло в том, что акулы, получив пулю, далеко не уходили, а наоборот, возвращались и с удвоенной энергией продолжали атаковать нашу шлюпку. Вокруг нас вода бурлила от непрерывного движения акул. Лодка раскачивалась и подпрыгивала от постоянных ударов и толчков разъяренных хищников. Еще немного, и она перевернется.

Я сунул руку в мешочек с пулями и с ужасом обнаружил, что их осталось всего две.

– Питер! Две пули осталось и пол горстки пороха.

– Плохи наши дела, Перейра! Совсем плохи! Заряжай!

Я зарядил пистолеты. И вдруг в нескольких метрах увидел гигантскую акулу. Она неслась с бешеной скоростью, целя в правый борт шлюпки. У меня похолодела кровь. Еще секунда, и эта тварь мощным ударом перевернет нашу лодку, а это конец. Страшный конец. Два заряженных пистолета у меня в руках, передать их Ван Хайдену я не успею. Я видел ее огромную голову, полуоткрытую пасть с частоколом острых зубов, ее холодные, похожие на две оловянные пуговицы глаза. Она хитра, сильна, безжалостна и очень голодна. Это ее охота, а я для нее всего лишь еда.

Я поднял пистолет и выстрелил. Это был первый выстрел в моей жизни. О, чудо! Я попал! В оловянную пуговицу, прямо в глаз! В тот же миг вверх взметнулся кровавый фонтанчик. Акула дернулась и закрутилась в паре метров от нашей шлюпки. Из пустой черной глазницы хлестала кровь, окрашивая воду вокруг себя в темно-розовый цвет.

– Молодец, Диего! Мастерский выстрел! – закричал мне Ван Хайден.

Но тут произошло то, чего мы никак не могли ожидать. Вся это свора вечно голодных тварей набросилась на истекающую кровью свою сестру и подругу. Они рвали ее на части, тут же проглатывали куски и снова рвали. Вода, красная от крови, бурлила и кипела. Пиршество хищников было в разгаре.

– Драпаем! Пока они о нас не вспомнили!

Я сел за весла и стал энергично грести, стараясь как можно быстрее скрыться с этого страшного места. Наша лодка быстро удалялась.

Ван Хайден неподвижно сидел на лавке и, не мигая, смотрел на удаляющееся кровавое пятно на месте акульей вакханалии.

– Ты, что задумался, Питер?

– Сколько крови в океане, – глухо произнес голландец.

– О чем ты, Питер?

– Родригес со своей командой, Бенито, Доменико, эта акула и еще много кого... Сколько крови в океане. А он по-прежнему синий, будто ничего и не было.

Снова потянулись дни нашего изнурительного плаванья. Солнце палило во всю свою мощь, выгоняя из наших тел липкий и горячий пот. Запасы воды стремительно заканчивались. Силы покидали нас.

Начались десятые сутки нашего скитания. Я лежал в лодке и отдыхал. Ван Хайден был на веслах. Лицо я прикрыл платком, смоченным в океанской воде, и мечтал о том, как я вернусь домой с грудой золота. Как мы проживем счастливо с Исабель, и что у нас будет много детей, и уже никогда, ни на миг не будем расставаться. Сейчас мне очень тяжело, но я свободен и богат. Осознание этого давало мне силы и уверенность в том, что все будет так, как о том я мечтаю.

– Диего, посмотри туда. Что там? – донесся до меня голос голландца. – Я плохо вижу. Пот глаза разъедает.

Я встал на ноги и посмотрел, куда указывал Питер.

– Не видно. Какая-то точка. Или остров, или корабль.

– Не нужен нам корабль. Они отберут наше золото. Любой бы отобрал. Хорошо, если еще в живых оставят, а то ножом по горлу и концы в воду, – бормотал Ван Хайден, работая веслами.

– Нужно поближе подойти, – сказал я, напряженно вглядываясь в даль.

По мере нашего приближения, точка увеличивалась в размерах, и уже не оставалось никаких сомнений.

– Остров! – воскликнул я. – Ну точно, остров! Остров, Питер! Остров!

Меня захлестнула волна дикой ребячьей радости. Я прыгал в лодке и вопил во все горло.

– Остров! Остров! Остров!

Я повернулся к голландцу. Ван Хайден сидел на лавке, опустив голову. Лицо его было закрыто руками. Я бросился к нему и стал трясти за плечи.

– Остров! Остров, Питер!

Он выпрямился и отнял руки от лица. Губы его дрожали и кривились, пытаясь сложиться в улыбку, а из глаз текли крупные, как горошины, слезы.

Через пару часов наша шлюпка уже двигалась вдоль берега. Мы искали удобное место для швартовки.

Это был высокий скалистый остров, густо поросший кустарником и низкорослыми деревьями. Остров был небольшой, примерно километра три-четыре по большему размеру. В береговую линию в нескольких местах врезались маленькие бухты с песчаными берегами. В одну из таких бухточек мы и направили нашу лодку. Через несколько минут, уткнувшись носом в песок, шлюпка остановилась. Я спрыгнул на сушу, Питер в воду, вдвоем мы затолкали лодку на берег.

Я стоял на берегу и смотрел в синюю даль. Господи, как хорошо просто стоять на бархатном песке, ощущать под собою твердь земную, а не зыбкий океан. Как хорошо просто слушать эту тишину и мерный шелест волн. Как хорошо, что моя пиратская эпопея уже в прошлом. Нет Родригеса и его банды. Нет английских военных моряков с их пушками. Нет бушующего океана. Нет кровожадных акул. Все в прошлом, и кажется, что этого вообще не было или было, но не со мною. А сейчас я здесь, на спасительном острове. Живой, здоровый, свободный и богатый. Как хорошо! Как хорошо, Господи! Как хорошо жить!

Я взглянул на Ван Хайдена. Он сидел на носу лодки, и по лицу его гуляла безмятежная улыбка. Наконец Питер встал и направился к зарослям. Он упал на траву и растянулся во весь свой рост в густой тени.

– Давай отдохнем, Диего. Потом займемся сундуком и поисками воды.

Он потянулся и закрыл глаза. Я тоже прилег на травку и смотрел в бездонное синее небо, в котором белой молнией металась одинокая чайка. Веки мои тяжелели, и вскоре я погрузился в спокойный и глубокий, как океан, сон.

Меня разбудил какой-то приятный и давно забытый запах. Я взглянул на солнце и по его положению определил, что проспал не менее шестнадцати часов. Я покрутил головой, ища Ван Хайдена. Он сидел на корточках перед костром и переворачивал зарумянившиеся на прутиках куски солонины. Еще на двух прутиках жарились две тушки рыбы. Вот этот запах меня и разбудил. Я уже и забыл, когда последний раз ел горячую пищу. Ван Хайден увидев, что я проснулся, помахал мне рукой.

– Вставай, бездельник. Сколько можно дрыхнуть? Я уже и рыбы наловил. Макрель – королевская рыба. Свинину поджарил. К столу, сеньор Перейра!

Он расстилал на песке чистую тряпицу и на нее выкладывал сухари из мешка. Я резво вскочил на ноги. Усталости уже не было, длительный сон сделал свое благотворное дело. Правда, немного ныли руки и спина, но это ерунда для молодого организма. Я почувствовал приступ дикого голода. Я был голоднее, чем акулы, напавшие на нас несколько дней назад. Это и немудрено, последний раз мы ели почти сутки назад. В мгновение ока я был у костра.

После обеда мы валялись на траве, в тени, переваривая пищу, болтая о том, кто как распорядится своею половиной от свалившегося на нас богатства. Через полчаса, решив, что пора заниматься делом, мы встали и направились к лодке. Вытащили из шлюпки сундук, обулись в свои башмаки и на всякий случай прихватили с собою оружие. Я взял тесак, а Ван Хайдену достался пистолет с последней пулей. Подхватив сундук за ручки, мы отправились в глубь острова.

Через час или полтора наших поисков, мы увидели то, что искали. Внимание привлекла узкая расщелина в скале. Заглянув туда, мы обнаружили там маленькую пещеру, сужавшуюся кверху как шатер.

– По-моему, то, что надо, – сказал я.

– Годится, – одобрил голландец.

Он достал из кармана ключ, открыл замок и откинул крышку. Несколько секунд мы завороженным взглядом смотрели на эту сверкающую, переливающуюся всеми цветами радуги, грудку украшений с драгоценными камнями, золотых монет и прочих дорогостоящих вещей. Это было ослепляющее зрелище. И все это было наше!

– Ну все, еще успеем налюбоваться. Давай обогащаться!

Я набил полные карманы штанов и куртки золотыми монетами. То же самое проделал и Питер.

– Пожалуй, нам этих денег на два корабля хватит, – сказал я.

– А вдруг возникнут какие-то непредвиденные обстоятельства? Давай возьмем еще по нагрудному украшению, их под одеждой не будет видно.

Ван Хайден вытащил из сундука огромный медальон с искусной гравировкой, украшенный большими изумрудами и сапфирами, и протянул его мне. Я надел медальон на шею и спрятал его под рубахой. Себе Питер выбрал массивный Крест изящной работы с четырьмя кроваво-красными рубинами по краям и крупным бриллиантом в центре.

– Ну вот теперь нам хватит на маленькую флотилию.

Он довольно рассмеялся.

– Все, закрываем наш кошелек, но ненадолго. Скоро мы сюда вернемся.

Он закрыл замок, а ключ положил на крышку. Мы затащили наш «кошель» внутрь и поместили в неглубокую нишу, прикрыв ее большим камнем. Выйдя из пещеры, аккуратно заложили вход камнями. Полюбовавшись на свою работу, мы отправились на поиски воды. Потратив полдня и обшарив часть острова, мы ничего не нашли.

Наступил вечер. Мы отправились к своей лодке, чтобы перекусить и отдохнуть, а уже с утра с новыми силами основательно заняться поисками воды.

Но и следующий день не принес нам ничего хорошего. Мы облазили проклятый остров вдоль и поперек. Методично обследовали каждую пядь земли. Заглядывали в каждую пещеру, пещерку, в скальные трещины, переворачивали огромные и малые камни, в надежде найти хоть самый маленький ручеек или карстовый колодец. Но увы! Пресной водой на этом Богом забытом острове и не пахло. Это была катастрофа. Путь до Нассау займет у нас не меньше недели, а по такой жаре еще и больше. Воды в бочонке оставалось кое-как на двое суток. Нам грозила мучительная смерть от жажды. Создалось жуткое положение, из которого я не видел выхода.

Осознание того, что дни наши сочтены, и мы с Ван Хайденом практически два ходячих трупа, повергло меня в дремучую тоску. Первобытный страх сдавливал мое горло. Я, как мог, гнал от себя мрачные мысли. Убеждал себя, что судьба обязательно пошлет нам избавление. Ведь не могу я умереть прямо сейчас, после стольких испытаний. Когда я свободен и богат, у меня большие и прекрасные планы на будущую жизнь, – и вдруг умереть мучительной смертью? Так нельзя! Это нехорошо! Это несправедливо!

– А! А! А! – услышал я крик Ван Хайдена.

Я повернулся и увидел, что он валяется на земле и колошматит ее кулаками.

– Чертов остров! Проклятый остров!

Я бросился к нему и попытался его поднять.

– Перестань, Питер. Перестань. Мы выкрутимся.

– Мы сдохнем, Перейра! Сдохнем! В муках сдохнем! Треклятый остров! Лучше бы я тогда с Родригесом на абордаж пошел. Все уже было бы кончено! Мы сдохнем! Уже через несколько дней сдохнем! Зачем ты меня вытащил из воды во время шторма? Ведь я уже почти захлебнулся! Перейра, зачем? Кто тебя просил? Я жить хочу!

Я потрепал его по плечу.

– Успокойся, Питер. Вставай. Пойдем к лодке.

– Никуда я не пойду. Какая разница, где подышать.

– Пошли, Питер. Если мы будем плыть, то у нас есть шанс. Здесь шансов нет.

Он, кряхтя и охая как древний старик, поднялся и поплелся за мною. Всю дорогу он угрюмо молчал. Мы молча вышли из леса, спустились по каменистой гряде и уже шли по песчаному пляжу к нашей шлюпке.

– Прости, Перейра, – глухо произнес голландец.

Я махнул рукой, думая, что он извиняется за свою истерику.

– Двоим нам не выжить. Прощай, Диего!

Я хотел оглянуться, но в это время грянул выстрел. Пуля попала мне под левую лопатку. Я сделал два последних шага по этой земле и упал на песок. Жизнь моя оборвалась. Месяц назад мне исполнилось двадцать шесть лет.

– Всего-то?

– Пираты долго не живут.

Глава 4

- Так тебя Ван Хайден убил?! – воскликнул я.
- Других людей на острове не было.
- Он ведь твой друг. Как он мог? Из-за пары глотков воды?!
- Эта пара глотков спасла ему жизнь.
- Погоди, Диего, этот гад выжил?
- Да, он остался в живых.

Перейра прошелся по палате, и я увидел на его куртке круглое отверстие с опаленными краями под левой лопаткой. Я поежился. Ангел остановился у окна.

– Его нашли на шестой день одиночного плавания. Вода у него уже закончилась, сил грести не было. Он лежал без памяти на дне лодки и умирал.

– Кто его нашел? – удивился я.

– Араваки.

– Кто-кто?

– Араваки. Коренные жители Багамских Островов. Индейцы, рыбаки. Они его отпоили, выходили и за одну золотую монету доставили в Нассау.

– Погоди, Диего. А ты откуда это знаешь?

Я подозрительно уставился на него.

– Ведь тебя к тому времени в живых уже не было.

Перейра посмотрел на меня, как на маленького ребенка.

– Погоди, Андрей, вот когда попадешь туда...

Он многозначительно указал рукой на потолок и закатил для убедительности глаза кверху.

– У тебя там будет возможность узнать всю правду о своих друзьях, подругах, родственниках. И не всегда эта правда будет приятна для тебя.

Дверь в палату отворилась, и легкой скользящей походкой вошла медсестра. За собою она катила кресло-коляску.

– Поехали, Андрей, покатаемся, – сказала она приветливо.

– Куда?

– В Летний сад, – улыбнулась Любовь Васильевна. – На процедуры, конечно.

– А эта колымага зачем? Я бы и сам дошел.

– Конечно дошел бы, но не сегодня.

Она подкатила кресло к моей кровати, и я с ее помощью перебрался в него.

Мы выехали из палаты в широкий, длинный коридор. Медсестра неторопливо везла кресло. Перейра со скучающим видом шел позади.

А у меня не выходила из головы история, рассказанная мне Ангелом. Моя буйная актерская фантазия рисовала ее в ярких красках, с мельчайшими деталями, душевными переживаниями. Я как будто бы сам проживал чужую жизнь. И вдруг неожиданная мысль острой стрелой вонзилась мне в мозг. Я чуть было не закричал, обращаясь к Перейре, но вовремя спохватился. Любовь Васильевна была рядом. Опять подумает, что у меня не все дома.

Часа через два, после лечебного массажа и соляных ванн, Любовь Васильевна привезла меня в палату. Сказав мне, что через час принесет ужин, она бесшумно удалилась.

– Слушай, Диего. Я все думаю о твоей жизни, – начал я издали.

Перейра остановился и удивленно уставился на меня.

– И что?

– Короткая у тебя жизнь получилась, но очень яркая и трагическая.

– Такая уж получилась. Могла быть и лучше. Да ладно, все прошло.

Он махнул рукой и прошелся по комнате.

– Я вот о чем подумал, Диего. А тот клад на острове... Его заграбастал Ван Хайден?

– Нет, – коротко ответил Перейра.

– Клад до сих пор лежит на острове?

– Конечно.

– И ты помнишь, где он лежит?

Голос мой слегка дрогнул, выдавая мое волнение.

– Ангелы ничего не забывают.

Перейра подозрительно уставился на меня.

– Нам с тобой срочно нужно ехать на Багамы. Прибрать к рукам клад. Немедля!

– Ты сначала из больницы выпишись, – растерянно произнес Перейра.

– Выпишусь! Это такая удача. Мой ангел-хранитель – бывший пират. А пока я тебя вижу, мы должны поехать на остров и приватизировать сокровища. Что добру пропадать? Слушай, Диего, сколько сейчас может стоять этот клад?

– Не знаю, – пожал плечами Перейра.

– Ничего не знает. Что ты за ангел? Двоечник.

Диего состроил обиженное лицо и проговорил:

– Я с тобой в детский сад ходил, в школу, в институт. Я читаю те книги и газеты, какие читаешь ты. Смотрю по телевизору те же передачи, что и ты. Я знаю столько, сколько знаешь ты. Если я двоечник, то только потому, что двоечник ты. Если бы я был ангелом-хранителем у академика, я бы знал столько, сколько знает он.

Перейра обиженно отвернулся от меня и подошел к окну. Возникла пауза.

– Ну так как насчет клада? – вкрадчиво спросил я после паузы.

Диего молчал.

– Что, тебе жалко, что ли? – продолжал канючить я.

Перейра повернулся ко мне.

– Мне не жалко. Мне этот клад, что козе баян. Просто я не знаю, что мне делать? Меня не учили этому. Четких инструкций на этот счет не было. Ты меня вообще не должен видеть. А ты меня видишь, разговариваешь со мною. Да еще просишь помочь тебе в меркантильных делах.

– Но это же ненадолго, заживет моя гематома в голове, и ты снова станешь недоступным для меня. Но, если уже так случилось, нужно использовать этот случай. Помогите, Диего!

– Не знаю, имею ли я на это право. Буду думать.

Он наморщил лоб, заложил руки за спину и стал ходить по палате из угла в угол. Я терпеливо следил за его перемещениями. Наконец он остановился у кровати и посмотрел на меня.

– Формально я не нарушу кодекса ангела-хранителя, если укажу тебе, где лежит клад. Но какое-то сомнение все-таки гложет меня.

– Отбрось все сомнения, Диего! Ты же солдат удачи! – воскликнул я.

– В прошлом. Вот что, Андрей. Мне нужно посоветоваться с моим Куратором.

– Кто это?

– Ангел из Верхнего Лица. Он контролирует мою работу.

– Ну так, советуйся.

– В общем, утром ты будешь знать ответ.

– Ладно, потерплю до утра. Слушай, Диего, а у твоего Куратора белые одежды?

– Белые. Еще какие белые!

Перейра мечтательно прищурил глаза, вероятно, представляя себя в таких одеждах.

Утром меня разбудил звон тарелок. Я открыл глаза. Палата была залита солнечным светом. Я взглянул в окно, на небе – ни облачка, и только солнечный блин сиял, стремясь к своему зениту.

Любовь Васильевна сгружала с тележки на тумбочку тарелки с омлетом, с овсяной кашей, со сдобными булочками. Из чайника она налила кипяток в стакан, в котором уже лежал пакетик чая и долька лимона.

Я сладко потянулся.

– С добрым утром, Любовь Васильевна!

– Доброе утро, Андрей!

Она улыбнулась своею немного грустной улыбкой.

– Сегодня, правда, хорошее утро. А вы молодец. Хорошо поспали.

– Это после вчерашних процедур. Да и вообще я поспать люблю.

– Просто вы на поправку идете. Это хорошо. Завтракайте, Андрей. Сегодня вас ждет несколько интересных процедур. Приятного аппетита!

Медсестра вышла из палаты.

Я покрутил головой, ища глазами Перейру.

Тот прогуливался взад-вперед в дальнем конце палаты.

– Ну что, Диего? Что сказал твой Куратор? – без предисловий, начал я.

Перейра подошел к моей койке.

– Куратор, в принципе, не против, чтобы я указал тебе место, где лежит клад.

– Ура! Слава мудрому Куратору!

– Но есть одно условие, которое ты должен выполнить, – продолжил Ангел.

– Я согласен на любое условие! Что нужно? Бросить курить? Регулярно переводить старушек через дорогу? Побриться наголо?

– Ты должен найти Крест Иоанна Крестителя и вернуть его Церкви. Только после этого, я укажу тебе остров и место, где скрыт клад.

– Вот тебе на! Что это за Крест такой?

– Это одна из главных реликвий Православной Церкви. Именно этим Крестом Иоанн Креститель крестил Иисуса Христа. После смерти Иоанна, Крест перешел к Андрею Первозванному, проповедовавшему позже в Греции. После смерти Андрея этот Крест хранился в храме на одном из греческих островов. А в конце семнадцатого или в начале восемнадцатого веков Крест пропал. Сказать вернее, его похитила банда Родригеса во время одного из своих налетов на этот остров.

– Где же я его найду? Его, может, уже не существует. А если и существует, то пылится в какой-нибудь церквушке в запасниках.

– Такого уровня реликвии находятся на особом учете. Этого Креста нет ни в одном храме.

– Как я найду то, чего нет? Я не согласен. А есть другое условие, которое выполнимо?

– Нет. Ты должен найти Крест, Андрей. Когда ты попадешь на Небо, там тебе это зачтется, потому что это будет твоим Христианским Подвигом. А поскольку ты – мой подопечный и совершил богоугодное деяние, то и меня досрочно повысят на один или даже два лика.

– Да вы – карьерист, Перейра, – съязвил я.

– Я не карьерист. Я просто хочу заниматься более интересными делами и приносить больше пользы нашему Сонму, чем еще ближайшую тысячу лет быть нижним ликом. Помогите мне, Андрей. И я помогу тебе.

– Ладно, ладно, Диего. Я согласен. Но как я могу найти этот Крест? Я даже не знаю, с чего начать. И есть ли он вообще?

– Он есть! По нашим с Куратором прикидкам, он сейчас находится в Петербурге.

– Да ладно. Быть такого не может.

Я смотрел на Перейру во все глаза.

– В земной жизни все может быть, – философски изрек Ангел.

– Но как Крест здесь оказался? – воскликнул я.

– Хороший вопрос. Ты пока ешь свой завтрак, а я расскажу тебе, что стало с Ван Хайденом, и тогда тебе станет все понятно.

– Давай, мне нравятся твои рассказы.

Я приподнял спинку кровати и подтянул к себе тарелку с салатом.

Переира начал свой рассказ:

– После того, как араваки доставили голландца в Нассау, у него все пошло по плану, придуманному нами. В порту он сел на рабовладельческий корабль, отправлявшийся в Африку за живым товаром. Добрался он на нем до Нуакшота. Это на западном побережье Африки, в Мавритании. В Нуакшоте он неделю ждал попутного корабля в Европу. И дождался. Это было французское торговое судно. На нем Ван Хайден доплыл до Марселя. А от Марселя, на перекладных, до родного Амстердама.

Арендовать корабль для похода за сокровищами Родригеса он решил в своем городе. Но этому помешало одно трагическое обстоятельство. В одном из трактиров Амстердама, в пьяной драке, он убил сына важного чиновника из местного Магистрата. Ван Хайдена разыскивала вся полиция Амстердама. Но он укрылся в доме своего дяди Иохима Бригеля, состоявшего на службе у российского императора Петра I.

Произошло это в 1698 году, когда царь Петр под именем Петра Михайлова со своим Великим Посольством побывал в Голландии. Иохим Бригель, как специалист по морскому делу, был приглашен на работу в России. Иохим был несказанно удивлен невиданной щедростью русских и немедленно подписал контракт. И с этого момента стал служить в столичном Адмиралтействе под началом графа Ф. М. Апраксина. В то нелегкое время для Ван Хайдена, Иохим Бригель находился в Амстердаме в составе дипломатической миссии, которую возглавлял адмирал Федор Матвеевич Апраксин.

Питер рассказал своему дяде, что случилось с ним в трактире, и попросил тайком вывезти его из Голландии. Разве мог отказать дядя своему единственному, хоть и непутевому племяннику, которого держал на руках в младенчестве и обучал азам морского дела в детстве и юности? Дядюшка Иохим в тот же день представил Питера графу Апраксину, как специалиста в области мореплавания и кораблестроения. Собственно говоря, Ван Хайден и был таковым.

Граф Федор Матвеевич, оглядев Питера, произнес одно слово:

– Добро.

В одно мгновение ока с голландцем был подписан контракт и выданы щедрые подъемные. Его обрядили в форменный мундир Адмиралтейства, темно-синего цвета с золотыми пуговицами. А еще через два дня дипломатическая миссия отправилась назад, в молодую столицу Российской Империи, город Санкт-Петербург, увозя с собою бывшего пирата и отчаянного авантюриста Питера Ван Хайдена, навстречу его новой и непонятной жизни в туманной и заснеженной стране.

Служил он в Адмиралтействе честно и добросовестно. Работа ему нравилась и поначалу совсем увлекла Ван Хайдена. Он очень быстро усвоил русский язык. Переделал свое голландское имя на русский лад, так, вместо Питера Ван Хайдена возник Петр Иванович Хайденовский.

Он даже принял Православие, чтобы жениться на Липочке Виноградовой, дочке купца первой гильдии Прохора Виноградова. Не устоял свирепый пират перед чарами русской красавицы. Тесть подарил молодым большой деревянный дом на Петроградской Стороне, где влюбленные голубки свили свое семейное гнездышко. Как и положено, через год, в самый сочельник, у Хайденовских появился первенец Лаврушка.

Постепенно пиратское прошлое стиралось из памяти голландца. Он теперь уважаемый человек, на государственной службе, добропорядочный отец семейства. И только одна мысль из его прошлой жизни острой занозой засела в его сердце. Сокровища Родригеса!

Много бессонных ночей он провел, обдумывая различные варианты похода за богатством. Самый простой способ, бежать из России в Испанию или Португалию, арендовать или купить корабль, – и вперед, за золотом! Но обстоятельства изменились, и теперь ему очень не хотелось покидать интересную и доходную работу, свой дом, свою семью.

И в одну из ночей, проведенных в раздумье, его осенило. Он даже подскочил в кровати, вызвав недовольное ворчание Липочки.

В то время при дворе императора Петра был популярным редкий, необычайно вкусный и страшно дорогой напиток – кофе. Привозили его в малых количествах иностранные купцы и продавали за сумасшедшие деньги. План Ван Хайдена был прост, – убедить с помощью своего дяди графа Апраксина снарядить судно в Южную Америку, за кофейными зернами. Он даже составил расчеты, согласно которым получалось, что кофе, привезенный им из Венесуэлы (а именно туда он собирался), обойдется четырежды дешевле, нежели покупать его у иноземных купцов-шкуродеров.

Вместе со своим дядей Иохимом Бригелем, Питер побывал на аудиенции у графа Апраксина, где в красках описал все преимущества похода в Южную Америку за зернами чудесного напитка. Граф дослушал Ван Хайдена, прочел его экономические выкладки по этому вопросу и, по своему обыкновению, произнес:

– Добро.

Голландец был на седьмом небе от радости. Все шло по его плану. Ему готовился корабль, команда матросов, деньги на закупку кофе, а он назначался капитаном. Назначение – порт Каракас в Венесуэле. Путь предстоял неблизкий – через Балтийское и Северное моря в Атлантический океан. Далее, с севера на юг, к побережью Южной Америки.

Багамские Острова располагались на пути следования в Каракас. Голландцу нужно было сделать небольшой крюк к безымянному острову, где его поджидал «кошелек» Родригеса. На подходе к острову он устроит небольшую поломку на корабле и отдаст приказ пристать к берегу для устранения неполадки. А уже под покровом ночи, когда команда будет спать, он наведется в ту самую пещеру и перенесет сокровища в свою каюту. Поутру корабль продолжит свой кофейный рейс. Вот и весь план, простой и изящный. А Петр Иванович Хайденовский станет одним из самых богатых людей в Петербурге.

Будущее ему представлялось лишь в розовых тонах. Но, увы, судьба, рисующая картину жизни Ван Хайдена, уже использовала все яркие краски, и теперь для голландца на палитре осталась лишь одна краска – черная.

Через четыре дня плаванья по беспокойному Балтийскому морю, в районе острова Борнхольм русское торговое судно встретило сорокапушечный шведский фрегат. Такая встреча не входила в планы Ван Хайдена, ибо это рандеву ничего хорошего не сулило.

В те времена отношения России и Швеции напоминали отношения соседей по коммунальной квартире, с постоянными перебранками на дипломатическом уровне и частыми потасовками, то на суше, то на море. Еще были свежи шведские воспоминания о полученной от русских оплеухе под Полтавой. У капитана фрегата, как и у всех шведов, до сих пор «горело» ухо. Пылая благородным гневом, швед отдает приказ задержать русскую посудину и арестовать всю команду. И плевать, что судно гражданское, в нейтральных водах, наверняка эти русские – «шпионы и диверсанты».

Корабль был объявлен военным трофеем и препровожден в ближайший порт. Команда, во главе с капитаном Петром Ивановичем Хайденовским, как военнопленные, была отправлена в тюрьму города Мальме. А чтоб жизнь малиной не казалась, пленные по четырнадцать часов работали в местной каменоломне на благо Швеции. Так прошло три кошмарных года. Отношения между Россией и Швецией немного потеплели. Страны договорились соблюдать исторически сложившиеся границы и жить в мире друг с другом, как добрые соседи. А в знак примирения обменялись военнопленными.

Ван Хайден вернулся домой без денег, без корабля, без кофе, а самое главное, без сокровищ Родригеса. Из Адмиралтейства его уволили, как не справившегося со своей миссией. Ван Хайден очень переживал по этому поводу. Он постарел, осунулся, его постоянно мучил надрывной кашель, иногда он задыхался, точно взбирался на гору, покалывало грудь, оно и понятно, каторга в шведских каменоломнях – не дача на Кислых Водах.

Но в нем до сих пор жила уверенность, что он обязательно завладеет «кошельком» Родригеса. Денег на новую экспедицию у него уже не было, но был еще золотой Крест с большими драгоценными камнями. По его мнению, стоил тот Крест огромных денег. Так и было на самом деле. Необходимо было его продать. И вот он выбрал момент, когда Липочка со Лаврушкой ушли кататься на санках. Был ноябрь месяц, снег выпал рано, и зима в тот год выдалась снежной и студеной.

Ван Хайден поднялся на второй этаж, в спальню. Он отодвинул громоздкий сундук, стоявший у окна, поднял половицу и вынул из-под пола Крест, завернутый в серую холщовую тряпицу. Торопливо сунул его за пазуху и вышел из своего дома на Посадскую улицу. Он остановил проезжавшего мимо извозчика. Путь его лежал в известный в городе ювелирный салон господина Храповицкого, бывший тогда на Невском проспекте недалеко от реки Мойки.

Не прошло и получаса, как голландец уже сидел в черном кожаном кресле у пылающего камина в кабинете ювелира. Храповицкий – грузный мужчина с золотым пенсне на мясистом носу, сидел за массивным столом и внимательно, через лупу, изучал Крест, принесенный Ван Хайденом. Покончив рассматривать Крест, ювелир принялся разглядывать странного посетителя.

Худое изможденное лицо, длинные светлые с седыми прядями волосы, напряженный взгляд водянисто-голубых глаз. Одет прилично, но не богато. Ювелир подошел к окну и посмотрел на улицу, – у парадного подъезда кареты не было, а стояли обыкновенные дрожки, на облучке которых сидел ямщик в тулупе.

– Чиновник какой-нибудь. Мелкая сошка, – подумал Храповицкий и произнес цену совершенно неприличную – раз в сто меньшую, чем на самом деле стоил Крест.

Ван Хайден даже подскочил с места, словно сидел не в мягком удобном кресле, а на раскаленной плите. Он буквально задыхался от возмущения и обиды, вдобавок его душил хронический кашель.

– Сколько?! – не веря своим ушам, переспросил он.

Ювелир равнодушно повторил сумму.

– У тебя совесть есть? – прохрипел голландец.

Правая рука его автоматически метнулась к левому боку, где во времена его пиратской жизни, за поясом торчал пистолет.

– Совесть? – ухмыльнулся ювелир. – Если бы у меня была бы совесть, я бы сейчас с сумой ходил на Сытном рынке.

– Ты – сволочь, гнида, вошь тифозная!

Ван Хайден угрожающе двинулся к Храповицкому. Тот испуганно отскочил к стене и ухватился за шелковый шнур с декоративной кисточкой на конце.

– Еще шаг, я дерну за веревочку, и через секунду здесь объявится жандарм. А он точно поинтересуется, откуда у такого голодранца, как вы, такая дорогая вещь?

Ван Хайден остановился.

– Краденый, поди, крестик? – продолжал приторным голосом ювелир, держась за спасительный шнурок. – Соглашайтесь. Больше меня вам никто не предложит.

– Да пошел ты, ракалия! – рявкнул голландец.

Он схватил со стола Крест, сунул его за пазуху и широко зашагал к двери.

– Вы успокойтесь, подумайте и приходите.

Ван Хайден стремительно вышел из кабинета, рванув дверь за собою с такой силой, что она с грохотом впечаталась в дверную коробку, вызвав тревожный дребезг оконных стекол. В руке голландца осталась ажурная дверная ручка с торчащими из нее гвоздями.

Отпустив извозчика, Ван Хайден бесцельно брел по заснеженному Невскому проспекту. Он свернул на Знаменскую улицу и остановился перед дверью, над которой красовалась вывеска: «Трактир». Немного подумав, он вошел внутрь.

После неудачного похода за сокровищами и шведского плена на Ван Хайдена стала часто наваливаться необъяснимая хандра. А тут еще и из Адмиралтейства взашей прогнали. Неудача следовала за неудачей словно караван верблюдов в пустыне. Он стал часто пить, заливая свою тоску ядреной водкой.

Вот и сейчас он заказал полштофа водки для просветления мозгов, а на закуску – пирогов с семгой и соленые грузди. Мозги и, правда, просветлели, или он просто успокоился после неудачного визита к Храповицкому. В голову пришла простая идея, – вынуть из Креста драгоценные камни, а сам Крест распилить на небольшие кусочки, и все это распродать по частям разным ювелирам. Мысль ему понравилась, Ван Хайден заказал себе еще шкалик «на ход ноги» и вышел на улицу. Мела поземка, и дул пронизывающий ледяной ветер.

Вернувшись домой, Ван Хайден снял сапоги, полушубок, шапку и поднялся на второй этаж, в спальню. Липочки и Лаврушки дома не было, наверное, зашли в гости к тестю и теще, жившим неподалеку. Он вынул Крест, положил его на стол и стал прикидывать, как его лучше распилить. Для начала он попробовал расшатать большой рубин, но не тут-то было, камень сидел крепко.

Он хотел встать и пойти на кухню за ножом, как очередной приступ сухого, изнуряющего кашля навалился на него. Он снова попытался встать, но тут острая боль в груди осадила его, – казалось, что сердце стиснули раскаленными стальными клещами. Ему катастрофически не хватало воздуха, он жадно хватал его открытым ртом, как рыба, выброшенная на берег. В газах темнело и наконец свет погас. Кромешная тьма и боль.

Очнулся Ван Хайден от сильного запаха уксуса. Откуда-то слева тянуло морозным воздухом. Он открыл глаза. Окно в комнате было распахнуто настежь. Рубаха его была расстегнута до пупа. Над ним склонилась Липочка, старательно растирая мужу грудную клетку.

– Живой, Петя, живой! Слава Богу! – выдохнула она и опустила голову ему на грудь.

Плечи ее дрожали.

– Не плачь, родная. Все хорошо, я не умер. Не плачь, Лаврушку напугаешь.

Голландец гладил жену по волосам. Он осторожно отстранил от себя Липочку, приподнялся и сел на пол, обнимая жену. У дверей спальни стоял его сынишка. Из глаз его одна за другой катились слезы.

Он подбежал к Ван Хайдену, обнял его за шею и зашептал на ухо:

– Ты не умирай, папка, не умирай. Как мы будем без тебя? Не умирай, слышишь?

– Слышу, сынок. Не умру. Я же бессмертный.

Он поцеловал сынишку в лоб.

– Как Кощей?

– Как Кощей.

– Нет, Кощей – плохой. А ты – хороший.

Они сидели на полу втроем, обнявшись, и молчали. И голландец, наверное, впервые в своей жизни чувствовал себя счастливым. Ему было тепло и покойно в этом доме, рядом с беззаветно любящей его женщиной, с обожаемым им сынишкой.

– А может, это и есть его самое большое сокровище? – думал Ван Хайден. – Что плыть на край земли, терпеть лишения, рисковать жизнью? Да пропади они пропадом, те сокровища!

Он хотел встать с пола, но в глубине сердца его шевельнулся какой-то червячок.

– Постой, значит, вся моя предыдущая жизнь была насмарку? Я десять лет жил в постоянной опасности, два раза тонул, два раза был ранен, – и все напрасно? Я один остался в живых из команды Родригеса. Я один знаю, где лежат сокровища. Это ведь неспроста. Значит, кому-то это нужно было? Стало быть, сокровища по праву принадлежат мне. Я один знаю о них. И должен их забрать. И это будет справедливо. Не для себя радею, для Лаврушки и для будущих моих детей, чтобы они жили лучше, чем их отец. Все! Решено. Весной, когда потеплеет, продам по частям Крест и подамся в Испанию, в Картахену. Там куплю судно, – и вперед, на свой остров. Жене скажу, что поехал на родину, в Голландию, погостить, проведать родственников. Через полгода вернусь богатый, как Крез.

– Дорогой, как ты себя чувствуешь? – донесся до него голос жены.

– Все хорошо, милая.

– Может быть, мы тогда встанем с пола и пойдем пить чай?

– Отличная идея! Пойдем, сынок, чай пить!

Ван Хайден с трудом поднялся с пола.

– Пойдем, папка! С баранками и с клубничным вареньем! – радостно закричал Лаврушка и стремглав бросился к двери.

– Пошли на кухню, спасительница моя.

Голландец подошел сзади к жене и обнял ее за плечи.

Липочка стояла у стола и пристально смотрела на Крест, тускло поблескивавший драгоценными камнями.

– Это что, Петя? – спросила она, подняв на мужа удивленные глаза.

– Вот уж нехстати со мною случился приступ, не успел спрятать Крест, – пронеслось в голове бывшего пирата.

Он хотел рассказать жене все честно. О своей лихой молодости, о «кошелек» Родригеса. Но тут же отменил эту мысль. Никто не знал, что он был морским разбойником, даже родной дядя Иохим. Все знали, со слов самого Питера, что он десять лет плавал на различных торговых судах. Пираты подлежали аресту, а затем суду, в любой стране. А приговор был для них один – виселица.

– Это что, Петя? – настойчиво повторила Липочка.

– Это? Это Крест, – как можно равнодушнее произнес Ван Хайден.

– Я вижу. Чей он?

– Кто? Крест? Крест мой. Так вот всю жизнь и несу крест свой.

Но Липочке было не до шуток. Она отстранилась от мужа.

– Твой? Петя, откуда у тебя такой большой золотой Крест? Здесь огромные рубины, россыпь бриллиантов, и весит он, наверное, фунтов пять. Это же сумасшедшие деньги.

– Скажешь тоже, фунтов пять. Тут и четырех не будет.

Ван Хайден поскреб пятерней в затылке, не зная, что сказать дальше. Его вдруг осенило. Сам Крест и камни потускнели, просто их уже много десятков, а, может быть, и сотен лет, никто не чистил.

– Да может и того меньше. Фунта три с половиной, – начал врать, как газета, голландец. – Сам Крест вовсе не золотой, а раззолоченный. А камни эти драгоценные – подделка! Стеклашки. У нас в Амстердаме, знаешь, какие искусные ювелиры? Все, что хочешь, подделают. Грошовый Крест. Он у меня в детстве над кроватью висел. С тех пор я его за собою и таскаю в сундуке.

– Ну слава Богу, – облегченно вздохнула Липочка.

Святая простота, она верила всему, что говорил ей муж.

– А знаешь что, Петя. Давай этот Крест над кроватью Лаврушки повесим?

– Конечно, родная. Вот попьем чаю и повесим.

Ван Хайден обнял жену, и они пошли на кухню. На душе у голландца скребли кошки. Опять ему пришлось врать любимой женщине.

– Ну ничего, соврал и ладно. Для ее же пользы. Меньше знаешь – крепче спишь. Вот весной съезжу на остров, заберу «кошелек» Родригеса и к осени вернусь в семью. Богатый, радостный и здоровый. И начнется у меня совсем другая жизнь, праведная и счастливая. А то, что было до этого, сотру из своей памяти навсегда.

Так думал голландец, и от этих мыслей в душе у него становилось тепло, уютно и радостно. Но человек предполагает, а Бог располагает. В феврале месяце, поздним вечером, голландец возвращался из трактира в изрядном подпитии. Не доходя до дома несколько десятков метров, с ним снова случился приступ. Он потерял сознание и упал в сугроб. Время для него остановилось.

Утром обледеневший труп Ван Хайдена нашел местный дворник. Через два дня голландцу исполнилось бы тридцать семь лет.

Глава 5

Вот я и дома. Две недели моего заточения закончились. После выписки из больницы меня встретили родители и привезли домой. В квартире – чистота и порядок. Старички мои постарались и привели в образцовый вид мою берлогу. Вообще-то, квартира была их, но в прошлом году они наконец достроили свой дом во Всеволожке и переехали жить туда.

Большую часть первого этажа занимает мастерская отца, рядом – кухня и гостиная с террасой. На втором этаже – три спальни и два санузла. Отец давно мечтал о таком жилище, чтобы можно было работать, не выходя из дома. Он у меня скульптор. А мама – редактор в одном из издательств.

Вообще, они у меня хорошие, самые лучшие, и не потому, что отдали мне свою трехкомнатную квартиру на 8-й линии Васильевского Острова, и не потому, что в год окончания мною института они подарили мне симпатягу «Пежо 308», совсем не поэтому. А почему, я сам не знаю, даже если бы они мне ничего никогда бы не дарили, я бы любил их не меньше, чем сейчас. Просто за то, что они у меня есть, и за то, что они меня любят.

Я сижу на своем любимом диване, перевариваю украинский борщ и вкуснейшие фаршированные перцы, приготовленные моей мамой. В животе – приятная тяжесть, а по всему телу еле-еле растекается истома. Хорошо. Гонорар за фильм мне уже перевели на счет. Таких больших денег я еще никогда не получал. У меня больничный лист на два месяца, так что идти на работу в театр не надо. Правда, кое-когда придется приходить в поликлинику на процедуры, но это мелочи жизни. Так что я свободен как птица и богат как Гарун-аль-Рашид.

Вечером позвоню своей любимой Леночке. Соскучился я без нее. Да и две недели воздержания дают о себе знать. И, пожалуй, на той неделе сделаю ей предложение. Теперь деньги на свадьбу у меня есть. Завтра куплю ей колечко, приглашу в ресторан и просто, как бы мимоходом, скажу ей: «Давай поженимся». Девушка она красивая, я ее люблю, что еще нужно для начала новой жизни. Она, кстати, и сама мне не раз намекала на это.

Представляю, как она обрадуется. До потолка будет прыгать и визжать как поросенок. А как будет поросенок женского рода? Да и родители тоже будут рады. А то последние года три, когда мне звонит мама, первый ее вопрос – что я сегодня кушал? А второй вопрос – когда ты женишься? И тут же она приводит железный, на ее взгляд, аргумент, что, когда моему папе было столько лет, сколько мне, он уже был женат, и у них уже был ребенок. Ну то есть, я. Да, так я и сделаю, осчастливлю Леночку.

От этих мыслей мне стало еще уютнее. В квартире была тишина и покой, лишь из кухни доносилось негромкое урчание холодильника.

– Прямо как мой кот Мурзик мурлычет, – подумал я. – Кстати, надо поехать к родителям и забрать котятку назад. Загостился он что-то у них.

Голова моя клонилась к груди. Лень пудовыми гириями повисла на всех моих членах. Почему лень женского рода?

– Спать. Спать. Спать.

Я протянул руку за подушкой.

– Ты бы телевизор включил, Андрей, – услышал я над своим ухом.

От неожиданности я вздрогнул. Ангел! Я на какое-то время забыл о нем.

– Какой у тебя противный голос. Ты еще живой, Перейра?

– Ангелы не умирают. Телевизор включи.

– Зачем?

Язык мой еле ворочался во рту.

– Там сейчас по Пятому каналу дневные новости начнутся.

– А это ничего, что люди спать собирались?

– Ничего. Ты под телевизор очень хорошо дрыхнешь.
Это была правда, телевизор действовал на меня как снотворное, и редкий фильм или шоу я досматривал до конца.

– Что интересного в новостях? – спросил я и зевнул.

– Как что? – возмутился Перейра. – Обстановка в мире. В стране. Ход пенсионной реформы.

– Ты что, на пенсию собрался, Диего?

Перейра сморщился.

– Телевизор включи.

– Заладил, как дите малое: «Включи да включи».

Я встал с дивана и пошел к тумбочке за пультом. Пока искал пульт, сон прошел.

– Смотри, любопытный ты наш.

Я нажал красную кнопку на пульте.

– Я не любопытный, а любознательный, – поправил меня Перейра.

– А, все равно!

Я махнул рукой.

– Нет, не все равно, – упрямо проговорил Диего. – И очень плохо, Андрей, что тебя ничего не интересует.

– Почему не интересует? Интересует.

Я отправился на кухню, чтобы сварить себе кофе. Перейра шел за мною.

– Что тебя интересует? – не унимался он.

– Ну, много чего...

Я описал рукой круг, который должен был означать широкий спектр моих интересов.

– Ничего тебя не интересует, кроме двух вещей. Где взять денег и с кем бы переспать.

– И что? Это жизненная необходимость, друг Диего, без этого нельзя.

– Вот скажи мне, Андрей. Когда ты в последний раз прочитал хорошую книгу? Дешевые детективы в мягких обложках не в счет?

Я поставил турку с кофе на плиту и на секунду задумался.

– А, вспомнил. В прошлом году. «Замок» Кафки.

– Я спрашиваю, какую книгу ты до конца прочитал?

Это была чистая правда. «Замок» я так и не смог осилить.

– На концерты ты не ходишь, – прокурорским тоном продолжал Перейра. – «Рамштайн» не в счет. Я имею в виду классическую музыку. В музеи тебя не загнать. В последний раз ты был в Русском Музее еще школьником на экскурсии, – все больше распалялся Перейра.

– Неправда ваша, сеньор Перейра. Недавно я посещал Эрмитаж, – возразил я.

– Это было полтора года назад. И посетил ты не Эрмитаж, а свою пассию Варю, работавшую там экскурсоводом. Заниматься сексом среди полотен Джотто и Гойи!

– Слушай, Диего, что ты завелся? Я же сначала прослушал почти всю экскурсию Вари о фламандской живописи.

– Кроме фламандцев, там мои любимые итальянцы эпохи Возрождения, целый зал великого Рембрандта. Там восхитительный Гейнсборо, Веласкес, Босх... Я все это видел, когда тебя еще мальчишкой родители приводили в Эрмитаж. Сто лет назад. Да что с тобой говорить. Ты серая, примитивная личность.

Перейра сокрушенно махнул рукой.

– Кофе.

– Что, кофе? – не понял я.

– Кофе у тебя сбежал.

Ангел вышел из кухни.

Я взглянул на плиту. Из турки густой пеной вытекали остатки моего кофе. Чертыхаясь, я вытер плиту и снова сварил себе. Перелил его в чашку и осторожно понес в комнату. Поставив чашку на журнальный столик, я плюхнулся на диван.

- Что нового в мире? – спросил я.
- Теракт в Гонконге, взорвали казино.
- Казино? Кому это надо?
- Какой-то «Легион Свободы».

На экране в дыму что-то мелькало, суетилось, двигалось. Люди в зеленой униформе проносили носилки с ранеными. Полицейские отгоняли зевак и выстраивались в оцепление. Мостовая была засыпана осколками стекла, кусками бетона, покореженной арматурой и прочим мусором. На дальнем плане – фасад здания, там, где когда-то была витрина, теперь зияет дыра, из которой медленно выползает густой черный дым. Слышны крики, стоны. Бесстрастный металлический голос полицейского, усиленный мегафоном, отдает команды. Мерцающий свет проблесковых маячков выхватывает из сумрака темные фигуры. Пронзительно воют сирены служебных автомобилей. Боль, страх и ад.

Кофе щекотал мне ноздри. Я протянул руку к вазочке с конфетами и вытянул оттуда свою любимую «Мишка на Севере». Развернув, я отправил конфету в рот, а скомканную обертку на столик. Сделав глоток обжигающего кофе, я зажмурился от удовольствия. Уничтожив еще парочку «Мишек» и допив кофе, я откинулся на спинку дивана. По телевизору шли местные новости. Перейра стоял, как всегда, за правым моим плечом и, не отрываясь, смотрел в экран.

– Всякую хрень смотрит, – подумал я. – А с другой стороны, что ему еще делать? Он постоянно со мною. Всегда и всюду. Никакой свободы. Тоска. Нет, не хотел бы я такую работу.

Я еще раз бросил взгляд на Ангела. Он стоял неподвижно, в позе памятника, сложив руки на груди.

- Ладно, уговорил, Диего. Пойдем в Эрмитаж в субботу с Леночкой.

Перейра оживился. Он, по своему обыкновению, прошел сквозь диван и остановился передо мною.

- Не врешь?
- Век свободки не видать!

Для убедительности, я чиркнул себя ребром ладони по горлу.

- Смотри, Андрей. Ты обещал.

Новости уже закончились, шла бесконечная вереница глупых и назойливых, словно мухи, рекламных роликов.

- Однако скучная у тебя работа, друг Диего.

– Да уж какая есть, – вздохнул Ангел.

- Слушай, а как ты меня охраняешь?

– Хорошо охраняю. Жизнь у тебя гладкая и спокойная благодаря мне. А то, что ты с крыши упал, в том моей вины нет. Все очень быстро и неожиданно произошло.

- Я не об этом. Технология охраны какая?

– Все просто. Внушение. Этого не делай, а вот это нужно сделать обязательно. Туда не ходи, а сюда без вопросов наведайся. Ну и так далее.

– Слушай, Диего. Помнишь, я на третьем курсе сдавал экзамен по истории искусств? Я знал всего один билет. В аудитории я долго перебирал билеты и наконец взял один. Меня как будто тянуло к этому листку белой бумаги. Чудо! Это был тот самый билет. Я сдал на «отлично». Скажи, Диего, это ты мне помог?

– Конечно я, – Перейра довольно улыбнулся. – Понятно, не следовало мне этого делать. Тебе учиться нужно было, а не по женским общежитиям обретаться.

– Слушай, а в позапрошлом году, когда я с моими сослуживцами отмечал День десантника? Мы выпили хорошенько в кафе. И мне вдруг показалось, что я не выключил утюг, когда

гладил форму, и уехал домой. А ребята позже подрались с компанией кавказцев, их забрали в полицию, где продержали почти сутки и припаяли каждому огромный штраф. А уют, оказывается, я выключил. Это тоже твоя работа?

– Моя.

– Ну молодец, Перейра. Просто красавец! – воскликнул я.

– Я знаю, – кротко ответил Ангел.

– А я раньше думал, что это мой внутренний голос.

Перейра пренебрежительно фыркнул.

– Что за дикость? Ты рассуждаешь как неандерталец. Никакого внутреннего голоса нет.

Есть я.

Он ткнул себя в грудь и снова застыл в позе памятника, глядя в телевизор, где шел какой-то слезоточивый сериал. Смотреть эту тягомотину мне не хотелось.

– Послушай, Диего, а вот ночью, когда я сплю, ты тоже спишь?

– Ангелы никогда не спят.

– А что же ты делаешь?

– Ничего, стою.

– Целую ночь?

– Ну почему целую ночь? Временами Куратор меня навещает. Ему нет препятствий перемещаться, куда хочет, не то, что мне. Кое-когда удается с соседскими ангелами пообщаться, правда, у нас в Сонме это не приветствуется. Ну, что еще? Тренируюсь.

– Прости, что делаешь? – не понял я.

– Тренируюсь.

– Спортом, что ли, занимаешься?

– Можно сказать и так.

– Но как? У тебя же нет тела? – изумился я.

– Смотри сюда, юнец! Сейчас ты увидишь результат моих тренировок.

Он встал боком ко мне, отклонил торс назад, поднял правую руку вверх, выждал секунду, а затем резко бросил корпус вперед, и рука, стремительно описав полукруг, просвистела над журнальным столиком.

Конфетная обертка вдруг соскользнула со стола и, пролетев метра полтора, упала рядом со мною на диван.

– Ну, оценил?

Перейра встал в позу победителя, вероятно, предвкушая аплодисментов.

– Это все? – разочарованно протянул я. – Я-то думал...

– Чудак-человек! – воскликнул Перейра. – Я же дух, у меня нет тела. Это примерно то же, если бы ты сейчас вышел во двор и поднял свой автомобиль над головой.

– Ну да, пожалуй, ты прав. Я горжусь тобой, Перейра.

– А то! Я сам собою горжусь. Лови!

Еще дважды рука Ангела описала полукруг, – и через мгновение два фантика прилетели мне в лицо.

– Ты чего хулиганишь, Перейра? А если бы в глаз попал? Лучше иди тренируйся на шторах.

– Не вопрос.

Диего подошел к окну и рубанул рукой по шторе. Та мгновенно пришла в движение, словно от сквозняка.

– Погоди, Перейра. А зачем тебе это надо?

– Ну, во-первых, ночь скоротать. Во-вторых, определить предел своих возможностей.

– Понятно. Только пользы от этого никакой нет.

– Да, действительно, пользы мало, – серьезно произнес Ангел.

И вдруг его лицо осветила улыбка.

– Будет польза. Ты, Андрей, когда пойдешь спать, оставь пульт на журнальном столике и поверни его к телевизору.

– Зачем?

– Буду тренироваться нажимать вот эту красную кнопку. Так что, если вдруг среди ночи тебя разбудит звук телевизора, не пугайся, а знай, что я научился включать его.

– Вот только этого мне и не хватало.

– Значит, так, Андрей. Из больницы ты выписался, пообедал, отдохнул. Пора делом заняться.

– Ты о кладе, Диего? Всегда готов.

– Сначала о Кресте, а потом о кладе, – строго проговорил Перейра.

– Как скажешь. С чего начнем?

– Для начала нужно узнать адрес или адреса, если их несколько, потомков Ван Хайдена.

– Не вопрос. Сейчас включу компьютер и раскопаем их. Фамилия нам известна.

– Не доверяю я компьютеру, – проговорил Перейра. – Очень много вранья там. А нам нельзя ошибаться.

– И что ты предлагаешь, Диего?

– В полиции точные сведения о всех жителях. У тебя нет никого знакомых в органах или ФСБ?

Я почесал затылок.

– Надо подумать, дружище, прямо так, сразу, я не скажу тебе.

– Подумай.

Ангел остановился передо мною.

– И еще, мне кажется, что тебе нужен помощник. Компаньон.

– Зачем?

– Как зачем? – воскликнул Перейра. – А вдруг этих Хайденовских полтора миллиона в Питере живет? Ты что, один будешь все адреса обходить? А тащить клад с острова? Он весит, наверное, килограммов пятьдесят. Потом. Одна голова хорошо, а две лучше. Может быть, он умнее тебя будет.

– Умнее меня? Утопично.

– Михаил Борисов? – произнес имя моего старинного друга Перейра.

– Да, Мишка – монстр интеллекта. У него не голова, а Государственная Дума. Представляешь, он даже в детсаде стихи с первого раза заучивал. В школе отличником был. А сейчас – кандидат технических наук. Восемнадцать опубликованных работ.

– Ну вот, чем не компаньон тебе?

– Он сейчас в Германии, в Мюнхене. Читает курс лекций в местном университете. Вернется в Питер только через три месяца.

– Жаль, – Перейра огорченно покачал головой. – Ну а этот товарищ, что с тобой в театре работает. Ткачук?

– Димка? Хороший парень. Мы с ним в институте учились и в один театр попали. Но нет.

– Почему? – искренне удивился Перейра.

– Ты что, Ирку не знаешь? Жену его. Она же ни на шаг его от себя не отпускает. Тотальный контроль и слежка. Гестапо! Не то, что на рыбалку, даже на футбол. Мрак! Диктатор в юбке. А полгода назад у них ребенок родился. И все. С тех пор я его только в театре и вижу. Он даже по телефону со мною из туалета разговаривает. Нет, пропал человек.

– Как-то у тебя с друзьями не того... – произнес Перейра. – А этот рыжий, что в больницу к тебе приходил?

– Календарь?

– Ну да, Сентябрев.

– Точно, Диего. Март – норм. парень, мы с ним в армии служили.
– Пусть будет так... – Ангел на секунду задумался. – Не очень нравится мне он.
– Он и не девушка, чтобы тебе нравиться. Кстати, Диего. Март работает в автотранспортной компании, и у него налажены хорошие связи с ГИБДД. Он сам мне говорил об этом. Так что реальные адреса Хайденовских, считай, у нас в кармане.

– Не говори гоп, пока не перепрыгнешь, – изрек Перейра. – Ты позвони ему сначала.

– Да не вопрос.

Я схватил со столика телефон и стал набирать номер Марта.

– Громкую связь включи, я должен быть в курсе, – командирским голосом произнес

Ангел.

Я послушно нажал кнопку. Через секунду Календарь снял трубку.

– Алло! – раздался голос Марта, усиленный динамиками.

– Привет, Март! – весело прокричал я в трубку.

– А, это ты, человек-птица, мастер «свободного полета». Здорово, Андрюха! Как здорово?

– Нормально. Меня сегодня выписали. Я уже дома.

– Ну молодец. Отдыхай и больше не летай.

Календарь радостно заржал.

Перейра делал мне знаки, чтобы я переходил к делу. Я кивнул и серьезным тоном проговорил:

– Слушай, Март. Мне необходимо с тобой встретиться и поговорить по очень важному делу.

– Не вопрос, пересечемся в пятницу. Выпьем чайку по рюмочке, другой, третьей. В нашем кафе на Рубинштейна, лады?

Он замолчал, ожидая моего ответа.

– Нужно сегодня, Март, – настойчиво повторил я, подбадриваемый Ангелом.

– Старик, сегодня никак. Я занят! Понимаешь, занят.

– Спасибо, Март. Ты – настоящий друг. Через сорок минут буду у тебя.

Я быстро повесил трубку.

– Молодец, Андрей! Коротко и по-деловому, – похвалил меня Перейра. – Поехали к компаньону.

Через час я уже въезжал во двор большого многоквартирного дома на Бухарестской улице. Найдя местечко недалеко от шестой парадной, я припарковал своего «Пежика». «Мерседес» Сентябрева стоял недалеко от моей машины.

– Дома Календарь, – сказал я Перейре. – Пошли.

Я вышел из машины и направился к парадной. Перейра, как всегда, вышел сквозь машину и пошел за мною. Набрал код на входной двери, я вошел внутрь. В парадной было сумрачно и прохладно. Пройдя небольшой узкий коридор и повернув налево, я оказался перед лифтом. Я нажал кнопку вызова, и в ту же секунду гулко заработал подъемный механизм. Он недовольно рокотал, постукивал и поскрипывал, нехотя спускал откуда-то из поднебесья, кабину. Я вошел в лифт.

– Ой, подождите меня, не уезжайте! – услышал я певучий женский голос.

Я повернул голову и увидел очень симпатичную девушку в летнем открытом платье.

– Подождите меня, – повторила она.

– Только вас и жду, – я заговорил низким воркующим баритоном. – Уже часа полтора.

– Правда? А мне показалось, что вы только что вошли.

Она удивленно взглянула на меня.

– Это видимость. Мираж.

Я включил свое обаяние на полную мощность.

– Всю жизнь мечтал прокатиться в лифте с такой очаровательной девушкой.

Она вновь взглянула на меня, и в ее больших серо-голубых глазах появились веселые искорки.

– Но я не одна. Лиза! Лиза, иди сюда.

– Ваша подруга? Симпатичная, как и вы? – проворковал я, поедая свою попутчицу глазами.

Перейра, стоявший рядом со мною, скривился, как будто съел лимон.

– Симпатичная? Она просто красавица. Вам понравится. Лиза, ты где? Лиза!

В этот момент появилась Лиза. Но лучше бы она никогда не появлялась. Вообще. На свет. Это был огромный, ростом с теленка, свирепого вида черный дог. На ошейнике у него красовался кокетливый розовый бантик, указывая половую принадлежность этой псины. Дверь лифта закрылась, и эта старая колымага, трясясь и подрагивая, поползла вверх.

Я прижался спиной к стенке лифта и с ужасом смотрел на это чудовище с бантиком.

А собачье отродье, внучка собаки Баскервилей, лизнув на ходу руку хозяйки, сразу же подошла ко мне. Она бесцеремонно обнюхала мои туфли и джинсы и, уткнувшись своею огромной черной башкой мне в пах, застыла как вкопанная. Ее горячее дыхание обжигало мое причинное место, а из ее полуоткрытой пасти мне на туфли падала слюна.

Я стоял, припертый этой скотиной к стене, а душа моя трепетала как осиновый лист. Я боялся даже пошевелиться и дышал осторожно, через раз. Кто его знает, что на уме у этого мерзкого монстра?

– Не правда ли, она красавица? – весело спросила меня незнакомка.

Я попытался изобразить на лице подобие улыбки, но получилась гримаса человека, измученного диареей. Рядом со мною давился от смеха мой ангел-хранитель.

– Пиратская рожа! – с ненавистью подумал я. – Нет бы помочь человеку, так он еще ржет. Хорошо, что девица его не слышит.

Мне казалось, что лифт не едет, а стоит на месте. Прошли бесконечные секунд сорок. Наконец кабина остановилась, и двери со скрежетом распахнулись. Девушка выпорхнула на площадку.

– А вы ей понравились! – сказала она и рассмеялась. – Видите, ее от вас не оторвать. Лиза, пойдем. Не хочет. Ко мне, Лиза!

Наконец эта мерзкая скотина нехотя отклеилась от меня и пошла за хозяйкой.

Двери лифта захлопнулись, и он, дрожа, как в лихорадке, поплелся выше.

Вот и квартира Марта. Я нажал кнопку. За дверью послышалась мелодичная трель звонка. Тишина. Я позвонил еще два раза. Нет ответа. Тогда я нажал на кнопку и держал ее до тех пор, пока в квартире что-то не грохнуло, и до моего слуха донесся звук торопливых шагов. Дверь распахнулась, открыв моему взгляду кислую физиономию Марта.

Я вошел в квартиру. Перейра уже был там. Он, по своему обыкновению, проигнорировал всякие препятствия и прошел сквозь стену.

– Здравствуйте, Март Августович!

Я торжественно потряс его руку, а на моем лице сияла самая добродушная из всех моих улыбок.

– Чего приперся? Сказал же, что я занят, – недовольно пробубнил Март.

– Спасибо, Март Августович. Я вас тоже очень рад видеть.

– У тебя две минуты. Говори, что за вопрос.

– Вопрос серьезный – финансовый.

Я сделал особый акцент на слове «финансовый».

– Денег не дам, – Март распахнул передо мною дверь. – Десятого у меня зарплата, тогда и приходи. А сейчас вали отсюда.

Он подталкивал меня к выходу.

– Ты не понял, Март. Это я хочу предложить тебе одно предприятие с большой выгодой для тебя.

Март захлопнул входную дверь.

– У тебя три минуты. Говори.

– Нет, в три минуты я не уложусь, – протянул я.

– Пять минут. Начинай.

– Хорошо, сейчас начну. Только можно я у тебя туфли свои просушу?

– А что с ними? На улице дождя нет.

Он взглянул на мои замшевые туфли бежевого цвета, на которых темными пятнами проступала собачья слюна. – Значит, ветер на улице. А не надо, Андрюха, против ветра...

– Вот только не нужно пошлостей, Сентябрьев, – перебил его я. – Просто меня собака в лифте оплевала.

– Собака оплевала? – Март давился от смеха. – Ты ничего не перепутал, Андрюха? Может быть, это был верблюд?

– Сам ты верблюд. Где ты видел верблюда в лифте?

– Видел! – продолжал ржать Календарь. – Он ехал вместе с той самой собакой. Скажи еще, что верблюд тебя покусал. Ты пошто собачку обидел? Косточку у нее отнял, злыдень? Вот она и стала плевать в тебя! – не унимался Март.

И самое обидное, что вместе с ним ржал и Перейра.

– Хватит ржать, Календарь! – прикрикнул я на приятеля.

В это время из комнаты грациозной походкой пантеры вышла девушка. Она была высокой и чертовски обаятельна. Каштаново-рыжие волосы волнами падали на плечи. Глаза чайного цвета удивленно смотрели на нас. Розовые туфли на высоченном каблуке, сиреневая юбка и розовая кофточка с совсем не скромным декольте. Она подошла к нам.

Увидев ее, Календарь со смехом и тыча в меня пальцем, выдавил из себя:

– Познакомься, Энжи. Этот чудик в обделанных туфлях – Андрюха. В армии с ним ляжку тянули.

Девушка протянула мне руку.

– Анжелика.

– Красивое имя.

– Обыкновенное. Просто мои родители – фанатики «Неукротимой Анжелики».

Я пожал ее прохладную ладошку с длинными, как у пианистки, пальцами.

– Очень приятно, Андрюха. Вернее, Андрей. Артист больших и малых театров.

– А я работаю секретарем в автотранспортной компании, – улыбаясь, произнесла она.

– Мы в одной конторе горбатимся, – вступил в разговор Календарь.

– Ну я пойду, Март.

Анжелика направилась к выходу. Я услужливо приоткрыл перед ней дверь.

– погоди, Энжи, куда ты? Не уходи.

– Нет, Март, в другой раз. Смотрю, вам и без меня весело.

– Оставайся, Анжелика! Андрюха уже уходит. Ты ведь уже уходишь? – утвердительно спросил меня Календарь.

Он, словно лазером, прожигал меня взглядом.

– Я практически ушел, Анжелика, – поддакнул ему я.

– Нет, нет, уйду я. А вы, Андрей, оставайтесь.

Она прошла мимо меня своею грациозной походкой, слегка покачивая бедрами, и вышла из квартиры.

– Пока, мальчики! – произнесла она, не поворачиваясь к нам, унося свое шикарное тело в неведомые мне дали.

Я закрыл за ней дверь.

– Вот зачем ты приперся? – напустился на меня Март. – Я столько времени потратил, чтобы заманить сюда девчонку, так нет! Притащился чудак на букву «м» в оплеванных ботинках и все испортил. Кайфоломщик ты, Дорохов!

– Да ладно, что ты разорался. Сказал бы по телефону, что ты с телкой, я бы все понял. А то я занят, я занят. Деловой, блин!

– Как я тебе скажу, что я с телкой, если телка рядом сидит?

– Не кипятись, Март. Она же сказала, что придет в другой раз.

– Другого раза может и не быть. Все мы под Богом ходим.

Он махнул рукой и пошел в кухню.

Я поплелся за ним.

Март молча достал из шкафчика бутылку коньяка, два фужера и со скорбным лицом налил до половины в каждый.

– Давай, кайфоломщик, выпьем за твоё здоровье, – хмуро произнес он и протянул мне фужер.

– Нет, Март, я не буду. Я за рулем.

– Ты что, издеваешься надо мною? – заорал на меня Календарь. – Бабу мою спугнул, да еще и пить отказывается.

– Ладно, ладно, не ори, бешеный. Давай стакан. Придется на такси домой ехать.

– На такси, – проворчал Март. – Не барин, на метро прокатишься. Ну давай, твоё здоровье.

– погоди, Мартуха. А шоколадки у тебя нет? – осторожно спросил я. – Ты ведь знаешь, коньяк мне нравится с шоколадом.

– Да что же такое! – возмутился Март. – Долго ты надо мною измываться будешь?

Он подошел к своему волшебному шкафчику, откуда появилась бутылка коньяка, и вынул из него коробку дорогих шоколадных конфет.

– На, хомячь, – он бросил коробку на стол. – Аристократ хренов. Для Анжелики купил, между прочим.

– Спасибо, Март, ты – настоящий друг.

Мы чокнулись, выпили, развернули по конфете. Сжевав по конфетке, мы закурили. Голова у меня слегка кружилась, во рту был приятный вкус коньяка и шоколада.

– Эх, хорошо, – выдохнул табачный дым я. – Коньяк создан для шоколада.

– Хотел бы возразить вам, коллега, – произнес Март, пуская дым кольцами. – Это шоколад создан для коньяка.

– Согласен с вами, коллега.

Я протянул ему руку для рукопожатия.

– Ну давай, излагай свой бизнес-проект, Андрюха. Энжи ушла, так что во времени ты не ограничен.

– Только ты меня не перебивай, Март. Чтобы тебе все было понятно, я должен рассказать тебе историю жизни одного человека. Это займет какое-то время.

– Да ладно, здесь еще много осталось.

Календарь повертел бутылку в руках.

– Не хватит, так у меня в шкафчике еще одна есть. Начинай.

Он неторопливо разлил коньяк по фужерам.

Я начал свой рассказ с того момента, когда в первый раз увидел Ангела в больничной палате. Потом перешел к изложению перипетий судьбы Перейры, заканчивая его смертью на далеком безымянном острове. Я живописал вдохновенно, интонируя голосом, помогая мимикой и жестами, изображая отдельные эпизоды и характеры. Не знаю, сколько времени длилось мое повествование. Но в любом рассказе есть начало и есть конец. В бутылке оставалось

уже совсем немного коньяка, на столе скопилась небольшая горка фантиков, а в пепельнице – пирамидка из окурков.

– Ну что думаешь, Март?

Сентябрев поерзал на стуле, почесал затылок, потербил нос, прокашлялся, потом разлил остатки коньяка по фужерам. Я терпеливо следил за его манипуляциями.

– Все это, конечно, интересно, Андрюха. Пираты, острова, сокровища, Крест Иоанна Крестителя. Романтика! Но все-таки я думаю, что тебя не долечили, дружище. Так, с виду, ты вроде бы нормальный, но вот здесь...

Он постучал себя пальцем по лбу.

– Глюки остались.

– Да пойми ты, дурья башка! – раскипятился я. – Никаких глюков! Все реально. Просто у меня открылся третий глаз, – и я вижу своего Ангела! Таких случаев сколько угодно было!

– Что ты орешь на меня? – возмутился Март. – Слышу я хорошо.

– Слышишь ты, может быть, и хорошо, но соображаешь плохо.

Календарь нервно крутил в руках зажигалку, изредка шелкая ею, глядя, как вылетает огонек и тут же гаснет.

– Третий глаз, третий глаз. Четвертое ухо, пятый нос, придумает тоже, – бормотал он. – А он сейчас здесь? – неожиданно спросил Март.

– Кто? – не понял я.

– Кто, кто? Конь в пальто! Ангел твой.

– Вот придурок! – возмутился Перейра, стоявший рядом с нами.

Он с силой рубанул рукой по столу. Горку золотых фантиков словно ветром сдуло со столешницы.

– Ни хрена себе! Что это было?

Март уставился на разбросанные по полу бумажки вытаращенными глазами.

– Полтергейст! Точно. Полтергейст. У меня в доме завелся Барабашка!

– Дикий ты человек, Сентябрев. Туземец! Придумает Барабашку какого-то.

Я собрал фантики с пола и положил их на стол.

– Ну ты такой умный. Объясни.

– Что тут объяснять? И так понятно. Обидел ты моего ангела своею тупой недоверчивостью.

– Ладно заливать, Андрюха.

Он встал со стула и подошел к шкафчику. Вынув из него еще одну бутылку коньяка, он вернулся на место.

– Я понял! – радостно воскликнул Сентябрев. – Ты просто сам сдул эти бумажки на пол, когда я замешкался.

– Соображаешь, что говоришь? Мы сидим друг против друга, так?

– Так, – кивнул Март.

– Если я сейчас дуну, куда полетят фантики?

– Ко мне.

Он почесал затылок.

– А они полетели?

– Туда. Налево.

– Молодец, соображаешь.

– Этого не может быть. Здесь какой-то подвох. Фокус. А можешь повторить?

– Легко.

– Только ты отойди подальше от стола. Или лучше вообще выйди из кухни.

Я пожал плечами и вышел, наблюдая за происходящим через стекло кухонной двери.

Сентябрев поправил стопку оберток и сел на свое место. Перейра, стоявший рядом, резко крутанул рукой, – и обертки в мгновение ока снова оказались на полу, подпрыгивая и раскатываясь в разные стороны. Он еще рубанул рукой по столу, и вслед за фантиками полетели на пол окурки.

Сентябрев был в ступоре. Он сидел с вытаращенными глазами и открытым ртом.

Перейра, довольный произведенным эффектом, отошел к окну и застыл в своей любимой позе памятника, сложив руки на груди.

Я вошел в кухню.

– Ну что, убедился? – торжествующе произнес я.

Календарь молчал, тупо глядя в одну точку.

Я собрал с пола бумажки и положил их на стол, окурки отправил назад в пепельницу.

– Там еще пепел остался на полу.

– Некультурный у тебя ангел, – оглядываясь по сторонам, произнес он. – Бумажки с окурками разбросал. Пепел.

– Ты пылесосом пепел собери.

– Я пылесосил уже сегодня перед приходом Анжелики. Что, я два раза в день должен пылесосить? Ходят тут всякие, мусорят, а я должен пылесосить. Давай лучше дерябнем по пять капель, чтобы у меня мозги на место встали.

Он откупорил бутылку и разлил коньяк по фужерам.

– погоди, Андрюха, жрать хочешь?

– Нет, я дома мамино борща и фаршированных перцев натрескался. Не хочу я твоей яичницы с сосисками, – ответил я.

– Жаль, – протянул Март. – А то я для Энжи ужин из ресторана заказал. Лобстера и пару салатов. Десерт. В гостиной стол сервирован.

– Лобстера? – плотоядно выдохнул я. – Тащи его сюда и салатки не забудь. Десерт можешь оставить себе.

Минут через сорок мы прикончили ужин Дон Жуана местного калибра, помыли посуду и сидели за кухонным столом, переваривая лобстера и прочую ресторанный снесь.

Я потянулся к пачке сигарет.

– Стой. Не бери эту гадость.

Сентябрев метнулся к заветному шкафчику и с видом провинциального фокусника извлек из него светло-коричневую коробку.

– Пользуйся моей добротой. Кури хорошее.

Я взглянул на этикетку и присвистнул от удивления.

– «Гавана клуб». Это же настоящие кубинские сигары!

– А то! Другого не держим, – довольно произнес Календарь.

– Красиво живешь, Мартуха!

Мы закурили. Март разлил по фужерам коньяка.

– Значит, говоришь, сначала Крест мы должны найти?

– Да, сначала мы находим Крест, уговариваем нынешних хозяев вернуть не принадлежащую им вещь в Епархию. А уж потом – на Багамы.

– А он точно есть, этот Крест? Его кто-нибудь видел?

– Спрашиваешь! Перейра его даже в руках держал.

– Нам бы фотку или хоть картинку Креста. Чтобы знать, что искать, – произнес Март и отхлебнул глоток из фужера.

– Я нарисую картинку, а Диего будет меня поправлять, если что не так.

– Сумеешь?

Март насмешливо смотрел на меня.

– Обижает, дружище. Я все-таки в детстве художественную школу закончил.

– Слушай, Андрюха!

Март вскочил со стула.

– Если этот Крест реальный и такая ценность, то наверняка в интернете о нем есть сведения.

– Точно, Мартец. Молодец! Еще не все мозги пропил.

– За мною, к компьютеру.

Март сунул в рот сигару, подхватил со стола фужер и бутылку и быстро зашагал в комнату.

– Пепельницу не забудь, – бросил он мне на ходу.

Я поспешил за ним, прихватив пепельницу и свой фужер.

Мы уселись у компьютера. Перейра привычно застыл у меня за правым плечом, неотрывно глядя в монитор.

Сентябрев вбил в поисковик слова: «Крест Иоанна Крестителя». Через секунду открылась первая страница с длинным перечнем сайтов. Ничего, что даже отдаленно напоминало бы предмет наших поисков, не нашлось.

Перейра досадливо махнул рукой и прошелся два раза по комнате.

Мы стали открывать все сайты подряд, начиная с верхнего. На первой странице мы ничего не нашли. Открыли вторую страницу, третью, десятую. А дальше я уже сбился со счета, в глазах рябило от бесконечного количества текстов, а мы все открывали и открывали новые и новые сайты. Сколько времени мы просидели за компьютером, не знаю, часа три, не меньше. Наконец, не помню уж на какой по счету странице, мы нажали на ссылку какого-то сайта, и она послушно открылась.

– А! А! А!

Вдруг я услышал у своего уха истошный вопль Перейры.

От неожиданности я тоже заорал изо всех сил:

– А! А! А!

Календарь даже подпрыгнул на стуле от испуга.

– Ты чего орешь, псих?!

– Это он! – заорал Перейра.

– Это он! – заорал я, тыча пальцем в монитор.

На экране застыло изображение Креста. Рисунок был цветным, на светло-сером фоне. Выполнен он был с мельчайшими деталями, с бликами, рефлексами, тенями и со скрупулезной передачей фактуры материала. Видно было, что рисунок сделал хороший мастер. Под изображением стояла надпись: «Крест Иоанна Крестителя. Рисунок 17 века. Художник неизвестен».

Ниже шла небольшая статья, буквально несколько предложений:

«Крест Иоанна Крестителя (Предтечи) представляет собою огромную христианскую ценность. Именно им освятил воды Иордана Иоанн Креститель (Предтеча) перед Крещением Иисуса Христа. Во время Крещения на Иисуса сошел Святой Дух в виде голубя. Одновременно с этим Глас с Небес провозгласил: «Сей есть Сын Мой возлюбленный, в Котором Мое благоволение».

Помимо того, Крест имеет большую художественную ценность. Габариты его составляют двадцать восемь на шестнадцать сантиметров. Изготовлен он из чистого золота с искусной гравировкой, украшенной множеством небольших бриллиантов. На концах Креста расположены четыре крупных рубина, которые символизируют кровь Спасителя, а в центре – огромный бриллиант чистой воды как символ кристального, искреннего сердца Иисуса. Точная материальная ценность Креста не определена, но по качеству и количеству затраченных материалов можно с достоверностью предположить о внушительной сумме в твердой валюте. В настоящее время местонахождение Креста Иоанна Крестителя (Предтечи) неизвестно. Крест был утерян в конце 17 века».

Огромный «Боинг», мягко коснувшись колесами бетонной площадки, резво покатил по взлетно-посадочной полосе, постепенно притормаживая ход. Я смотрел в иллюминатор на бескрайний небесно-синий океан, на ярко-зеленые зонтики пальм, на разноцветные автомобильчики, снующие по набережной, и мое сердце наполнялось радостным предчувствием.

Через бортовые динамики зазвучал голос стюардессы:

– Уважаемые пассажиры! Наш самолет произвел посадку в аэропорту города Нассау. Температура воздуха за бортом плюс двадцать восемь градусов. Благодарим вас за то, что выбрали нашу авиакомпанию. Всего вам доброго. До свидания!

Я встал с кресла, достал свою сумку с антресолей, перекинул ремень через плечо и пошел к выходу.

Мною овладело легкое волнение, так далеко от дома я никогда не уезжал. Финляндия, конечно, не в счет. Это даже не заграница, – несколько часов на машине. А Багамы – это же на другой стороне Земли! Дас ист фантастиш! Я был сильно возбужден и даже не заметил, что в самолете я один.

Четыре стюардессы в голубой униформе стояли у выхода и старательно, как их учили, улыбались мне.

– До свидания, сэр! – с распевом произнесли они в унисон.

– До свидания, девушки! – пропел я в ответ, с приторной улыбкой.

У трапа меня ожидали двенадцать местных девушек, одетых в народные костюмы. Они выстроились в две шеренги, образуя живой коридор для меня. Я несколько сконфузился. Одеты девушки были в цветастые юбки, а сверху на них ничего не было, лишь только гирлянды из желто-лиловых цветов прикрывали объемные груди.

Откуда-то лилась очаровательная музыка в стиле реггей.

Одна из девушек повесила мне на шею огромный венок из местных цветов и взяла меня под правую руку, другая – под левую, и они повели меня к набережной. Остальные красотки последовали за нами.

У причала стояла большая пирога, украшенная цветами, разноцветными лентами и флажками. Мы спустились в лодку. Меня усадили на мягкую подушку, лежавшую на лавке. Две девушки сели со мною рядом, одна – слева, другая – справа. Остальные взялись за весла.

Эти две симпатичные туземки откровенно прижимались ко мне. Я ощущал жар от их тел, голову кружил густой аромат цветов. Моя буйная фантазия уже рисовала сцены, достойные фильмов только для взрослых.

– Ничего, скорее бы остров, а уж там я найду местечко, чтобы развлечься с вами, – думал я, прижимая к себе туземок.

Те совершенно не сопротивлялись, а, прильнув ко мне, слегка поглаживали мои руки, торс.

Где-то вдали эротическим подтекстом звучала упоительная, подстегивающая мои желания, мелодия в стиле реггей.

Вот наконец и остров. Он появился неожиданно, словно вырос из воды. Он был маленьким, утопающим в тропической зелени, с лагуной, обрамленной невысокими серыми скалами. Вода была нереально прозрачной, аквамаринового цвета.

Мы сходим на белый пушистый песок и идем в глубь острова, в изумрудно-зеленые заросли. Две девушки, словно приклеенные ко мне, идут рядом, а остальные следуют парами сзади нас.

Слышится мелодичное пение птиц, стрекот кузнечиков и очаровывающая музыка реггей.

Я оглядываю окрестности в поисках места для предстоящего интима, но ничего подходящего пока не нахожу. Наконец мы выходим на большую зеленую поляну. Девушки подводят меня к скале, в расщелине которой стоит старинный сундук.

– Мать честная! Да ведь это «кошель» Родригеса!
Красотки отлипли от меня.

В два прыжка я оказался перед сундуком. Ухватив за ручку, я потянул его на себя. Но сундук не сдвинулся с места, видно, много золота в нем было. Собрал все свои силы, я вновь рванул его на себя. Но тщетно, он даже не шевельнулся, словно врос в скалу. Раз за разом повторял я свои попытки вытащить чертов ящик из расщелины, но безуспешно. Сундук не сдвинулся даже на сантиметр.

– Не трожь чужое добро! Ворюга!!

Услышал я сзади себя громоподобный голос. Повернулся и обмер.

Передо мною стоял здоровенный мужик в синей треугольной шляпе, красном сюртуке и черных шароварах. Правый глаз у него был ниже, чем левый, и оба смотрели в разные стороны, и при всем при том я ощущал его тяжелый взгляд на себе. Позади его толпилось человек тридцать араваков с копьями и томагавками. Свирепые взгляды их не обещали мне ничего хорошего. Все мои двенадцать красоток перебежали на ту сторону и расположились за спинами своих суровых соплеменников.

Мужик в треуголке сделал знак, – и от толпы отделилось четверо крепких туземцев. Они словно охотничьи собаки на добычу бросились ко мне.

Сбив меня с ног, эти гады быстро связали мне руки и ноги, а между ними просунули длинный шест. Взяв шест себе на плечи, они понесли его к центру поляны. Шест слегка прогибался под моим весом, а я раскачивался на нем как на качелях. Араваки установили шест на концах двух рогаток, вбитых в землю, – и я завис примерно в полутора метрах между небом и землей.

Красотки между тем деловито стали стаскивать сухие ветки, сучья, валежник и укладывать их подо мною, не забывая при том приветливо улыбаться мне.

Я недоумевал, что они делают? Может быть, это местный обряд гостеприимства? Но где-то внутри меня шевельнулся червячок сомнения в искренности и дружественности намерений местных жителей.

Неспешной, грациозной походкой, покачивая крутыми бедрами, ко мне подошли две девушки, сопровождавшие меня. Лица их были приветливы и беззаботны. Как всегда, одна подошла ко мне справа, другая – слева. Из складок своих юбок они вынули, каждая, по ножу, и быстрым движением разрезали рукава моей футболки.

– Что происходит, дамы? Зачем вы испортили мою одежду?

В ответ я получил две обворожительные улыбки и ласковое прикосновение к моей груди от красоток справа. В это время красotka слева ловко просунула лезвие ножа мне под футболку и быстро провела им вдоль моего торса. Футболка, скорее, то, что от нее осталось, соскользнула с меня, обнажив мое не очень мускулистое и не очень загорелое тело. Далее две гарпии просунули свои ножи мне под джинсы и умело распорили их от самого верха до низа. То, что осталось от моих штанов, полетело вниз. Ласково улыбаясь мне, они сдернули с меня кеды и носки, отправив их к искромсанным штанам и футболке. Я остался в одних трусах. Но не успел об этом подумать, как в одно мгновение ока лоскуты от моих трусов свалились, и я остался в костюме Адама. Девушки убрали свои ножи. Левая и правая бесстыдно рассматривали мое причинное место и кокетливо улыбались мне. Потом одна из них что-то прошептала на ухо другой, и обе противно захихикали. День, начавшийся в аэропорту так радостно и красиво, уже переставал быть таковым. Но это были еще цветики ягодки ожидали впереди.

Левая и правая начали поливать меня из крынок какой-то жидкостью, равномерно распределяя ее по всему моему телу. Я принял, и мне сразу стало как-то не по себе, – это было оливковое масло. Умаслив таким образом каждый сантиметр моего тела, эти две мегеры принялись обильно посыпать меня мелко рубленной душистой травой, смешанной с крупной морской солью. Окончив эту операцию, они опустили на колени.

Я повернул голову, чтобы посмотреть, что будет дальше, и обмер. Две гарпии длинными спичками поджигали кучу хвороста, сложенного подо мною. Потянуло дымом, ветки затрещали. Правая и левая поднялись с колен, с их лиц не сходила улыбка, они послали мне несколько воздушных поцелуев и удалились к толпе.

Музыка в стиле реггей звучала все громче, все навязчивее, она меня уже раздражала, нет, просто бесила меня!

Костер постепенно разгорался, тепло от него уже доходило до моего тела. С каждой секундой становилось все жарче. Страшно хотелось пить. Нужно прокричать этим дикарям, что я гражданин великой России, и что у них будут неприятности. Я открыл рот, но не мог произнести ни слова, дикая жажда мучила меня так, что язык просто присох к гортани, и из горла вырывались только хриплые звуки.

– Нет, меня так просто не сожрешь! Я вам не шашлык, не кролик на вертеле, не цыпленок табака! Я российский артист!

Я закрыл глаза и сосредоточился, собирая силы, чтобы одним рывком разорвать путы, державшие меня на шесте. Раз, два, три... рывок! Веревки, опутывавшие меня, лопнули, и я полетел вниз...

– Черт возьми!

Я лежал на полу у своей кровати. Спальня была залита солнечным светом, стояла невыносимая духота.

– Приснится же такое!

Из-за стены лилась ритмичная музыка в стиле реггей. Я встал с кровати и открыл балконную дверь. Выйдя на балкон, я нашел там старую швабру и постучал ею в окно соседней квартиры. Через секунду на балконе появился парень с длинными волосами, заплетенными в дреды. Это был мой сосед Эдик, любитель творчества Боба Марли.

– Ты чего хулиганишь, Андрюха?

– Вырубил своего туземца волосатого, – прохрипел я.

– Зачем? – удивился Эдик.

– Спать мешает.

– Спать? Третий час дня.

Он постучал пальцем по циферблату часов.

– Я после ночной смены. Выключи.

– Понятно, – понимающе ухмыльнулся сосед и исчез за дверью.

Музыка прекратилась.

Я поплелся на кухню. В голове гудело и меня слегка пошатывало. В гостиной Перейра стоял перед журнальным столиком, на котором лежал пульт от телевизора, и старательно колодил по нему рукой.

– Ты чего, Диего? Заболел?

– Ангелы не болеют. Тренируюсь нажимать кнопку включения.

– И как?

– Пока никак. Не мешай. Иди, попей водички.

Я вошел в кухню. Открыл кран, подождал с минуту, когда пойдет холодная вода, и залпом выпил две кружки. Немного потоптавшись у раковины, набрал третью кружку и отправил ее следом за первыми двумя. Затем стариковской шаркающей походкой я вернулся в гостиную и грузно плюхнулся на диван.

– Ох, плохо мне, Диего, – простонал я.

– Можешь мне не жаловаться. Мне алкоголиков не жалко, – холодно ответил Перейра, продолжая свою тренировку.

– Злой ты, Диего. Бессердечный. А еще ангелом называешься.

– Сам виноват. Зачем вы после двух бутылок коньяка еще и бутылку шампанского осушили?

– А я-то тут причем? Март же сам предложил отметить успех.

– Какой успех? Еще ничего нет.

Перейра повернулся ко мне.

– Нет, не нравится мне твой компаньон.

– Да ладно. Он нормальный чувак. Просто ты придираешься. Ты и ко мне все время придираешься. Вот такой ты ангел. Душный ангел.

– Да иди ты... Поешь чего-нибудь!

Перейра махнул рукой в сторону кухни.

– Не говори мне о еде, иначе меня стошнит!

Перейра снова стал колотить по пульту, пытаясь вызвать в нем жизнь.

Я сидел на диване, тупо уставившись в стену. Мой организм отчаянно сопротивлялся навалившемуся на него похмельному синдрому. Борьба шла с переменным успехом.

– Все. Пьянству – бой! Поехали, Диего, в баню. Лечиться.

– В баню так в баню, – равнодушно произнес Ангел.

Баня находилась у Пяти углов. До нее я добрался на маршрутке минут за двадцать.

Два часа издевательств над собственным организмом сделали свое благое дело. Жаркая финская баня, раскаленная русская парная и ледяной бассейн вернули меня к жизни. Я сидел в своей кабинке и приходил в себя. Дышалось легко, во всем теле ощущалась необыкновенная легкость, так что хотелось порхать как бабочка.

Внезапно костлявая рука голода мертвой хваткой сдавила мне горло. Внутри меня проснулось дикое, первобытное желание кого-нибудь с чем-нибудь уплести. Быстренько одевшись, я почти бегом спустился на первый этаж в кафе, где удовлетворил один из своих основных инстинктов, умяв цыпленка гриль, стейк из лосося и запив все это большой кружкой клюквенного морса. Мне стало совсем хорошо, последствий от вчерашнего алкогольного безумства не осталось и следа.

Я вышел из кафе, прошел по улице Достоевского, свернул налево в Кузнечный переулок и, пройдя сотню метров, вошел в павильон метро Владимирская. Мне нужно было ехать опять в Купчино, к дому Марта, чтобы забрать свою машину.

Через пару часов я подъезжал на своем «Пежике» к театру, где работала Леночка. Я наизусть знал ее график, и сегодня она играла в паршивом спектакле, поставленном каким-то режиссером-авангардистом. Спектакль уже закончился, и первые зрители с мрачными физиономиями обманутых вкладчиков пирамиды покидали здание театра.

Я вошел через служебный вход, поднялся на второй этаж и пошел по длинному полутемному коридору, по обе стороны которого было множество дверей, а впереди, под потолком, путеводною звездой горело табло: «Выход на сцену». Старый рассохшийся паркет, брызжа, поскрипывал под моими ногами: «Ходят тут всякие, понапрасну меня топчут».

Гримерная Леночки почти у самого выхода на сцену. Чем ближе я подходил к ней, тем громче стучало мое сердце, а дыхание становилось прерывистым. Волнение холодной волной накатило на меня. По пути я повторял одну фразу, которая должна изменить к лучшему мою жизнь: «Давай поженимся, любимая!»

Вот наконец заветные врата в мой рай земной. Я остановился перед дверью в гримерку, повесил на лицо самую лучезарную улыбку из имеющихся в моем арсенале и широко распахнул дверь. Но увиденное мною в ту же секунду словно ветром сдуло улыбку с моего лица, превратив его в кретинскую гримасу.

В центре комнаты стояла наполовину обнаженная девица. Ровно наполовину. Нижняя часть ее была одета в обтягивающие брюки персикового цвета и белые туфли на шпильке, а

на верхнюю часть она приготовилась водрузить бледно-розовый лифчик. Рядом с нею на стуле лежал сценический костюм моей Леночки.

Увидев меня, она пискляво ойкнула и инстинктивно закрыла грудь руками. Зря. Я уже ее успел рассмотреть – третий номер. Глаза девицы округлились, рот приоткрылся, брови вздернулись и приняли вид двух вопросительных знаков.

Несколько секунд мы тарасились друг на друга, как баран и овца на новые ворота. Первой пришла в себя девица.

– Андрей, ты? – ошарашенно произнесла она.

– Екатерина? – неуверенно вымолвил я.

Она радостно закивала головой.

– Да, да. Это я. Ты узнал меня.

Да, я узнал ее. Это была Катька Широкова, моя бывшая однокурсница. На втором курсе у нас с нею даже случился роман. Но после одного случая, о котором я вспоминаю с содроганием, он прекратился.

А дело было так. В то время и она, и я жили, каждый, со своими родителями. Интим у нас не было, потому что им негде было заниматься. Так что, кроме прогулок в обнимку по Моховой, Невскому проспекту да страстных поцелуев на эскалаторе и в укромных уголках института, у нас дело не шло. А тут неожиданно счастье привалило, – Катькины родители в пятницу укатили на дачу. А, как известно, «кот из дома – мыши в пляс». Еще не остыл родительский след на лестничной площадке, а мы с Катериной уже были в их квартире.

Без лишних долгих прелюдий, мы оказались в постели. Все было прекрасно. А утром в субботу ненадолго съездили в институт на актерское мастерство и опять нырнули в Катькину койку.

Но так случилось, что в самый интересный момент мы услышали, как открывается входная дверь. Родители вернулись с дачи раньше времени. Отца срочно вызвали на работу. Он работал хирургом в Военно-медицинской академии. Ситуация была угрожающая. Нужно было спасти себя и Катьку от суровой родительской расправы.

Мне срочно нужно было испариться, исчезнуть, телепортироваться, чтобы не компрометировать доброе имя Катерины. Путь к отступлению у меня был один – в окно. Благо, квартира была на первом этаже. И надо было ретироваться очень быстро, потому что родители могли войти в спальню в любую секунду. А тут какой-то тип без малейших признаков одежды.

Катюха быстро распахнула окно, сунула мне в руки мою одежду и практически вытолкала меня на улицу нагишом. Приземлился я удачно на зеленый газон. Вечерело, прохожих не было видно. Я стряхнул с коленей и ладоней травинки и мелкий мусор и вдруг почувствовал на себе чей-то пристальный взгляд. Я повернул голову налево, где была детская площадка, и обмер. В пяти шагах от меня стояла скамеечка, на которой сидели две старушки. Они, не мигая, смотрели на меня. Старушечки застыли словно замороженные креветки. Для них это был шок. Оно и понятно, абсолютно голого мужика они в последний раз видели лет тридцать назад.

В армии поднятый по тревоге боец должен одеться и встать в строй за сорок пять секунд. В тот раз я, наверное, превзошел все армейские нормативы, одевшись секунд за десять. Приведя свой внешний вид в порядок, я быстро пошел в сторону автобусной остановки. Подходя к углу дома, я обернулся и бросил взгляд на старушек. Они сидели в той же позе, не шевелясь, не дыша, словно каменные истуканы с острова Пасхи. По-моему, старухи там сидят до сегодняшнего дня.

После этого неприятного случая наш роман сам собою прекратился.

Да, это была Катька из такой недалекой студенческой жизни.

– Привет, Катерина! Сто лет тебя не видел. Хорошо выглядишь.

– Здравствуй, Андрей!

Она быстро подошла ко мне, обвила шею руками и смачно поцеловала меня в губы, прижимаясь ко мне обнаженной грудью.

– А ты что здесь делаешь? Ты ведь работаешь в театре на Литейном? – спросил я, осторожно отстраняясь от бывшей сокурсницы и бывшей любовницы.

– Уже нет. Я неделю уже здесь служу. Меня главный режиссер позвал сюда, вместо этой... Как ее? Лапочкиной. Вот теперь ввожусь во все ее спектакли, работы выше головы.

Она надевала лифчик.

– Как вместо Лапочкиной? – воскликнул я. – Вместо Лены?

– Да я не знаю, как ее зовут. Я ее вообще никогда не видела. Помогите.

Она повернулась ко мне спиной, предлагая застегнуть бюстгальтер.

– Или ты только расстегивать умеешь? – хихикнула Екатерина.

– погоди, а Лену, ну Лапочкину, куда дели? – спросил я, застегивая ей лифчик.

– А куда не дели. Мне главный сказал, что она сбежала с каким-то олигархом, на чьи деньги снимался фильм с ее участием. Он ей обещал жениться и сделать из нее звезду.

– Как сбежала? Куда?

Я не верил ушам своим.

– На Лазурный Берег. Главный говорит, что там у олигарха вилла. Эх, везет же некоторым... А тут...

Катя расстроено махнула рукой и потянулась к пестрой кофточке, лежащей на гримерном столике.

У меня потемнело в глазах. Только не это! Леночка меня бросила?! Пол зашатался под моими ногами. Потолок обрушился на меня. Я почувствовал себя раздавленным, смятым и вышвырнутым из ее жизни. Ноги мои подгибались, к горлу подкатывался ком, становилось трудно дышать. Я медленно повернулся и ватной походкой пошел к выходу.

– Ты куда, Андрей?

Катерина сделала несколько шагов за мною.

Я шел по коридору, а перед глазами проплывали, словно кадры киноплёнки, моменты моего счастья с Леночкой. Ее глаза, губы, волосы, слышался ее голос и смех. Теперь это все в прошлом. Жизнь разломилась на две части – до Лены и после нее.

– Андрей, а ты чего приходил? – издали, словно с другой планеты, донесся до меня голос Екатерины.

Несколько дней я провалился в кровати словно перезрелый арбуз на бахче. В душе было пусто, тошно и холодно. Ничего не хотелось делать. Никого не хотелось видеть и слышать. В одну секунду жизнь моя потеряла всяческий смысл и интерес. Я отключил все свои телефоны, компьютер, не включал телевизор. Пытался читать книгу, но строчки плыли перед глазами и транзитом, не задерживаясь в моей голове, следовали по своему маршруту, куда-то очень далеко от моего сознания. Я отбросил книгу в сторону.

Перейры не было видно, наверное, слонялся за моей спиной или вообще в другой комнате. Он даже не просил меня включить свой любимый телевизор.

Апатия, словно огромная рыба-кит, поглотила меня и теперь переваривала в своем темном и смрадном чреве. Апатия черная, липкая и тягучая как смола заполнила мою душу и невидимыми цепями сковала мои члены. Я то дремал, то тупо глядел на потрескавшийся потолок. Мною овладело полнейшее безразличие к тому, что происходит за стенами моей квартиры, в городе, в мире. Апатия. Шторы на окнах были плотно задвинуты, и мне даже было невдомек, что сейчас – день или ночь. Да и какая мне разница? Я находился в состоянии прострации, и казалось, что этому не будет конца.

Вдруг какой-то неприятный звук донесся до моего слуха. Что это? Я прислушался. Давно забытый звук дверного звонка. Я лежал и даже не думал шевелиться. Звонок повторился. Я

закрыв глаза и принялся считать овечек в надежде уснуть. Но вместо беленьких пасторальных овечек мне виделась грязные лохматые бараны. Звонки трезвонили не переставая. Меня это уже начинало раздражать. Я положил подушку себе на голову. Вскоре звонки стали сопровождаться громкими и гулкими ударами в дверь. Кто-то колотил по ней ногами. Я, кряхтя и охая, встал с кровати и нехотя поплелся в прихожую, опасаясь, что непрошенные гости выломают дверь. Нешироко приоткрыл дверь и в образовавшуюся щель увидел озабоченную физиономию Марта.

По-хозяйски распахнув дверь, он вошел в прихожую.

– Ты чего не открываешь? Я ведь мог вышибить твою дверку.

Я безразлично пожал плечами в ответ.

– На.

Он сунул мне руку для приветствия.

Я пожал его ладонь и поплелся в гостиную.

Март пошел за мною.

– А что у тебя с телефонами? Третий день тебе звоню, – и ни один не отвечает?

– Я их отключил.

– Отключил? Сам? Зачем?

Он зафиксировал на мне свой недоумевающий взгляд.

– погоди, старик. А чего это такой ты небритый? Морда опухшая. Глаза красные. Весь какой-то помятый, нечесанный? Заболел?

– Я здоров, – вздохнул я и тяжело опустился на диван.

– А почему вид как у бомжа с помойки? Бухал, что ли?

– Я в последний раз с тобой пил. Который час?

– Без пяти восемь.

– Восемь утра или вечера?

Календарь глаза вытаращил.

– Ты что, Андрюха, с дуба рухнул? Я к тебе после работы приехал.

– Значит, вечер. Белые ночи, не разберешь, когда утро, когда вечер.

– Ты зубы не заговаривай. Давай колись, что у тебя стряслось?

– Меня Леночка бросила... – после паузы сдавленным голосом произнес я.

– Ну?

Март смотрел на меня, ожидая продолжения.

– Что ну? Меня Леночка бросила! – повторил я раздраженно.

– И все?

– Все. А тебе этого мало?

– Тьфу! Я-то думал, что-то серьезное.

Он облегченно вздохнул и сел на диван рядом со мною.

– погоди, а она тебя просто бросила или ушла к другому?

– Ушла к какому-то олигарху, – грустно ответил я.

– Вот проститутка! – возмущенно воскликнул Март и вскочил с дивана.

Правда, тут же опустился на место.

– Ты не горюй, Андрюха. В таких делах неизвестно, кому повезло – тебе или этому миллионеру.

– Миллиардеру, – поправил я Сентябрева.

– Ничего. Поживет с Ленкой, станет миллионером. Выбрось ее из головы, Андрюха!

– Легко тебе говорить.

– И тем не менее это не повод, чтобы размазывать сопли. Да ты знаешь, сколько баб меня бросили?

– Не знаю. Ну сколько?

– А вот сколько штук у меня их было, все меня бросили!

Для убедительности Март рубанул рукой воздух, вскочил с дивана и два раза прошелся по комнате.

– Все две тебя бросили? – ехидно спросил я.

– Вот этого не надо.

Он остановился передо мною.

– У меня телок было не меньше твоего. И все бросили меня, представляешь?

– Нет, не представляю, – уныло проговорил я.

– Штаны на лямках! Меня уже штук двадцать бросили, и ничего. Плюнь и разотри!

Забудь Ленку как досадное недоразумение.

– Ага, как будто это так просто.

– Проще пареной репы, старик. Я знаю, что говорю. И, главное, помни, что на место Ленки придет полк, нет, дивизия красоток, все в мини-юбках, и все твои!

– Врешь ты все, Март. Никто ко мне не придет. Никому я не нужен.

– Эй-эй! Ты не раскисай, Андрюха, взбодрись. Хочешь, я за водкой сбегаю?

– У меня есть водка. В холодильнике стоит.

– Ну хлобыстни стакан, сразу полегчает.

– Не хочу я пить, Март.

– И это правильно. Водка – горю не помощник. Тебе нужно отвлечься от мрачных мыслей. Вот, держи. Это поможет тебе.

Он протянул мне лист с изображением Креста Иоанна Крестителя.

– Один лист – тебе, другой – у меня.

– И что? Я это уже видел.

– А вот этого ты не видел.

Он протянул мне клочок бумаги.

– Что это?

На листке рукой Марта были сделаны какие-то записи.

– Ты что, неграмотный? Букварь скурил в школе? Читай. Это адреса Хайденовских в городе.

Я быстро просмотрел написанное.

– Но тут только-то три адреса?

– Хорошего понемногу.

Март приснул, но, увидев мой вопросительный взгляд, поправился:

– Андрюха, всего три адреса в Питере. Больше нет. Сведенья самые точные, не сомневайся, из Большого дома.

– Я и не сомневаюсь.

– Как делить будем? Три на два не делится? – спросил Март, аккуратно складывая свой листок с Крестом и убирая его в карман.

– Да ладно, Март. Я и один управлюсь. Я-то думал, будет штук сто адресов, а тут всего три. За полдня управлюсь, тем более что я на больничном и свободен как Куба. Так что работай, друг любезный, повышай свое благосостояние. А я с этим делом разберусь.

– Ты так думаешь?

Март озабоченно поскреб свой затылок, о чем-то соображая.

– Слушай, а как ты убедишь людей добровольно отдать Крест, который стоит кучу бабок?

– Еще не знаю, – я пожал плечами. – Но я постараюсь найти нужные слова, ведь Крест им не принадлежит. Он был украден. Украден у всего православного мира, и получается, что нынешние владельцы укрывают ворованное. А это одна из главных христианских реликвий. Она должна храниться в Церкви, чтобы быть доступной всем верующим. А если у меня не

получится убедить их, то пойду в нашу Епархию или прямо к Митрополиту и расскажу о Кресте. Я думаю, что священники обязательно что-нибудь придумают.

– Они придумают, это точно. Крестный ход организуют к одному из адресов, – обеспокоенно проговорил Сентябрьев. – Ты, как найдешь Крест, мне сообщи. Вместе пойдем уговаривать хозяев.

– Конечно, Март. Одна голова хорошо, а две лучше.

– Слушай, Андрюха, а как мы остров с кладом будем искать?

– А чего его искать?

Я поднялся с дивана и пошел к компьютерному столику, примостившемуся в углу гостиной между окном и мебельной стенкой. Я сел в кресло и включил компьютер. Подождав немного, пока он загрузится, я вбил в строчку поисковика: «Багамские Острова карта». Через секунду на экране открылась карта островов.

Я сохранил рисунок и снова его открыл, уже в фотошопе.

– Друг мой Диего, – обратился я к Ангелу. – Напомни нам координаты твоего острова.

Перейра подошел ко мне и взглянул на экран.

– Значит, так. Двадцать четыре градуса и восемь минут северной широты.

– Не гони, Диего.

Я нашел на шкале соответственное значение широты и совместил с нею направляющую линию на рабочем столе фотошопа.

– Так. Давай дальше, Диего.

– Семьдесят четыре градуса шестнадцать минут западной долготы.

– Так, понял.

Я потащил мышью направляющую линию и совместил ее с нужным значением долготы на шкале карты. Линии пересеклись у западной стороны Багамских Островов.

– Готово!

Сентябрьев и Перейра прильнули к экрану.

– Тю, – протянул разочарованно Март. – Так тут ничего нет. Вода, вода, кругом вода...

– А правда, Диего, здесь нет никакого острова?

Я устремил свой вопрошающий взгляд на Ангела.

– Конечно нет. В архипелаг Багамы, по разным источникам, входит от семисот до двух тысяч островов. Ну, в общем, багамцы сами не знают точно, сколько у них этого добра. Большая часть островов необитаема до сих пор, там нет воды. А на карте обозначены только самые крупные, обжитые острова. Так что будь спокоен, там есть Остров!

– Понимаешь, Март!

Я обращался уже к компаньону.

– Ангел говорит, что там, стопудово, есть Остров. Просто он очень маленький, необитаемый и на карте не обозначен. А, вообще, Перейра говорит, что их там более двух тысяч штук.

– Ни фиги себе, две тысячи штук!

– Сейчас нанесу на карту Остров.

Я выбрал на линейке инструментов «карандаш», поставил минимальное значение и ткнул им точно в перекрестие направляющих линий. Тут же на карте образовалась крошечная красная точка. Я любовался на свою работу, затем включил инструмент «текст» и чуть ниже точки напечатал: «Кошелек Родригеса».

– Ну все, Мартуха, принимай работу.

Я нажал на клавишу «старт» своего «Сони». Принтер заурчал, моргнул своим зеленым глазом, и через несколько секунд распечатал лист с картой и с моей красной точкой.

– Будь готов, дружище! Вот решим вопрос с Крестом, и сразу же отправимся на Багамы.

Я похлопал его по плечу.

– Да, да, с Крестом, – рассеянно проговорил Март.

На лицо его набежала какая-то тень. Он был погружен в свои мысли.

Глава 6

На следующее утро мы с Перейрой отправились по адресам, добытым Сентябревым.

Первым шел Комендантский проспект, дом тридцать семь, корпус четыре, квартира сто девятнадцать. Судя по записи, здесь проживали супруги Хайденовские – Михаил Аркадьевич и Софья Дмитриевна, пятидесяти шести и пятидесяти четырех лет соответственно. Две дочери их были замужем и жили отдельно. Я без труда нашел нужный мне дом.

Проехав вдоль него, я остановил машину у четвертой парадной. На дверях был установлен домофон. Я нажал клавишу с номером сто девятнадцать и подождал немного. Никто не отвечал.

– Блин, нет никого, – пробормотал я.

– И не надо, – отозвался Ангел.

Тогда я ткнул пальцем в первую попавшуюся мне кнопку.

– Кто там? – донесся из динамика писклявый детский голос.

– Почтальон. Откройте, пожалуйста, – как можно равнодушнее ответил я.

– Сейчас, – пискнул динамик и замолк.

Внутри что-то клацнуло, и дверь слегка подалась на меня.

Я вошел в парадную, где меня уже ожидал Перейра.

– Сто девятнадцатая на шестом этаже, – сказал он и ткнул пальцем в стену, на которой висел поэтажный план.

Новенький лифт плавно и бесшумно поднял нас на шестой этаж. Мы вышли из него на лестничную площадку и остановились перед металлической дверью, выкрашенной под черное дерево, на которой красовался золотой овал с цифрами сто девятнадцать.

– Значит, так, Андрей, – деловито проговорил Перейра. – Ты сейчас становишься вплотную к двери. А я проникаю в квартиру и все там хорошенько осмотрю. От двери не отходи, потому что неизвестно, какой площади у них квартира, а мне от тебя дальше, чем на двенадцать шагов не оторваться.

– Да помню я все, Диего. Сколько можно повторять?

– Повторенье – мать ученья.

На всякий случай Перейра погрозил мне пальцем и исчез за дверью, в очередной раз вызвав мое удивление своей способностью проникать сквозь любые преграды.

– Как он это делает?

Я прислонился к двери и стал ждать. Было тихо. Лишь изредка хлопала входная дверь, урчал лифт и опять наступала тишина. Время текло медленно словно густой мед из опрокинутой банки.

В голову непрошенными гостями полезли воспоминания о Леночке. Первое наше знакомство на общем сборе съемочной группы. Наш первый поцелуй в моей машине на стоянке у студии. Ночные прогулки по набережной Невы. И четыре волшебные ночи, проведенные в спальне. Роман был коротким, ярким, восхитительным, эмоциональным, а окончился подлым предательством. Меня просто променяли на денежный мешок. На душе стало тоскливо и противно. Нужно отвлечься от грустных мыслей.

Я достал свой смартфон, открыл первую попавшуюся игру, ею оказалась тупая стрельялка, где против меня была орава страшных монстров. Я принялся нещадно их уничтожать из базуки, представляя в каждом монстре олигарха, к которому переметнулась Леночка. Время пошло быстрее. И вот когда я должен был переходить на новый уровень, из стены рядом со мною появился Перейра.

– Как дела, Диего?

– Отлично! – радостно ответил он.

– Нашел Крест? – воскликнул я.

– Нет. Креста здесь нет, – развел руками Ангел и загадочно улыбнулся.

– Почему же тогда отлично?

– Отлично, потому что осталось всего два адреса. Наши шансы выросли на тридцать три процента, сеньор Дорохов.

– Ну да, – уныло проговорил я. – А что же ты там долго был?

– Квартира большая и мебели много, как в мебельном магазине, пока все обшаришь.

Ладно, поехали по следующему адресу.

Он решительно направился к лифту. Я последовал за ним.

Следующим адресом был Рижский проспект, дом шестьдесят четыре. По архитектуре это был доходный дом постройки примерно конца девятнадцатого века. Обыкновенное строение бежево-коричневого цвета с выступающими из фасада декоративными колоннами и пилястрами, выкрашенными в белый цвет. Я повернул во двор.

Дверь в парадную, нужную нам, была распахнута настежь. Рядом с нею стоял грузовик для перевозки мебели. Четверо полупьяных грузчиков в синих комбинезонах, чертыхаясь и покрикивая друг на друга, пытались втолкнуть в грузовик массивный старинный буфет из орехового дерева.

– Так так так, – проговорил я, доставая из заднего кармана джинсов листок с адресами. – Квартира одиннадцать. Хайденовская Людмила Робертовна, тридцати трех лет от роду. Не замужем. Состоит в связи с неким Павловым. И все.

– Одиннадцатая квартира должна быть на третьем этаже, – произнес Перейра. – За мною.

Мы вошли в парадную.

Следом за нами, тяжело дыша винными парами и распространяя запах пота по всей округе, ввалилась бригада бравых грузчиков автотранспортной компании. На первом этаже в квартире справа была открыта дверь, откуда и перемещалась антикварная мебель в грузовик.

Мы поднялись на третий этаж и остановились перед дверью с номером одиннадцать. Перейра вновь прочитал мне свою инструкцию и шагнул вперед в стену, мгновенно исчезнув в квартире.

Я прислонился спиной к двери, достал из кармана свой смартфон, чтобы продолжить громить и крушить проклятых монстров-олигархов, спасая землю от этих чудовищ. Время шло быстро. Я уже был на третьем уровне. Монстров становилось все больше, и теперь они были более изворотливы. Игра меня увлекла, и я целиком погрузился в виртуальную реальность.

Вдруг я почувствовал, что на меня кто-то смотрит. Шагов я не слышал из-за шума и гвалта, устроенного грузчиками на первом этаже. Я на секунду оторвал глаза от экрана. Передо мною стоял крепкий парень лет тридцати в светло-голубых вельветовых джинсах и пестрой рубашке навыпуск. Его стального цвета глаза буравили меня.

– Стоишь? – мрачно спросил он.

– Стою, – ответил я.

– Ждешь?

– Жду кого? – не понял я.

– Люську!

Он кивнул на дверь за моей спиной и снова уперся в меня взглядом носорога.

– Люську? Какую Люську?

– Такую! Немазанную сухую! Она моя, понял?!

– Людмила Робертовна? Пожалуйста, я не возражаю! – воскликнул я.

Лицо мое расплылось в широкой масляной улыбке. В мозгу мелькнула догадка, что этот парень и есть Павлов – сожитель Хайденовской.

– Не понял? Откуда ты знаешь ее имя? Что у тебя с нею было?

Парень приблизился ко мне.

– Ничего у нас не было. Я и знать ее не знаю, – растерялся я.

– Врешь, гад! В глаза смотреть! Что у тебя с нею было? – свирепо повторил свой вопрос

Павлов.

– Ничего не было. Гадом буду, – пролепетал я и для убедительности зачем-то перекрестился.

– Смотри. Узнаю, по стене размажу. Свободен!

Он указал мне на лестницу.

– Понимаете, прямо сейчас я не могу уйти, мне нужно подождать еще пару минут.

– Ты что, не понял, угод? Пошел вон!

Он угрожающе сделал шаг ко мне. Расстояние между нами сократилось до полуметра.

– Ну пожалуйста, еще минутку. Сейчас выйдет Диего – мой... Мой товарищ. И я тут же удалюсь.

– Там твой товарищ? А ты что, в очереди стоишь? Ну, Люська, потаскуха, опять за старое взялась! Все, ты мне уже надоел!

Он, ухватив за грудки, рванул меня в сторону, пытаюсь повалить на пол.

Моя ветровка жалобно затрещала по швам. Я отлетел в сторону, но удержался на ногах, ударившись плечом о выступ дверного проема. Разъяренный парень крепко держал мою ветровку и теперь тянул меня в направлении лестницы. Я схватил его руки за запястья, пытаюсь сбросить их с себя. Но не тут-то было. Парень держал меня мертвой хваткой. Пару минут продолжалась эта борьба нанайских мальчиков. Никто не хотел уступать. Я, вообще-то, парень не слабый, но против этого бугая мне не устоять. Еще секунд тридцать, – и я сдуюсь как воздушный шарик. Перспектива пересчитывать ступеньки своими частями тела, меня не устраивала. Нужно было что-то делать.

Я отпустил руки Павлова и быстро, согнув колени, нырнул вниз, насколько позволила ветровка, и тут же провел резкий короткий удар левой рукой в поддых моего противника. Тот хрипло вскрикнул, хватка его ослабла. Он согнулся и стал медленно оседать, хватая воздух ртом как рыба на прилавке. Я мгновенно разогнулся, сбросил с себя руки Павлова и занес свою правую руку для нокаутирующего удара в челюсть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.